К 65-летию области

НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Литературно-художественный сборник

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

ОБЛАСТНОЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС «РУССКИЙ ДОМ»

Кострома, 2009 г.

ББК 84 (2 Рос)6

По рисунку к рассказам Леонида Фролова

Литературно-художественное издание

© Составитель и главный редактор проекта М.Ф.Базанков
© Костромская областная писательская организация, 2009

Вячеслав Шапошников

ТВОИ ВЕКА, КОСТРОМА…

Среди коренных костромичей и ныне бытует старинная поговорочка – «Кострома-городок – Москвы уголок», хотя давным-давно Кострома – и не «городок», и не «уголок», а большой город, крупный культурный и промышленный центр немалой же области. Создатель поговорочки зрил, так сказать, в самый корень, имея в виду изначальную тесную связь

Костромы и Москвы, их особое историческое родство. У них и основатель – один, и возрастная разница меж ними – ничтожна.

На перекрестье двух стариннейших улиц Костромы – Пятницкой и Островского не так давно был установлен памятный камень-валун, надпись на котором гласит: «Здесь в 1152 году князем Юрием Долгоруким был основан город Кострома». По преданию, перед тем как заложить будущий город, Долгорукий повелел своим воинам запалить прибрежные дебри, в которых обосновалась разбойничья вольница. Вот с того великого пожара Кострома вроде бы и началась. Факт – примечательный, поскольку трудно перечислить, сколько раз за свои восемь с лишним веков город сгорал дотла. В летописях Кострома впервые упоминается под 1213 годом в числе городов Владимиро-Суздальского княжества, и это первое упоминание тоже связано с пожаром... Братья-князья Константин и Юрий (Всеволодовичи) враждовали друг с другом из-за великокняжеского Владимирского престола, «Константин же посла полк свой на Кострому и пожже ю всю, а люди изымаша». В 1237 году полчища Батыя, разорившие Владимир, «попленишa все на Волге и до Галича Мерского», и вновь сожжена была Кострома. Пожар был и в княжение Василия Дмитриевича в 1413 году, а через три года только что отстроенный город опять сгорел дотла... Эта чреда пожаров протянулась в истории Костромы до последней четверти прошлого столетия: два последних великих пожара посетили ее в 1847 и 1887 годах. Как будто не случайно имя города так явно перекликается со словом костер. Однако тут нет и близкого родства, как нет его и с одинаково звучащим названием соломенно-кудельной «бабы» Костромы, некогда сжигаемой в праздники на Руси во времена ее язычества.

Толкований насчет названия нашего города много всевозможных. Наиболее достоверным, пожалуй, можно считать такое: в древних летописях, особенно во псковских, слова костр, кострыга, кострум встречаются в значении «крепость», «укрепленное место», и если вспомнить, что древние города обычно так и начинались, то вполне можно остановиться на таком толковании.

Костроме и всему костромскому краю принадлежит заметное место в русской истории. Выпало ей на долю немало

и горького и славного, знавала она и взлеты и падения... Случилось Костроме на несколько лет даже стать столицей Руси: в 1272 году, когда на великокняжеский престол вступил мизинный (младший) брат Александра Невского Василий Ярославич, он не поехал в стольный град Владимир, а остался жить в любимой им Костроме.

1380 год. Куликовская битва. В ней участвовал Костромской полк под началом воеводы Ивана Родионовича Квашни. 23 костромских боярина и тысяча рядовых воинов-костромичей полегли на поле брани. Двое из костромских ратников Федор Сабур и Григорий Холопищев отыскали среди убитых и раненых потерявшего сознание Дмитрия Донского.

Когда вскоре после Куликовской битвы хан Золотой Орды Тохтамыш потребовал к себе на поклон русских князей, они не поехали. Тохтамыш ворвался в пределы Русской земли быстро направился к Москве, Дмитрий Донской со всем семейством своим выехал в Кострому, где и жил до тех пор, пока хан не покинул Москву. По смерти Дмитрия Донского на великокняжеский престол вступил его старший сын Василий. Хан Эдигей двинулся на Русь, и вся она, по словам летописца, «от реки Дона до Белоозера и Галича была потрясена сею грозою». Василий, по примеру отца, также уехал в Кострому, оставив Москву на попечение князей, бояр и духовенства. Эдигей послал в погоню тридцатитысячное войско, разорившее города Переславль, Ростов, Серпухов, Дмитров, Нижний и Городец, однако до Костромы оно так и не дошло… Почему именно в Кострому удалялись великие князья? Ведь на пути у них было немало городов, укрепленных по крайней мере не хуже, чем она… Видимо, была Кострома особо надежным прибежищем.

В 1425 году великий князь Василий Дмитриевич скончался, и по установившемуся тогда новому порядку престолонаследования преемником его стал старший сын Василий Васильевич (Темный), дядя которого Юрий Дмитриевич, следуя старому порядку, не признал старшинства племянника и стал домогаться великого княжества. Началась продолжительная и кровопролитная, но уже последняя усобица из-за Московского престола. Кострома тут играла довольно пассивную

роль, хотя и сильно пострадала, находясь в центре борьбы; летописцы повествуют, что ее занимали то войска великого князя, то его противников.

В XVI веке ополчения костромичей дважды громили татар, совершавших набеги на костромские земли (в 1539 году ополчением командовал воевода Мстиславский, в 1540 – воевода Яковлев). Перед походом Ивана Грозного на Казань в Костроме собирался полк первой руки князей Горбатого и Серебряного.

* * *

Так уж получилось, что уже несколько лет я живу в самом центре Костромы. Жить здесь – значит постоянно иметь перед глазами множество побуждений к мыслям о прошлом моего города. В безлиственную пору года из моего окна виден небольшой двухэтажный дом, где родился «отец русского театра» Федор Волков, а чуть левее виднеется храм Иоанна Златоуста, построенный в XVIII веке, а еще левее – два дома Третьяковых, словно бы напоминающих: и на костромские капиталы создавалась известная на весь мир картинная галерея... Далее золотятся главки углового храма и надвратной башни Богоявленского монастыря, возносятся ввысь купола еще двух монастырских храмов. Доводилось этому монастырю и самому гореть, и одиноко возвышаться среди уничтоженного огнем города, доводилось ему отражать идущих на приступ врагов, помнит он и страшные годы опричнины.

Весной 1559 года Иван Грозный повелел собрать в Нижнем Новгороде войско для защиты Астрахани и начальство над ним вверил своему двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу (Старицкому), который отправился в Нижний через Кострому, где ему оказали великие почести, встретили хлебом-солью, за что костромичи вскоре поплатились: грозный царь, которому всюду мнились боярские козни, приказал всем костромским начальникам явиться в Москву, где и казнил их всех до единого. Князя Владимира по его приказу отравили Малюта Скуратов и Василий Грязной. Царский

гнев пал и на костромское духовенство: жестоко избиты были опричниками иноки Богоявленского монастыря, выказавшего особое почтение Владимиру...

1608 год. После разгрома Ростова Великого войско Лжедмитрия II, под предводительством Лисовского, появилось в поволжских городах и двинулось к Костроме, разрушая все на своем пути. 30 декабря они с боем захватили город и подвергли его жесточайшему разорению. Часть жителей вместе с иноками заперлись в Богоявленском монастыре и долго отражали нападения «тушинцев», однако на шестой день вынуждены были сдаться. Многие из монахов и горожан были убиты ворвавшимися в монастырь врагами. Такой же участи подвергся и Крестовоздвиженский монастырь, находившийся на территории кремля. Ныне от этого монастыря, как и от самого кремля, не осталось и следа.

Смутное время было особенно тревожным и лихим для Костромы. Она была важным стратегическим пунктом, прикрывавшим северные области, еще не истощенные безурядицей. В январе 1609 года «тушинцы» направились в Галич, оставив в Костроме большой отряд с пушками. Но ополчение северных городов (Солигалича, Чухломы, Вологды и других), освободив захваченный было врагами Галич, подошло к Костроме и после долгого уличного боя очистило Кострому. «Тушинцы» укрылись в Ипатьевском монастыре, в ту пору уже опоясанном каменной стеной. Северные ополченцы расправились с воеводой Дмитрием Масальским – ставленником Самозванца; костромским воеводой стал боярин Борис Салтыков. Лисовский, поспешивший на помощь своему отряду, осажденному в Ипатьевском монастыре, не смог переправиться через Волгу и удалился к Троицкой лавре, разрушив по пути Нерехту и Большие Соли.

После ухода Лисовского воевода Жеребцов приступил к штурму Ипатьевского монастыря и вытеснил засевших там врагов, которые отступили к Святому озеру, где и были окончательно разбиты. В память об этой победе на берегу озера позже была воздвигнута часовня, которая сохранилась до наших дней. Жеребцов, присоединив к себе ополчения ярославцев и костромичей, поспешил на выручку осажденной Сапегой Троице-Сергиевой лавре.

Однако на том затянувшееся лихолетье для Костромы, как и для всей Русской земли, не кончилось. После того как Боярская дума, взявшая правление в свои руки, пригласила в Москву пана Жолкевского, наступили еще более грозные дни... Вступив в Москву с войском, Жолкевский часть его разослал по разным городам. В Кострому прибыл отряд под предводительством Самуила Маскевцча, и много бесчинств было сотворено в городе.

Народ вновь поднялся на борьбу. В разных городах собирались рати. Собрала свою рать и Кострома – во главе с воеводой Федором Волконским. Ратники вступили в Москву. Однако и на сей раз с интервенцией не было покончено. Более того, события поворачивались так, что потухла было и сама надежда на освобождение...

Но вот поднялся Нижний Новгород. Несли нижегородцы деньги и имущество, жертвуя их на защиту Отечества, отовсюду стекались в Нижний ратные люди. Тем временем в Кострому пришла из Москвы боярская грамота с увещанием оставаться верными королевичу Владиславу. Костромичи разделились на две партии, из которых большая требовала присоединения к нижегородскому ополчению, другая же, во главе с воеводой Иваном Шереметьевым, требовала верности Владиславу.

Между тем князь Дмитрий Пожарский и Козьма Минин со своими дружинниками выступили из Нижнего и направились к Костроме. В Плесе встречавшие их многие из костромичей заявили Пожарскому, что костромской воевода не хочет впускать его в город. Пожарский занял костромские посады, горожане восстали против воеводы и «мало не убиша его», если бы не вмешательство Пожарского. Успокоив жителей и назначив им воеводой князя Романа Гагарина и дьяком Андрея Подлесова, Пожарский собрал из костромичей большое ополчение, а также получил немалую материальную поддержку. Присоединив костромское ополчение к своим войскам, он двинулся на Москву. Разбив противника под Москвой, Пожарский заставил затем капитулировать и засевший в Кремле польский гарнизон. После освобождения столицы был созван Земский собор, избравший 21 февраля 1613 года русским царем пятнадцати-

летнего Михаила Романова. Никто не мог определенно указать, где живут мать и сын Романовы. Они уехали из Москвы как будто в Кострому, однако уверенности не было. В Кострому были посланы гонцы, а вслед за ними, 2 марта, целое посольство во главе с архиепископом Феодоритом и боярином Федором Шереметьевым. В архиве Костромской палаты государственных имуществ хранилось дело о церкви села Домнино, где значилось: «...в октябре месяце 1612 г. Ксения, тогда уже инокиня Марфа Иоанновна, освободясь из польского плена, с пятнадцатилетним сыном Михаилом, уехала из Москвы в Костромское свое поместье, в село Домнино, где, оставив сына своего, как монахиня, удалилась в дом свой, находившийся в Костромском кремле у бывшего там Воздвиженского мужского монастыря». Выдержку эту полезно тут привести, так как до сих пор твердится, что мать и сын Романовы жили вдвоем в Ипатьевском монастыре. Посольство находилось по пути в Кострому; поляки и литовцы, всюду бродившие целыми отрядами по разоренной России, задумали схватить и убить Михаила или отправить его в Польшу, опередив посольство Земского собора. С этой целью один из отрядов отправился из Вологды на поиски лесного сельца Домнино.

О подвиге домнинского крестьянина Ивана Осиповича Сусанина слишком хорошо известно, чтобы повторять здесь этот рассказ. Благодаря Сусанину юный царь был благополучно доставлен в Кострому, где остановился в доме матери в так называемом осадном дворе, и только по просьбе костромичей, уже извещенных об избрании Михаила, они оба перебрались для приема посольства в наместничьи кельи Ипатьевского монастыря. Кстати, монастырь этот исстари находился под опекой бояр Годуновых, враждебно относившихся к Романовым. Основатель монастыря татарский мурза Чет, принявший православие и добровольно перешедший на службу к Ивану Калите, стал родоначальником костромских вотчинников – Зерновых, Шейных, Вельяминовых-Зерновых, Сабуровых, Годуновых – покровительствовавших монастырю. Легенда гласила, что плывший по Волге Чет, в дороге тяжело заболел, сделал на стрелке Волги и реки Костромы стоянку и дал обет в случае выздоровления построить здесь

монастырь. В свое время легенда эта имела особый смысл: в самом факте перехода татарского мурзы на сторону русских усматривалась духовная победа над завоевателями. Далеко еще было тогда до Куликовской битвы, еще дальше было до полного освобождения…

* * *

Древние города без своих легенд и преданий не жили. Кострома богата своими.

Всякий гость ее, впервые въезжавший в город по новому мосту через Волгу, обращает внимание на пятиглавый храм с трех сторон окруженный галереями. Храм Воскресения на Дебре, ныне единственный из бывших посадских храмов Костромы, построен в 1652 году. Здесь хранится самая древняя икона Костромы (XIII век) – «Богоматерь Феодоровская». Уже сама по себе она может быть отнесена к памятникам отечества, к тем «остаткам прошлого» (по Далю), которые ныне молчаливо свидетельствуют о нем. В течение столетий икона эта считалась покровительнице города. Легенда гласит, что костромской князь Василий Квашня, самый младший из братьев Александра Невского, во время охоты в лесу за северной окраиной тогдашней Костромы, услышав, как «начавша пси лаяти притужно», помчался на лай и увидел на сосне икону, и ее перенесли в храм Федора Стратилата. Вскоре храм этот сгорел, но на третий день после пожара икона была найдена невредимой среди головней и пепла. Было это, по легенде, в августе 1262 года. На деле же, до появления в Костроме икона эта находилась в городецком Феодоровском монастыре, и именно перед ней Александр Невский принял перед смертью схиму с именем Алексея. Зная это, легко предположить, что побывавший на погребении старшего брата в не столь уж далеком от Костромы Городце князь Василий увез икону с собой на память. Известно, что из Городца в Кострому приезжали посланцы с просьбой вернуть икону их городу, их монастырю, но вернулись ни с чем. Спустя десять лет в 1272 году, к Костроме подступило татарское войско, ведомое так называемыми «бесерменскими купцами, которым Золотая Орда отдавала

на откуп сбор дани с русских городов. Такой сбор был обыкновенным грабежом, после которого многие города оставались начисто разоренными. Василий, собрав в Костроме небольшую дружину, двинулся на врагов, повелев нести с собой и икону Феодоровской Богоматери. В трех верстах от города, за тем местом, где позднее поднялись первые здания Ипатьевского монастыря, Василий встретил превосходившую силами татарскую рать и разгромил ее. Было это у озера, которое с тех пор стало называться Святым. Так что вся многовековая история Костромы прошла перед этой иконой. Время, бесчисленные пожары, людская воля, нередко являвшая себя в безоглядной поспешности, унесли многое, а вот она – осталась, самое древнее, что ныне есть у Костромы от старины ее.

* * *

Старую, коренную Кострому, ученую-переученую бесчисленными пожарами, и ныне не назовешь каменной. Лишь сам центр ее, как бы взломанный со стороны Волги, тот многогранник, от которого веером разбегаются проспекты и улицы, лишь его можно считать вполне каменным. Далее Кострома и ныне в основном деревянная, до самых своих новых окраин, обступающих ее со всех сторон многоэтажными, сплошь каменными домами.

Пожалуй, не случайно столь пышным сооружением Костромы является пожарная каланча. Такой, наверное, не сыщется нигде по всей России. Глядя на нее, с невольной улыбкой думаешь, что очень уж уважительно надо было относиться горожанам к своим брандмейстерам, коль воздвигнута была эта каланча-звонница, каланча – ампирский храм!..

Да, Костроме словно на роду было написано долгие века оставаться деревянной. Выход России к морю в XVII столетии лишил Кострому преимуществ города, находящегося у перекрестка древних торговых путей. Захирели ее главные производства – кожевенное и мыловаренное. Костромские каменщики вытребованы были в строящийся Петербург, Москве они тоже требовались… Однако тогда Кострома

исподволь обзаводилась каменными строениями: возводились и расписывались красивейшие храмы, построено было здание городского суда, соляной склад-магазин, вырастали особняки купцов и богатых прасолов. За Ипатьевским монастырем построены были казармы для Уфимского полка, а у Волги выше Татарской слободы – для Троицкого, в Костроме появился гарнизон. Правда, до поры до времени все это каменное строительство велось почти вне всякого плана. Город еще разделялся на «старый» и «новый», на посады, отделенные друг от друга земляными валами и бревенчатыми стенами. Улицы были тесны и путаницею своею представляли настоящий лабиринт...

В 1773 году город «посетил» очередной большой пожар. Спустя пять лет Кострома становится губернским центром. Пожаром «отмечено» и это немаловажное событие: сгорела уцелевшая от предыдущего пожара часть города вокруг Богоявленского монастыря... Город фактически предстояло отстраивать заново, и делать это решено было по специально составленному плану. Город как бы раскрывался к Волге, менялось направление улиц, от центральной площади, имеющей подковообразную форму, радиусами расходились 8 главных улиц, прочие улицы пересекали их частями огромных полуколец; под сплошную каменную застройку отводилась лишь центральная часть Костромы, ограниченная первым полукольцом. Чуть позже план этот был уточнен, и Кострома застраивалась по нему вплоть до самой революции.

Ныне, пожалуй, не найти другого города в России, сохранившего свой исторический центр в столь же мало искаженном виде. Без утрат не обошлась и Кострома, но сохранено главное – центральная площадь (Революции, бывшая Сусанинская). Думается, что по всей провинциальной России нет и такого множества колоннад, как здесь: Красные ряды, Большие Мучные, Табачные, Мелочные, Пряничные, Рыбные, Масляные и прочие; колоннады каланчи, гауптвахты, Присутственных мест, дома генерала Борщова...

Центральная площадь со всем ансамблем зданий, окружающих ее, сложилась всего за четверть столетия. Ее формирование начал архитектор С. А. Воротилов, воздвигнувший в 90-х годах XVIII века Большие Мучные и Красные

ряды. Затем Н. И. Метлин выстроил здание Присутственных мест напротив Красных рядов и дом причта Благовещенской церкви, возле которого поднялся выстроенный по «образцовому» проекту дом Борщова. Завершил создание ансамбля П. И. Фурсов, построивший в 1825–1826 годах каланчу и здание гауптвахты. В 1851 году был открыт созданный скульптором Демут-Малиновским памятник Ивану Сусанину, установленный в центре разбитого посреди площади сквера. Довольно быстро застроилась и вся центральная часть Костромы, почти не менявшаяся на протяжении последующих полутора столетий. Случались утраты, и немалые– такие, например, как исчезновение памятника Сусанину, целого комплекса на территории бывшего кремля с великолепнейшим Успенским собором. Ныне же облик старого центра Костромы бережно сохраняется.

Кострома особенно славилась своим силуэтом. Как никакой другой волжский город, она открыта взору со стороны реки. Обилие церквей и колоколен создавало незабываемый облик города, главной доминантой которого была колокольня Успенского собора, о красоте которой писал В.И.Ленину побывавший в Костроме весной 1919 года А.В.Луначарский. Лишившись ее, силуэт города заметно проиграл, став плоским, невыразительным. Сегодняшние архитекторы, понимая это, несколько лет назад восстановили колокольню «у Спаса в Красных рядах» и пятиглавие самого этого храма. Был и другой проект – построить 16-этажное административное здание примерно на том месте где, стояли Успенский собор его колокольня. Вокруг этого проекта велось немало споров (областная газета в августе 1975 года даже поторопилась объявить вопрос о строительстве «высотки» окончательно решенным). Однако здравый смысл возобладал, было доказано, что исторический центр города, созданный по единому плану двухсотлетней давности, окажется в эстетическом противоречии с коробкой из стекла и бетона, более того – он будет непоправимо искажен, как единое целое. Старые города, всего навидавшиеся за свои века, включают в себя словно бы несколько малых городков, имеющих свое особенное лицо. В тесном соседстве живут эти части, и растворенные друг в друге и друг от друга обособленные.

Одно дело – центр Костромы и другое, к примеру,– ее привокзальный район с его железнодорожным непокоем. Или текстильная Кострома, теснящаяся вдоль левого устьевого берега реки Костромы: тут – дух вечного труда, застарелый фабричный дух, царящий не только над самими фабриками, но, непостижимым образом, и над всеми соседними улицами, улочками, переулками. И уж совсем иным веянием дохнут окраинные новостройки, где полный хозяин – наш, XX, век, близящийся к завершению… Своеобычность – всюду. Но, наверное, всегда по-особому дорога всякому костромичу Кострома коренная, древняя...

На улицах этой Костромы немало сохранилось старых оград, надвходных кованых зонтов затейливого рисунка; за оградами и воротцами любой из таких улиц можно видеть зеленые просторные дворики, заросшие столетними липами, березами, кленами... Все это оставляет особенно сильное впечатление в листопадную пору, когда Кострома словно бы погружена в раздумье о своих утекших столетиях...

Не случайно именно Кострома притягивала к себе такого глубоко национального русского драматурга, как А. Н. Островский, не случайно костромские места были такими привлекательными и родными для Б. М. Кустодиева – художника русского по всему духу и сути своих творческих пристрастий. «До сих пор еще живу всем тем, что мы с Вами видели в наших прогулках по Костроме и особенно эта удивительная гауптвахта с пожарной»,– писал Кустодиев в Кострому Ивану Александровичу Рязановскому, археологу и историку, знатоку нашего края, к которому часто приезжал в годы, связывающие художника с костромскими местами.

* * *

Свернем с бойкой Советской улицы, почти в самом начале ее, на улицу Чайковского (бывшую Ильинскую), сбегающую к Волге. Здесь что ни дом, то достопримечательность. Когда-то, до 1780-х годов, тут возвышались валы костромского кремля, от которых ныне осталось одно-единственное ответвление, на самом конце которого стоит беседка-ротонда, обычно называемая «беседкой Островского».

Название условное, поскольку великий драматург никогда в этой беседке не бывал: она появилась позднее. Та же беседка, которую он любил посещать в свои наезды в Кострому, была деревянной и находилась над самым береговым урезом, не на теперешнем месте.

Улица Чайковского – это улица старинных двухэтажных особняков. Остановимся перед одним из них, украшенным четырехколонным портиком коринфского ордера. Знатокам костромских достопамятностей он известен под разными названиями: «ампирный дом», «дом Янцен», «розовый дом»... Построен он в 1788 году на «росчистной» земле, после неполного срытия валов и полной засыпки рвов костромского кремля. Первоначально облик дома не был столь выразителен: портик, выполненный по чертежу уже упомянутого архитектора Фурсова, появился лишь в 1825 году. В 1797 году владелицей дома стала помещица А. В. Аристова. Спустя четыре года ее дочь Мария, как прежде говаривали, «ввела в дом мужа» – тридцатилетнего полковника Петра Яковлевича Корнилова, только что вернувшегося из итальянского похода Суворова, в котором не единожды отличился, показав «опыты самой блистательной храбрости». В Костроме, в тихой семейной обстановке молодой полковник прожил недолго: уже в 1810 году он участвует в штурме турецких крепостей Силистрии и Шумлы. Затем – производство в генералы. Рана при взятии Рущука. 1812 год. Сражения под Кабрином и Городечным. При переправе через Березину он едва не пленил самого Наполеона. Имя молодого генерала узнала вся Россия. Возвратившись после войны в Кострому к семье, Корнилов занялся украшением дома, поручив дворовому человеку помещика Борщова Степану Поплавскому роспись парадных комнат второго этажа. В этой работе Поплавскому, талантливому художнику-декоратору, помогал крепостной художник Корниловых Александр Поляков. Работа с Поплавским многому научила его, ему удается поступить в Академию художеств, по окончании которой он становится одним из создателей галереи 1812 года в Зимнем дворце. В этой галерее есть, кстати, и портрет П. Я. Корнилова. Боевой генерал недолго домоседствовал в Костроме: его ожидали новые походы. В 1828 году он был убит при штурме

турецкой крепости Журжи. Сын погибшего генерала гвардейский офицер Павел Петрович Корнилов женился на признанной красавице и известной поэтессе Анне Ивановне Готовцевой, стихи которой печатали лучшие столичные журналы. Ей принадлежит стихотворное послание к Пушкину: «О Пушкин,– слава наших дней...», по поводу которого поэт написал одно из лучших своих лирических стихотворений (правда, написал как бы по заказу – по просьбе П. А. Вяземского):

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы…

Сам Вяземский, кстати, посвятил молодой поэтессе не одно стихотворение. Ее дарование отмечал Белинский. Однако заботы о семье отвлекли Анну Ивановну от серьезной литературной работы. В 1837 году она приютила в своем доме осиротевшую племянницу, девочку-калеку Юлию Жадовскую, заменив ей мать. Заметив у Юлии ранние поэтические способности, она помогла им развиться, так что есть заслуга Анны Ивановны в том, что вся

Россия пела романсы на стихи замечательной поэтессы Юлии Жадовской, написанные Глинкой, Варламовым, Даргомыжским, Чайковским.

В Костроме немало таких домов, история которых изобилует интереснейшими фактами и мотивами. Взятые сами по себе, дома эти – лишь разрозненные частицы былой Костромы, памятные вехи, включенные в круг богатой истории города, превращающие эту историю в вечно живое, одухотворенное прошлое. Кому-то вполне можно бы замахнуться на большой исторический роман, главным героем которого стал бы сам город, в котором нашли бы отражение судьбы многих славных людей в их взаимном переплетении, в переплетении с конкретными обстоятельствами истории. Такой опыт был бы крайне интересен. Ведь Костроме и костромскому краю принадлежит заметнейшее место не только в русской истории вообще, но и в истории русской культуры. Сколько имен можно тут припомнить: А. Аблесимов, П. Катенин, А. Плещеев, А. Писемский, А. Островский, Н. Некрасов, С. Максимов, Н. Михайловский, Н. Страхов, В.

Зайцев, Б. Кустодиев, Г. Островский, Е. Честняков... С костромской землей, пусть и не постоянными связями, было связано творчество Засодимского, Лескова, Короленко, Левитана, Саврасова, Поленова, К. Коровина...

* * *

Как-то в книге Гончарова «Фрегат «Паллада» мне попались такие вот строки: «Я, между прочим, наткнулся на великолепное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, и был счастлив в то утро. Такие народные памятники – те же страницы истории, но тесно связанные с текущей жизнью».

Да, именно так: «страницы истории, но тесно связанные с текущей жизнью»! Слова эти можно повторить применительно к отдельным зданиям и целым комплексам старой Костромы, на которых ныне можно видеть охранные таблички. Ведь, как правило, имеется в виду не просто то, что сохранилось от прошедшего и свидетельствует о нем, но и зримо и необходимо присутствующее в наших днях, составляющее неотъемлемую и подлинно прекрасную черту настоящего.

Ведь взять бы хотя бы старый центр Костромы с его торговыми рядами и административными зданиями. Именно здесь самое бойкое, самое многолюдное место города. Здесь проходят торжества, праздники, ярмарки. Древнее живет не музейной тихой жизнью, отстраненной от дня сегодняшнего, но влито в единый поток современности. Ипатьевский монастырь стал историко-архитектурным музеем-заповедником, Богоявленский, где долгое время помещался областной архив, вскоре вместит экспозицию зональной художественной выставки...

Памятники прошлого молчаливо (и все же так красноречиво!) свидетельствуют о духовном величии, о даровитости нашего народа. В Троицком соборе Ипатьевского монастыря тебя охватывает радостное ощущение некоего вечноцветущего сада: тут и сдержанное поблескивание резных листьев и гроздьев иконостаса, и тона фресок, где преобладают лазурь и огненная киноварь. И, окруженный всем этим великолепием, с гордостью и радостью думаешь о том, сколь

Даровиты были русские люди, жившие в далеком прошлом... И вспоминаются их имена: Иоаким Агеев, Василий Ильин, Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов, Артемий Тимофеев, Фома Ермилов... Всех и не назвать здесь.

Какая это великая опора душе человеческой – национальная историческая память! Как благотворно и здорово для нас радостное ощущение нераздельности, слиянности с тем, что «прежде было»!..

П а м я т ь... В который раз ловлю себя на благодарной мысли о том, что самое живое и глубокое толкование этого слова встречаешь у Владимира Ивановича Даля. Как это просто, тепло и как бы навечно сказано им: «способность помнить, не забывая прошлого; свойство души хранить, помнить сознанье о былом»!.. Не просто «хранить», «помнить былое», а «хранить, помнить сознанье о былом». Именно «сознанье о былом» должны хранить мы, именно это «свойство души» должно быть с нами постоянно.

Что есть человек без своих местных привязанностей, без потребности отыскать в своем будничном привычном окружении всего заслуживающего восхищения, благодарного воспоминания, любования? Человеку необходимо знать «в лицо» свою малую родину, свой родной уголок, свой родной город. Их красота, их неповторимость, их пережитое – тут основа истинной, сыновьей любви к Отечеству.

«Памятники Отечества», 1983 год.

Павел Румянцев

ВСТРЕЧА

Нашему книжному магазину, можно сказать, повезло. Он расположился в старинном купеческом здании с портиком снаружи и антресолями внутри. А поскольку городские власти снесли вокруг все церкви и соборы, то наш, как мы попросту его называли; – «книжный» в столь необычном историческом развитии стал духовным центром жизни города.

Когда-то местная интеллигенция приходила сюда не столько что-либо приобрести, сколько пообщаться. Особенно в воскресные дни. Да-да, было такое на памяти – работали по выходным.

Старинный русский город наш не так чтобы велик, но и не мал. В чем есть своя прелесть! Люди знали друг друга, прогуливались по портику магазина, здоровались, интересовались делами, показывали своих отроков и краснеющих барышень. Телевидение еще не загоняло людей по квартирам, интересные собеседники вещали не только с экранов. И где, как не в храме книги, можно было поговорить по душам. Тем более что и знакомились легко и непринужденно, достаточно было знать кого-нибудь в небольшой группе собравшихся.

Торговый люд, как и покупатели, тоже был особый. Говорили шепотом, службу вели исправно, деньги брали словно на пожертвование.

Да что продавцы! Казалось, и стены были пропитаны благовонным духом книги. Бывало, возьмешь с полки модную литературную новинку, листаешь, оборачиваешься, а из-за твоего плеча с портрета иронично улыбается Чехов, за ним – Гоголь, а где-то вдали пробивается суровый взгляд Льва Толстого. Вздохнешь, отложишь нашумевшую новинку и вспомнишь классика: «К чему писать новые книги, когда есть прекрасные старые?» Н-да!. .

«И почему так устроен человек, что его тянет к культуре? – подумалось мне, когда очередь в «книжном» зашевелилась, приготовилась к штурму. – Какая была раньше идиллия! Никто этими книжками не интересовался! Правда, говорят, книги лежали свободно оттого, что читатели их сидели по тюрьмам и лагерям. Нет, лучше вот так, в тесноте, чем такая идиллия. Господи, не приведи!»

– Открыли! – раздался крик, и мы понеслись.

Строгая девушка дюралевой палкой отсеивала по десять человек и запускала в вестибюль, похожий на загон. Зрелище унизительное, но право, – уж лучше так, чем хорошие книги да некому читать!

– По две не даем! – не менее строгий кассир бдила за Исполнением приказа директора магазина. А сам директор стоял на антресолях и взирал.

Вообще-то я не хотел выстаивать очередь, но разве можно совладать со своими чувствами, с этим запахом краски, золотом переплетов, хрустом страниц! Новая книга, пока ее

не подержали в руках, – вещь мертвая, неочеловеченная, и только когда открываешь ее, она оживает на твоих глазах, словно именно ты, а не писатель вдохнул в нее жизнь.

«О, чудо! Глазам своим не верю!.. 1924 год!... Н-да!... Репринтное издание... Надо непременно взять, – решил я, перевернул обложку и увидел цену... – Однако ж!».

Простого, не репринтного, издания никогда не было, а если у кого и сохранилось, то у них изымали и даже ссылали... И вдруг переиздали сразу как репринтное... Странно? Вот парадоксы жизни: раньше не приобрел, так как было нельзя, а теперь можно, но не куплю, так как дорого. Что лучше? Наверное, все-таки последнее. Пусть лежит. Или другой кто возьмет!

Но расставаться с книгой мне было жаль. Я все листал и листал страницы. А публика все расхватывала и расхватывала товар. Меня толкали, я прижимал к себе книгу и читал. И чем дольше читал, тем больше не хотелось прерываться. И все же пришлось. Я положил книгу на полку и пошел к выходу. Но тут меня окликнули:

– Ты чево, мил человек, книгу-то положил?

Я обернулся. Передо мной стоял мужик в овчинном полушубке.

– Вижу, понравилась литература, а взад ложишь. Аль дороговато? – спросил он меня и, хитро прищурив глаза, сказал – Ничево, подсобим! Бери книгу-то, пойдем!

Я хотел возмутиться, сказать, что не надобно мне таких одолжений и подарков, гордость на миг взыграла во мне, но голос мужика был настолько властен, что я подчинился. Да и любопытство начало одолевать. Что-то в этом мужике было необычное, не наше. Не в смысле иностранном, а в смысле временном. Даже двигался он не суетливо и быстро, как большинство моих сограждан, а степенно и уверенно.

Мы вышли на улицу. Был морозный зимний день. Поземка гуляла по открытому портику. Мужик протянул мне книгу.

– На, пользуйся! – оказал он и представился: – Охмелкин я, Глеб Самсонович! Купец первой гильдии! – и, видя мое изумление, громко хохотнул. – Чево уставился! Было время, я лавку в Москательных рядах держал! – он махнул рукой в сторону овощного магазина.

Порыв ветра обдал нас морозом. Мужик закутался в полушубок и, взглянув на меня, проворчал:

– Эко ты одет бедно. В ветродце драповом, – назвал он мое пальто, – и воротник не разберу из какого зверя?!

И тут на меня накатило.

– Продаем меха иностранцам, у них там в Европе жутко холодно, а сами ходим черте в чем. Привыкшие! – съязвил я и даже скопировал речь мужика.

– А вот это ты зря! – оборвал меня Глеб Самсонович. – Не люблю я этого. Не смог прилично одеться – так и скажи!

К нам подошел книжный спекулянт.

– Карнеги не желаете? – вкрадчивым шепотом спросил он.

– Чево? – удивился Глеб Самсонович.

– Есть «Русь изначальная», «Житие императрицы Екатерины», – парень открыл сумку, показывая дорогие переплеты. – 250 рублей!

– Чево! Книжками что ли торгуешь? – понял наконец Глеб Самсонович и неожиданно схватил спекулянта за грудки. – Ах ты, мразь! Ах ты, погань татарская! Да я тебя счас к хозяину лавки сведу! Заработок отбиваешь!

– Ты что, папаша, спятил! – защищался парень. – Я эти книги вчера здесь же и купил! На законном основании!

– А чево здесь приторговываешь? – грозно допрашивая Глеб Самсонович. – Купил и иди отсюда! Другие придут, тоже купят. Товару всем хватит.

Глеб Самсонович отпустил парня, и тот, испуганно подобрав сумку побежал в сторону.

– Псих! – крикнул он, удирая. Глеб Самсонович бросился было догонять. Пришлось мне вмешаться.

Я остановил Глеба Самсоновича и принялся рассказывать ему о превратностях нынешней книжной торговли, но так и не сумел ничего объяснить. Он то согласно кивал головой, то вдруг начинал возмущаться. В конце концов все мои разъяснения прервались его бурным хохотом. Глеб Самсонович долго и заразительно смеялся, приседал, показывая в сторону толпящихся спекулянтов.

– А эти, значит, в этой же лавке товар скупают и тут же около нее перепродают втридорога!.. О-о-т, шельмецы-удальцы!.. Нет, мы тоже сплутовать любили. Скупишь где-ни-

будь на окраине товар подешевле, в губернию привезешь, цену набросишь. Глядишь, барыш имеешь! Но чтобы вот так... под носом!

И опять громкий хохот купца сотряс портик.

Люди оборачивались на нас. Я начал ругать себя, что связался с этим неизвестно откуда взявшимся купцом. Что мне до него? Дома ждут. Обещал вернуться к обеду.

От составителя

ЧТО ИМЕЕМ…

Творческая личность сложна, многогранна в проявлениях. Нередко искренний талант оказывается под бытовым и профессиональным давлением завистников. Когда главная работа имеющего независимое мнение чего-то значит, не удается ему избежать придирок и претензий, усложняющих не только реализацию замыслов, но и повседневное пребывание в родном пространстве. В каждом даровании заложен потенциал глубокого откровения, для реализации его необходимы определенные условия, особое настроение и самочувствие. Все высокие вопросы неразрешимы без обращения к

приземленной повседневности. Постепенно учишься понимать многих, философски анализировать происходящее. За любимым делом сочинитель невольно стремится дать правдивую картину бытия на расстоянии, которое не удручает скверными подробностями, не нарушает душевное равновесие других. И оказывается вдруг, что повествовательные подробности, бытовые детали, пейзажные состояния, естественное и совестливое поведение персонажей выстраивают литературное пространство по параметрам единства земной жизни по выстраданным традициям .

Литература, по словам критика Валентина Курбатова, всегда жила землей, историей, правдой, национальной памятью и верой, а когда все это сослано на периферию жизни, сочтено устаревшим, «не европейским», мало пригодным для помпезных презентаций, получается, что и ей пора уходить вместе с русским мужиком и землей, с любовью и совестью, а заодно и с языком, который тоже дитя земное, народное. Но в самой далекой провинции не замолчали искренние голоса. Без рекламной известности по-своему живы…

Не утрачивается наше внимание к естественному человеку. И в новых обстоятельствах существует, сохраняется изданиями с малыми тиражами провинциальная откровенность и доброта – неучтенная в обзорах литература создается на периферии всегда. Столичные специалисты по ней находят опять подлинное, «не московское» лицо народа. Ученые ценители признали: «Это судьба – деление литературы на столичную и провинциальную». И потому, не дождавшись государственного внимания, пока не зачерствела душа, различает голоса преемственно понимающих и любящих тихую родину, «край родной долготерпенья», местные издания обозначали во времени достойных. Мы работали на сохранение духовного и культурного наследия

И выживали так. Было, было… На переходах разгулялась непогода, сквозили суховеи. По временным магистралям громыхали порожняки. Спешно уплывали пароходы. Но оставались берега, по низким берегам притоков великой реки – забытые селения. Там не в дачных особняках, а в землянках даже – неизвестные певцы. «Высоких слов пустая позолота, Высоких мыслей непростимый грех…Да что с

того, что сердцу петь охота, когда надежно заперт слух у всех?» (Леонид Попов).В одном поле, под единым небом и не расслышать близкий голос страдающего современника?

«Не спеши, говорю, не спеши…/И поймешь осененный слезою, /– Кто-то должен курлыкать в глуши,/ Чтобы мир устоял под грозою.»

Волею судьбы, как наивный настойчивый издатель, сегодня вспоминаю литературу на веревочке – малые книжицы в серии «Литературная Кострома».

На переходе между веками я окликал известных и неизвестных костромских авторов (поэтов и прозаиков) скромными изданиями – почти сотней таких вписаны они в историю не только костромской литературы.» Не спеши, говорю, не спеши, /Дай доверию к сердцу пробиться, /Сокровенное чудо души за обычной обложкой хранится.»

Слышатся, тревожат и радуют голоса многих…И в поэзии и в прозе. Издание поэзии «экономичнее». Проза молчаливо лежала в глубоких трюмах, кто-то уже говорит: устарела…Но она – история в судьбах и философия времени в художественных образах. Если не издана, в тиражах не замечена, будто бы не существует и в культурном наследии не учитывается.

Приветствуя творческую бригаду «Литературной Газеты» в Костроме, я обратил внимание земляков на сказанное главным редактором Ю. Поляковым в материалах «круглого стола» о том, что лишь восстановив нормальную литературную жизнь можно ответственно обращаться к государству с предложением партнерства для сложения энергии Власти и энергии Слова ради будущего России…

Надеюсь, и наши идеи, наработанный в суровой практике издательский опыт, наши творческие возможности будут востребованы. Губернатор И.Н. Слюняев практически просматривает перспективы литературной работы в общей региональной стратегии. Надеюсь на сочетание энергии власти и энергии Слова, учтенного в духовном и культурном наследии региона.

Михаил Базанков

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОГРАММЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Изучение литературы на современном этапе сопряжено с весьма существенными трудностями. Они связаны с ломкой устоявшихся представлений о ценностях, с мучительным и подчас драматическим переосмыслением того, что сложилось веками и не подвергалось сомнению и отрицанию. Современный школьник испытывает почти инстинктивное недоверие к истинам авторитарным, абстрактным, не подкрепленным его личностным, практическим опытом, не связанным с привычной для него средой, с тем селом или деревней, городом или поселком, где он обретает азы житейского опыта. И чтобы обеспечить главные цели литературного образования (становление духовного мира человека, создание условий для формирования внутренней потребности личности в непрерывном совершенствовании, в реализации данных ей от природы творческих возможностей), необходимо придать изучению литературы предметный характер, приблизив ее к личности ученика, к его родному краю. Не секрет, что корни бесхозяйственности и беспорядка, варварского отношения к природе в значительной степени связаны с душевной ущербностью, нравственной неупорядоченностью современного человека. Мы часто упускаем из вида, что любовь к Родине нельзя воспитать только громкими и широковещательными лозунгами, что это чувство выращивается в человеке всеми впечатлениями бытия и что начинается оно с чувства любви и сыновнего почтения к «малой» родине, к дому, где он родился и рос, к родному краю. По точным словам академика Д.С.Лихачева, «без корней в родной местности человек уподобляется степной травке перекати-поле». Память о прошлом, о славных предках, о вековых культурных традициях родной земли – одно из самых действенных средств воспитания человека, хозяина, труженика, радетеля и старателя своего края, прикипевшего

к нему всем сердцем и душой. В процессе изучения краевой («региональной») культуры ученик откроет для себя, сколь богата духовно именно та земля, на которой он живет, почувствует сердечно, какая трепетная мысль билась во все времена в краю его отцов, дедов, прадедов. Только на этой основе и вырастает не декларативный и трескучий, а предметный, укорененный в глубине сердечного инстинкта патриотизм.

Костромская региональная программа по литературе предполагает не спорадическое (от случая к случаю), а системное, последовательное изучение литературы родного края. При этом за основу и фундамент берется программа под редакцией Т.Ф.Курдюмовой, утвержденная Министерством образования России в качестве федерального стандарта. Не совершая в этой программе каких-либо радикальных изменений, мы придаем ей органичный для культуры Костромского края региональный поворот, доводя до живого контакта с местным материалом то содержание и те воспитательные и методические цели, которые в ней заложены. Знакомство с литературой родного края ведется здесь параллельно с изучаемыми в основном курсе литературы художественными произведениями, в рамках структуры общеобразовательной программы. Это позволяет пробудить в душах учащихся те состояния, те впечатления, которые когда-то вызвала к жизни через художественные произведения писателей-классиков наша родная земля. Такой подход к изучению литературы не только расширяет представление о ней благодаря новым именам, новым художественным произведениям, но и позволяет школьнику почувствовать себя звеном в цепи литературных и исторических событий, связывающих прошлое с будущим. Известно, что спроецированные на местные условия жизни история и культура «опредмечиваются», активизируя в учащихся чувство сопереживания и сострадания, создавая благоприятные условия для духовного пробуждения и развития личности.

В то же время в нашу программу включаются только лучшие образцы местной литературы, ибо связи Костромского края с большой, всероссийской культурой достаточно широки, глубоки и многообразны. Здесь, на Костромской земле, родились, жили, создавали свои шедевры многие деятели

русской литературы и искусства, имена и произведения которых введены в программу Т.Ф.Курдюмовой. Задача учителя в этом случае заключается в том, чтобы показать учащимся, как Рылеев или Катенин, Лесков или Короленко, Островский или Некрасов использовали в своих произведениях костромской материал, как полно они отразили в них быт, природу, нравы, образ жизни костромичей, кого из наших земляков они избрали в качестве прототипов своих героев, какие факты из жизни наших предков стали достоянием их художественного творчества. Эстетическую ценность не только местного, но и всероссийского масштаба имеет и наш северный фольклор, образцы которого в авторитетных записях XIX – начала XX века вводятся в региональную программу, по-своему расцвечивая и обогащая тексты, предложенные программой федеральной.

Сохраняя основной принцип системности в изучении материала, предусмотренный федеральным стандартом, мы строим региональную программу так, что в каждом классе учащиеся приобщаются к литературе от далекого прошлого до наших дней. Из класса в класс расширяются и углубляются представления школьников о тематическом, жанровом, художественном многообразии литературы, будь то обращение к фольклору или изучение религиозных сюжетов. Учащиеся осваивают эти литературные пласты с 5-го по 9-й класс: пятиклассники читают и анализируют сказку В.Старостина «Летучий корабль» и сказку Е.Честнякова «Чудесное яблоко»; в шестом классе дети обращаются к мифам древних славян, опираясь на труды замечательного русского этнографа, писателя-костромича С.В.Максимова, на сказку-миф А.Ремизова

«Кострома», на «Снегурочку» А.Н.Островского; в седьмом классе они подкрепляют изучение былин их поэтическими интерпретациями в творчестве современных костромских поэтов; в 8 классе изучаются местные исторические и разбойничьи песни, обрядовая поэзия Костромского края.

Обращаясь к религиозным сюжетам, набор которых нами в воспитательных целях несколько изменен, костромские школьники знакомятся с местными преданиями о чудесном

явлении иконы Федоровской Божией Матери, об основании Ипатьевского монастыря, о местных святых и основанных ими обителях. В 9 классе изучается «Житиепреподобного Авраамия Чухломского», ученика Сергия Радонежского.

Во всех классах ребятам предлагаются для чтения как произведения писателей-классиков, творчество которых связано с Костромским краем, так и произведения современных писателей – С.Маркова, В.Розова и др. Особое место в программе отводится чтению и обсуждению повестей, рассказов и стихов костромских писателей старшего и молодого поколений: А.Часовникова, В.Корнилова, В.Бочарникова, О.Гуссаковской, В.Шапошникова, М.Базанкова, В.Травкина, В.Лапшина, Л.Попова, Т.Иноземцевой, С.Потехина, Н.Снеговой и др.

Принцип системности соблюден и в формировании читательских навыков, которые отрабатываются на материале изучаемых произведений. Так, в пятом классе при изучении темы «Фольклор» дети учатся понимать поэтику устного народного творчества, художественное своеобразие сказки, нравственные идеалы сказочных персонажей. В региональном компоненте мы подчеркиваем единство фольклорного мышления с литературным, личным, авторским (сказки В.Старостина и Е.Честнякова, былинные сюжеты в поэзии С.Маркова и В.Лапшина), учим ребят постигать своеобразие художественного строя народной и авторской речи. При этом учителя разных районов области могут взять для изучения произведения местного фольклора, местного автора, расширяя или сокращая объем материала в зависимости от возможностей и интересов детей. В программу закладывается принцип вариативности, позволяющий учителю не только самостоятельно выбирать произведения, авторов, но и выносить их в разряд изучаемых, обсуждаемых или читаемых самостоятельно. Учителю предоставляется возможность самостоятельно определять и форму обсуждения произведений, темп чтения, проверку усвоения учащимися изученного материала. Но включая свои варианты, учитель не должен нарушать хронологическую, тематическую или историко-литературную основу программ 5-8 и 9-11 классов.

Региональный принцип изучения литературы побуждает строить занятия на постоянном соприкосновении учащихся с жизнью, используя очные или заочные экскурсии, фотографии, картины местных художников, видеофильмы и другие костромские реалии. Анализируя произведение в 5-8 классах, не следует увлекаться литературоведческим анализом: главное здесь – работа над выразительным чтением, творческие задания, инсценировки, рассказ от первого или третьего лица с дополнением, составление сценариев, литературно-музыкальных композиций и т.п. Вступительная часть занятия (знакомство с автором, историческая справка) не должна быть слишком растянутой, чтобы не уводить внимание учащихся от текста самого произведения. Не следует перегружать избыточной информацией и пояснительную часть: в нее включаются лишь те сведения, без которых восприятие текста будет неполным.

Региональным содержанием наполняются в нашей программе и традиционные связи литературы с другими видами искусства – живописью, музыкой и т.д. Учителю предоставляется возможность давать уроки смешанного типа (совмещенные с преподаванием смежных дисциплин, уроки-концерты, уроки-спектакли и т.п.). В конце года могут быть проведены обобщающие творческие работы: праздник фольклора, литературно-музыкальный вечер, Костромские посиделки, литературные чтения. Формы организации таких занятий следует обсудить на методических объединениях словесников.

Распределение часов по темам не должно сковывать инициативы учителя, т.к. дано с целью примерной ориентации.

Примечание: В 2002 году изданы два тома учебной хрестоматии для общеобразовательных учреждений (Автор-составитель Ю.В.Лебедев). В них представлено творчество писателей, связанных с Костромским краем, известных костромичей, в соответствии с программой для 5-6 и 7-9 классов... Но продолжение, к сожалению, не последовало, все по тем же переломным обстоятельствам.

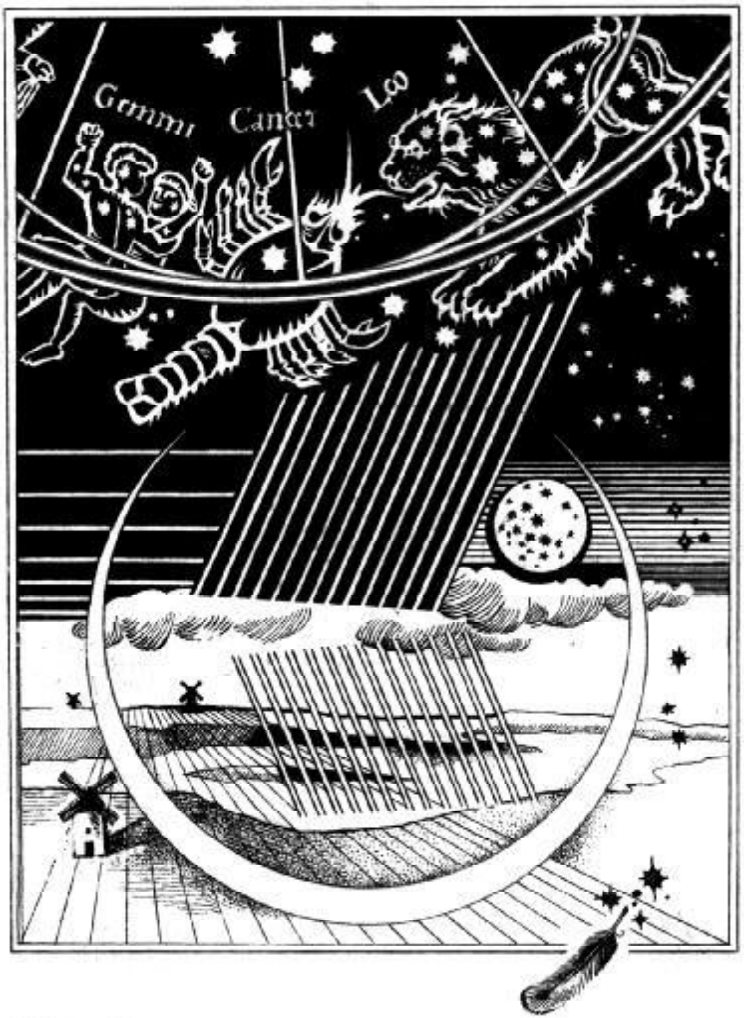
ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Во второй половине 1959 года пошел в полиграфическое производство журнальный вариант коллективного сборника «На костромской земле» – разнообразно иллюстрированное издание документальной и художественной прозы и поэзии тиражом десять тысяч экземпляров, подготовленное костромскими литераторами. Официальное оформление областной писательской организации тогда еще только намечалось. Инициатива опиралась на известность писателя и директор Костромского областного книжного издательства Константина Абатурова, принятого в Союз писателей СССР в 1956 году.

Решением секретариата правления Союза писателей РСФСР организация была создана 3 июля 1961 года, были избраны в состав бюро К.Абатуров, В.Корнилов, Г. Милова, ответственным секретарем утвержден выпускник Литературного института имени А.М. Горького, участник Великой Отечественной войны В.Г. Корнилов (по тексту от составителей библиографического указателя «Писатели Костромы» (1918-1975гг.).

Первое издание сборника «На костромской земле» представляло среди других авторов и будущих членов Союза писателей СССР, и костромских художников. Нынешнее второе издание литературного сборника через пятьдесят лет возвращает нашу память к давним добрым начинаниям. А готовилось оно с новыми издательскими и творческими надеждами для большого отряда одаренных литературных работников, шагнувших с богатым творческим наследием в двадцать первый век.

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ



Николай Алешин

ЗОЛОТОЙ ПИРОГ

рассказ

В тот год зима была малоснежная. С морозов в поле, где выдуло, землю рвало. На озерах при подледном лове приходилось прорубать лунки не только вприклонку, а и с присеста на коленки: едва хватало пешни, пока дотюкаешься до воды. В жизнь не упомню льда такой толщины. Замор рыбы начался рано.

Первым через протоку из Каменника пошел в Великое озеро и в Узоксу на свежую воду снеток, пошел в самую прибыльную для Прицепы пору – на масленицу. Прицепа поставил в протоке рукав с такими мелкими ячейками – пиявке не проскользнуть, а не то что рыбешке. Сам сутками не спал да лядел на стуже и нам отдыху не давал. Торопил, матерился и сулил наподзадор: «Урвем, пока время дорого, по чашке поставлю!»

И верно, зевать не приходилось; в городе на базаре и в лавке Скалозубова с первого дня масленицы началась рвачка на снетка. Поджаренный с луком, он – наилучшая начинка в пирожки. Объеденье!

Помню, в понедельник мы с утра взяли за несколько выемок целых три воза снетка. Прицепа ошалел от удачи и жадности, горячку порет!

– Управились? Погружайте рукав живее да открывайте створку!

Я ему в упреждение:

– Погрузить необходимо, но створку пока не надо трогать; сеть вся в склизи и обледенела. Если не обождем, когда обмоется да отмякнет, то от напора лопнет.

Прицепа не стал перечить, четверых отослал с подводами в Шунгу и наказал им вернуться к вечернему лову, а меня оставил в охотку себе.

– Идем, – говорит, – в чайную к папуасам: погреемся.

Так Прицепа звал веженских... по журналу «Всемирное обозрение». Я уже вам говорил: он в гроше был прижимист, а на журнал тратился, чтобы знали в селе, что он всех умственней. Он приносил и показывал нам этот журнал, когда мы весной дожидались у загрузи на Узоксе подхода главной рыбы. Нагляделись на картинках, как похожи хижины тех дикарей на сараи да бани веженские: точь-в-точь на курьих ножках. Дикари-то гнездились на сваях, чтобы зверям было недоступно, а веженских-то, да и всех, кто живет в той низине, очень топит в половодье. Но, сказать не в смех, мы завидовали папуасам-то – я про веженских: справно жили. Пашни у них было с пятачок, зато укосов – ворону не облететь без роздыху. Сажали они один хмель, тем же способом, как виноград, только под каждый корень ставили тычину с пароходную мачту. С ила после разлива да с навозной подстилки обовьется хмель по тычине и, мало, перекроет ее, еще потянется меняться шапкой со своим соседним побегом. В цвету тот хмель не особо запашист, а побудь-ка полчасика – выйдешь из него, не чуя весу в себе, точно из казенки. Ветер не страшен хмельнику: венцом круг него дубы стоят, как парни в хороводе. Каждому дереву лет по триста и больше.

Хмель сбывали скупщикам, а те развозили его по городам, где пивные заводы. Но веженские не так выручались на хмелю, как на сене. Уму непостижимо, как они делили прошитые кустами пожни и не обкашивали друг дружку. Косить начинали с Иванова дня. В иное сырое лето корпели в лугах до самых заморозков. Стога метали на козлы: не случился бы осенью паводок. Продавали лишнее сено у себя. С утра поджидали покупателей в чайной. К ним приезжали из Костромы, от Спас-Среды и из многих мест под Ярославлем. Покупали любое сено с клевером, с калганом, с гороховиной, со столбунцом. А уж с осокой да лежжеем нипочем возьмешь для жорой коровы. Хорошо жили, хоть и скучились их дома на малой горбушине, как тли на бородавке.

От протоки до Веж рукой подать. Мы с Прицепом разогрелись на ходу. А в чайной нас обдало парной духотой: куб-то подтапливался круглые сутки. Мухи, как летом, бились в сырой потолок и валились. Хозяин – лешему брат по

волосам и силище – сдувал их с чашек весов на прилавке да со стекла закрывины, под которой, быть за рамой в парнике, лежало что тебе угодно: сахар, сайки, рубец, селедка.

Веженские мужики с утра торчали в чайной, прели по привычке во всей одежде: в валенках, в тулупах нараспашку и в подпоясанных кафтанах. Только шапки да рукавицы были заткнуты за кушаки. Одни разговаривали от безделья, другие вприклонку дремали над пустой посудой, кою не полагалось убирать со стола, пока тот, кто пил чай, не уйдет совсем.

Прицепа из важности поздоровался с вежанами не очень-то почтительно. Снял шапку, перекрестился и стал садиться за задним столом в углу. Хозяин подошел к нам. Прицепа потребовал чаю только на одного, а для меня выговорил не в уплату лишний стакан.

Прицепу вежане знали хорошо и не любили за то, что он по веснам во время разлива засылал нас ловить неводом в их полой: вода, дескать, не огорожена. А ведь они тоже были опытные рыбаки. Ни хозяина, ни их не задела скупость Прицепы: мы, зарецкие, живем у города, так у нас чешутся деньги-то, а тут, брат, никого не осуждали за зажатую копейку. Прицепа вынул из кармана полушубка большой кусок пирога с пшенной кашей да морковью и стал примериваться, сколько дать мне. Но у меня была с собой мелочь, а с ней не крайность оставаться в нищих. «Не ломай», – оговорил я его, сам пошел к прилавку и купил фунт хлеба да селедку.

За столом у прилавка сидел с мужиками Дорофей Мазаев, племяш того деда Мазая, про которого написал Некрасов. Он свойски подмигнул мне: «Ай приелась здешняя-то рыба, так зацабурил астраханскую?» Я ему тоже в шутку; «Не говори-ка. Наворотило на соленое, точно молодуху по первому месяцу после свадьбы». Он ловко завострил: «А любо ли свекрру-то, что она тешит прихоти через его голову?..»

Все поняли, на какого он свекора намекает, и засмеялись, глядя на Прицепу, с которым я не посчитался, как его работник. Прицепа опустил глаза и еще скорее напустился на пирог. Что ни свезет с куска рыжими усами, не оставлял на столе, а каждую крошку подбирал обмусляканным пальцем, как курица носом, и тоже в рот. Хотя я был всех моложе из

рыбаков и годился ему в сыновья, но он ценил меня за схватливость да за умение наводить порядок в деле. Но на ругань тоже не скупился, если ему чуть не угодишь. Он даже украдкой не покосился тогда на мою селедку, только сопел в досаде на то, что я сунулся особничать на виду у людей. А Дорофею опять не терпится позабавить своих – такой был застрельщик на пограй да хаханки! Ему известно, что мы пришли с лова, но он ни с того ни с сего обращается к Прицепе:

– Не за сенцом ли к нам, Никанор Александрович? Что-то сегодня нет покупателей. Позапаслись за зиму-то все извозчики и коровники в городе, да в посадах, но ведь только пока. На егория-то как надеяться? Он, сам знаешь, может явиться голым. После него, бывает, все, до мышиных гнезд, скормишь скотине, а до травы так и не дотянешь ее. Кто с умом да с оглядкой, через неделю пожалуют к нам – помяни мое слово. Не побоятся и бездорожицы. А пока мы не распродали лишнее до последнего клока, выбирай-ка слюби. А?..

Прицепа хлебнул из блюдечка чай за один глоток и ответил, не глядя на Дорофея: «Больно и надо вашей ошмотины да ржавчины!».

Дорофей ему уступчиво, быть в самом деле: «Зачем ошмотины? Хочешь самого первосортного? Со Столбов? Ты знаешь эту пожню: она впритыке с вашей шунгенской Подбережицей. Только ваша дол занимает, а наша, – всю гриву по берегу. Идоломенки и того же Идоломенского озера. Рядом пожни, а сено разное. С вашей Подбережицы не всякой корове по губе, а с наших Столбов вези в Питер царским лошадям – чохом возьмут и поездку оплатят. Да мы еще не повезем: мы тем сеном своих лошадей кормим. Ну, а тебе по соседству, так и быть: возок уступим, накидаем по навильнику от каждого».

Ладным словом Дорофей взбудоражил мужиков, точно обнес их по чарке. А сам сорвался с места и подсел вплотную к нашему столу. Не скажешь, что здоровяга, но с маху-то все заслонил собой. Румяный, борода серая, курчавая, но еще не отросла, только обметалась круг лица подковой. Глаза игривые, светлее льдышек.

– Ты вот что имей в виду, Никанор Александрыч,– припечатал ладонью по столу. – На той пожне, на ваших-то Столбах, косил сам Некрасов! Читал Некрасова-то?

– Я кафизьмы читаю, а Некрасова тебе оставил,– хрипло буркнул Прицепа.

– Да ты погоди сурьезничать, – не унимался Дорофей. – Я тебе зараз расскажу про тот случай. Он, Некрасов-то, завернул к моему покойному дяде по пути в Шоду. Перед тем охотился в Ботвинском болоте, настрелял с полсумки долгоносиков. «Подвези меня, отец, до Мискова, – попросил он дядю. – А к ночи я сам дойду до Шоды». Дядя ему по правде: «Хошь не хошь, Николай Алексеевич, а придется тебе у меня ночевать. Обойди каждый дом в Вежах – ни у кого не найдешь лошади: все за Сотью на выгуле после сенокоса. Схожу сейчас до братана, – это он про моего отца, – скажу ему на радостях, что ты опять у меня, возьму узду и приведу из-за реки его Карька. Отдохни пока».

Некрасов прилег на сеновале, собака тоже ткнулась в ноги к нему и вытянулась, как убитая. Находчица бабка Черпачиха в ту субботу примылась в избе, ощипала с десяток тех самых долгоносиков по просьбе гостя и второй раз затопила печь. Дядя подоспел обратно уж перед закатом и растормошил Некрасова: «Слышь-ка, Николай Алексеевич, может, дойдем до Пережабы: скоро утки полетят с озера в садки на кормежку. Ударишь из-за куста разок-другой. Сейчас вкусна кряковая-то молодь!» – «Все несравнима с дупелем да бекасом!» – оговорил его Некрасов. Дядя на дыбы: «Тьфу на ваших фыркунов да блеянчиков! Вам, господам, заряды недороги – вот и лупите по всяким воробьям».

Но за ужином Некрасов упросил хоть ножку обсосать того же бекаса. Дядя отведал и покачал от удовольствия головой: «Зря хаял, винюсь: мала пташка, а вкуснее утки, как стерлядка судака».

Некрасов наказал запрячь лошадь пораньше: ему гребтилось пройтись до Мискова по болотам и поохотиться до жары. Дядя поднял его на заре. Некрасов позавтракал яишенкой, попил кваску и вместе с собакой – в телегу. Дядя захватил косу. Некрасов спросил: «Должно, еще не управился?» Тот отвечает: «Нынте, слава богу, никого не затянул сенокос.

После ильина дня недели две поднажали с братаном и ухватили везде. На редкость ведреное лето. А косу я взял, чтобы тебя потешить, показать одно чудо. – «Какое чудо?» – «А вот выедем за Идоломенку и увидишь. Сегодня самое подходящее утро».

На Столбах дядя остановил лошадь. Солнышко поднялось в рост человека. За полтора месяца трава на скошенной пожне снова отросла по трубицу колеса. Дядя отошел от телеги, наточил косу и встал к солнышку спиной. «Давай, заходи сюда, за меня, – указал Некрасову место. – А теперь смотри на чудо». Махнул косой – с брызгов от срезанной травы полыхнула радуга. «Видишь ли?» – окликивает Некрасова, а сам знай косит да точно ныряет в радугу.

Некрасов не утерпел: «Дай-ка, дай-ка мне!» – попросил косу. Дядя уступил ему место. Некрасов принялся косить люто, с тяпка. Не столько захватывает, сколько пропускает. Дядя смеется на его усердие, на то, что не за косой следит, а любуется радугой.

Некрасов скоро задохнулся с непривычки да с горячки, отдал косу и сказал: «Волшебник ты, отец!»

Прицепа заслушался, отмяк. Дорофею посноровить бы, а он опять за свое:

– Так любо ли, какого сена тебе предлагаем? Его один пуд с наших столбов дороже целого стога с вашей Подбережицы. Бери, не жалей денег: выловишь их в любом месте...

Не заикнись он о деньгах – Прицепа усидел бы. А тут сразу понял, к чему Дорофей завел разговор и на что намекнул напоследок. В злобе так отодвинул блюдечко, что недопитый чай выплеснулся на руку ему.

– Не балабонь, пустозвон! – зыкнул на Дорофея и обложил его матерщиной.

Дорофей откинулся всем корпусом назад, вроде как с испугу:

– Чго ты так срамишь меня перед великим-то постом! – опять ввернул колкое словечко. – Небесчего церковный староста...

Прицепу, точно волной, подняло из-за стола хохотом веженских.

– Ладно, багальтесь! – огрызнулся он на всех. – Увидим! Не пришлось бы хныкать да сморкаться в рукавицу! – пригрозил и – вон из чайной. Оставил меня неприкаянным сиротой.

Хозяин чайной попенял Дорофею:

– Что тебя дернуло задирать такого зловредника? С ним не больно связывайся. Он со всеми нелюдим, когда его ничто не касается, а по надобности к кому угодно вхож. От него только и жди каверзы да подвоха. Не стану осуждать, что пришлось у тебя к слову про Некрасова-то. А зачем начал подтыкать этого оборотня?

– Нет, не зря! – стал оправдываться Дорофей. – Пусть он не жмется в половодье за протоку, к Великому озеру, пусть не лезет с воровским ловом в наши места. Жаль, что он скоро упорол! Но ты передай ему, – наказал он мне, – если нынче застанем его на вашей воде, непременно утопим! Вас не тронем: вы, знамо, подневольные. Но его выдернем из лодки и сбурим в вешницу!

Мужики поддержали Дорофея:

– Утопить и следует! Все ему мало, глоту!

Но один рассудил иначе;

– Утопишь-то рядом, да на каторгу-то отправят далеко. Вот выкупать для острастки следует. Окунуть разок с головой во всей одежде – и будет знать...

Но Прицепа выкупал их раньше. Только не в вешвице, а в уездной управе. И очень толково, как мы услыхали после от него же.

После масленицы явился к самому начальнику управы и с глазу на глаз повел с ним разговор о наших шунгенских укосах. Выложил на стол карту, пальцем показывает и объясняет, как по секрету?

– Здесь по меже с нами пожня омелинских крестьян, здесь цыцынских, а тут пестовских. Название каждой, как изволите видеть, обозначено: Волчиха, Медуница, Желобово. Оно отпечатано и на картах тех владельцев, потому что карты составлены при Петре Великом и трижды заверены святейшим синодом, поскольку все мы монастырские. Мы спокон веков владеем землей по закону. Теперь гляньте на эту пожню, что примыкает к нашей Подбережице. Как

она называется? Почему не напечатано? Почему голое место? Начальник только хмыкнул:

– Про это не ты меня, а я тебя должен спросить,

– Потому, что у тех, чья она, нет правского плана. Они пес знает когда захватили тут луга, как казаки степя на Дону еще до Стеньки Разина. Казаки хоть опосля обязались служить государю, им и вольность к лицу. А эти папуасы так и живут, точно в нетях: к людям спиной и к начальству боком. Земля у них чередом не мерена, подати с них взимаются наобум. Когда в нашей Шунге было двести дворов, нам хватало сена. Нечего гневить бога. А теперь их уж двести пятьдесят...

– О чем же вы хлопочете? – спросил начальник. Прицепа указал на карте:

– Чтобы эту самую слепую пожню примерить к нашей Подбережице – и дело с концом! Я, как выборный от крестьян, прошу оказать содействие и вручаю вам по их произволению на личные расходы вот... что тут есть... – Вынул из-за пазухи пакет и положил на стол перед начальником. На пакете надпись: «Две тыщи с половиной». – Сложились по «красненькой» с каждого двора для вашей милости.

Начальник взглянул на пакет, потом прыснул в ладонь смехом:

– Папуасы! Очень удачно. Ох и чудак вы! И правильно: не дикари ли – плана не имеют?

Выдвинул ящик и ширк в него со стола пакет.

– Я, – говорит, – займусь: вашу Подбережицу непременно придвинем к самой воде – как полагается. Ведь и империя наша преимущественно на водных рубежах. Весной пришлю землемера. Только предупреждаю: пока о том никаких разговоров.

Прицепа заверил:

– Насчет этого не сумлевайтесь: вякнет ли кто, коли деньги отданы? И вас милостиво прошу насчет указания, вроде купчей или как по-другому, что та слепая пожня отошла к нам и кроме ни за кем не значится. Иначе без бумаги мне не будет веры от мужиков.

То имейте в виду, что деньги-то свои отдал и пожню-то приграбуздил себе. А нами только покрылся и помалкивал до времени.

В мае, как только схлынуло половодье, землемер четыре дня ходил со своей треногой за Идоломенкой.

Доглядели вежанские мужики, чем занят землемер, добежали занимать ума к куниковскому закупщику хмеля Поликарпу Сунгурову.

– Так что же нам делать?

– Где порвалось, тут и заплату ставьте, пеките для подношения золотой пирог...

Веженские живой рукой спроворили, что он посоветовал, послали в город двух самых степенных стариков. В управу они пришли с новой бельевой корзиной. Сверху она была обвязана холстиной, как носят с базара цыплят да поросят.

– Что это, – говорит начальник, – вы точно нищие ко мне! С чем пожаловали?

Василий Семенов тут же вручил ему прошение, которое написал куниковский-то закупщик, сдернул с корчины холстину и вынул пшеничный пирог на чайном подносе.

– Вот, – положил его на стол.

Начальник опять защемил очками нос и увидел под верхней коркой в решетку не сладкую начинку, а рядами уложенные золотые пятерки. Ожил было и зарумянился гуще того сдобного пахнущего пирога, но только кашлянул и отвернулся.

– Чего не придумают. Уберите! – строго приказал и на виду у стариков изорвал прошение. – Напрасно затеваете тяжбу: пожня шунгенских должна граничить с рекой и озером, а вы обрезали ее не по праву.

Старики перечить:

– По той гриве наши Столбы. Хоть покажем на месте.

– Я видел карту луговых угодий: там никаких Столбов, сплошная пустошь без названий.

С тем и выпроводил ходоков. Вернулись они в Куниково и рассказали закупщику про незадачу. Тот только руками развел:

– Теперь шабаш. Куда ни ткнись, ничего не добьешься.

До самой революции Прицепа владел пожней, после она опять отошла к коренным владельцам. А мы, рыбаки, стали ловить артелью. С веженскими ладили по душам.

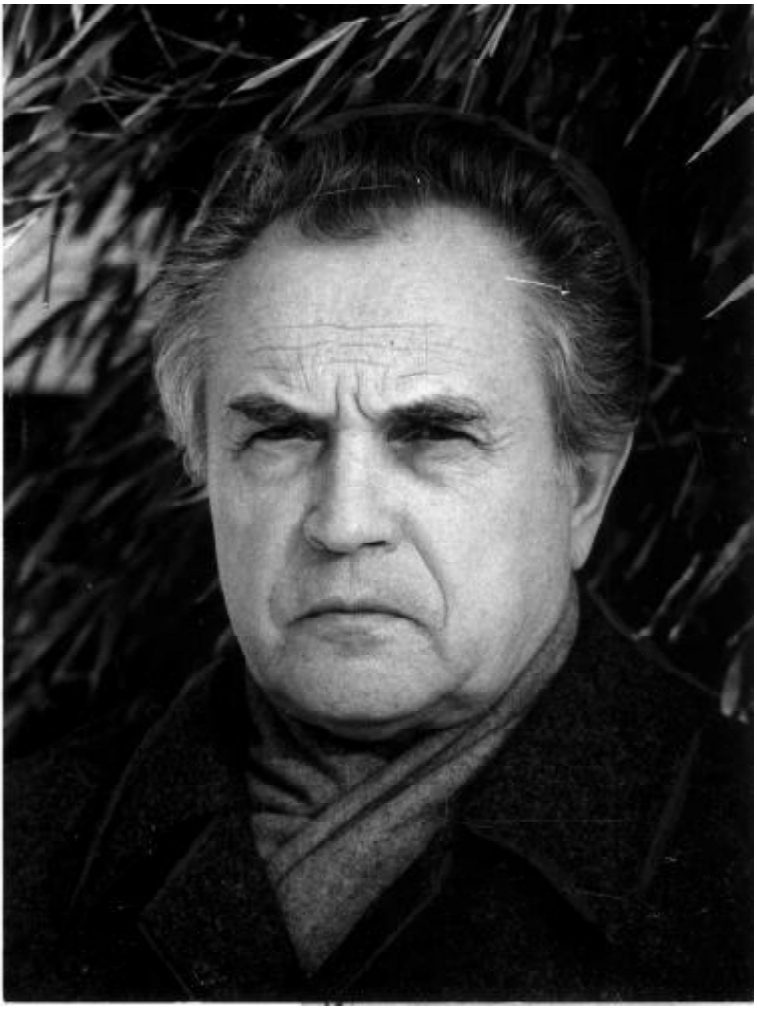
ИЗ МЮНХЕНА В КОСТРОМУ НА РОДИНУ...

Бесконечная череда, –
Поезда, самолеты, отели.
Промелькнули, прошли, пролетели
Города, города, города.
Убеждаемся скоро мы,
Что тоскливо в них так, хоть вой
Что хватило бы нам с лихвой
Костромы. Костромы, Костромы.

А. Зиновьев

Через двенадцать лет насильственного отчуждения от родной земли Александр Александрович Зиновьев, уроженец чухломской деревни, живущий в ФРГ, узнал о том, что ему возвращено советское гражданство. Он был выдворен из СССР за публикацию на Западе книг «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». В нескольких журналах и газетах были напечатаны размышления писателя и философа, обладающего парадоксальным, взрывчатым, неожиданным, но глубоко логичным умом, способным оценить мировую ситуацию независимо от сложившихся авторитетов Указ Президента СССР о возвращении гражданства вызвал у него резкий пассаж «Обнародование решения Михаила Горбачева о возвращений гражданства диссидентам-изгнанникам меня не касается, Я остаюсь жить в Западной Германии, где живу с 1978 года, когда был вынужден покинуть СССР. Что разбито, то разбито», – сказал од в интервью для журнала «Родина».

ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ



Александр Александрович Зиновьев
Почетный гражданин Костромской области (посмертно)

Помнится, обозреватель «Комсомольской правды» О. Кучкина писала, что у нее возникло желание сравнить Зиновьева с Герценом: В России Герцен стремился мыслью на Запад. Попав на Запад, рассмотрев условия жизни, людей и нравы вблизи, он воочию убедился: истина не там... «Разоблачая Запад, Зиновьев; туда вовсе не стремившийся, остужает иные пылкие головы, которым сегодня, в результате перетряхивания пыльного хлама в нашем больном хозяйстве и в самих нездоровых головах, может показаться, что все очень просто: бери целиком оттуда и переноси сюда...». Тогда, в сентябрьской публикации, было замечено: смысл «поучений» Зиновьева в том, чтобы каждый воспитал в себе личность с достоинством, независимостью суждений и поведения, чтобы, каждый думал и решал жизненные вопросы сам.

Родился Александр Зиновьев в 1922 году в былой деревне Пахтино. После окончания средней школы поступил на философский факультет МИФЛИ. Но из института его, конечно, из комсомола тоже, исключили за выступления против культа личности Сталина. Во время войны ушел добровольцем на фронт. Танкист, затем летчик, награжден медалями, орденом Красной Звезды. После армии учился на философском факультете МГУ, затем – в аспирантуре. Защитил кандидатскую, докторскую диссертации. Профессор, некоторое время заведовал кафедрой логики МГУ, был членом редколлегии журнала «Вопросы философии». Автор многих публикаций и книг по логике и методологии науки: Его выдвигали в члены-корреспонденты АН СССР и на Государственную премию. Но... в 1976 году был уволен с работы, лишен степеней, званий и наград, а через два года за критику Л. И. Брежнева в романе «Светлое будущее» выслан из Отечества. С тех пор живет в Мюнхене с женой Ольгой и дочерью Полиной, Читает лекции в университетах США, стран Европы и Латинской Америки. Избран в академии наук Италии, Финляндии. За границей опубликовано более двадцати книг...

Весной 1991 г. я отправил Александру Александровичу письмо с просьбой прислать какие-либо материалы, для публикации на родине в писательской газете для всех. Обсто-

ятельность и ностальгическая теплота прочитывается в тех материалах, которые были получены. Мы начали публикации, позволяющие чувствовать личность и судьбу, отчасти понять человека, способного помочь нам всем заново осмыслить нашу историю, наш строй, нашу повседневную жизнь и увидеть подлинные ценности в собственном доме.

Представляем отрывки из воспоминаний Александра Зиновьева «В медвежьем углу», которые он прислал тогда в ответ на мое письмо с любезно предоставленным правом первой публикации в Союзе...

Михаил Базанков

Станислав Михайлов

СУД

Меня судьба не баловала здорово,
В мой день рожденья плакала земля,
Над колыбелью зло кружили вороны,
Живое тело внаглую деля.

Но я смотрел на мир светло и радужно,
А надо б — удавиться от тоски,
Когда судили в клубе чью-то бабушку
За сорванные ночью колоски.

Мы, огольцы, не плакали подавленно,
А подвывали взрослым, как щенки:
— Подумать только — воровать у Сталина!
Упечь ее, каргу, на Соловки! —

И не догадывались будущие хищники,
Что нам уже готовила судьба:
Кого-то завтра посвятят в опричники,
А из кого-то вылепят раба.

А кто воспринял этот путь с обидою,
Стараясь разогнуться из дуги,
Приговорен усатою Фемидою
И навсегда записан во враги.

Нас постепенно делали волчатами,
Лишь вожака учили слушать впредь…
А бабушка прощается с внучатами,
Чтоб по дороге в город умереть.

* * *

Коней, привыкших к палке и кнуту,
К вожжам, всегда натянутым до боли,
К словам соленым, к удилам во рту,
Придумал кто-то выпустить на волю.

И захлебнулся скрежетом запор,
И воцарилась тишина в загоне…
А к вечеру — вернулись за забор
Все поутру отпущенные кони.

Пришли, понуро шеи наклоня,
И на места привычные вставали.
Хотя и знали: это — западня,
И завтра снова выпустят едва ли.

И человек никак не мог понять,
Все объясняя лишь едой да пойлом.
С рассветом снова начал выгонять,
А к вечеру они вернулись в стойла.

И повторялось так не раз, не два…
Не выдержали кони — заболели.
Не потому, что горькая трава,
А просто жить иначе не умели.

Им все с начала надо бы начать,
Да жаль — душой и телом ослабели…

К свободе тоже нужно приучать,
Как и к неволе, лучше с колыбели.

* * *

Земля моя — от прадедов, от дедов,
Заволжская лесная сторона.
Со мною говорит звериным следом
И тишиной, звенящей, как струна.

Волшебною подернутые краской
Стоят леса в моем родном краю.
Деревья мне рассказывают сказки,
А птицы колыбельную поют.

Пойду к озерам, где туман седеет,
Найду в реке упавшую звезду
И, может быть, на царство берендеев
На солнечной поляне набреду.

Под перелив пастушеской свирели,
Под говор берендеев на лугу
Шагну я в мир чудесных песен Леля,
В девичий хоровод на берегу.

У ног моих росою плачут травы,
Шумит камыш, о чем-то говоря.
Он голосом покинутой Купавы
Зовет к ответу злого Мизгиря.

Но вот уже Ярила вырастает,
Чтоб всем живым зажечь огонь в крови,
А новая Снегурочка не тает,
Шагнув навстречу счастью и любви.

Я по лесам шагаю без опаски,
И радостно среди деревьев мне.
Я бесконечно буду предан сказке,
Моей лесной заволжской стороне.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Книга К.И.Абатурова «Моя Щача»– это повествование о нашей неспокойной жизни. Произведение наполнено множеством эпизодов. Утешают рассказы, в которых, так сказать, передаются давние жизненные реалии, свободные от позднейших авторских «соображений». Когда он забывает себя, погружаясь в прошлое, он правдив, живописен и назидателен без поучений. Его повествование только украшают тогдашние наивности – наивности становления и советского социалистического быта, и советской социалистической журналистики, журналистики нового принципа, ныне проклинаемого и гонимого.

Рукопись распадается на отдельные очерки, расположенные хронологически. Предколлективизационные годы удачно воспроизведены в очерке «Столбушка», в рассказах о мельнике и о плотниках, из которых мы узнаем, что, вопреки нынешнему кликушеству, истинные таланты и трудяги нашли свое настоящее признание в колхозе, а не при единоличном хозяйствовании. Впечатляет, так сказать, глава о направлении старшего брата героя на учебу в город и отправка самого героя в портновский отход вместо отправки на учебу: двоих студентов единоличная крестьянская семья держать не могла.

Меня, старого газетчика, порадовала перепечатка стародавнего московского очерка о выездной редакции буйской райгазеты. Очерк по нынешним меркам наивен, но еще «наивнее», конечно, путешествие выездной редакции по Костромке на плотах вместе со сплавщиками. Нынешние «независимые», видимо, только усмехнутся: была нужда терпеть всякие лишения ради какого-то лесосплавного плана! То ли дело в апартаментах администрации толковать с культурными чиновниками за чашкой кофе о возвышенных материях вроде приватизации или частной собственности на землю!

Знаю, что эти сетования ни к чему: изменилась жизнь, изменилась и журналистика. Если раньше газетчик стремился в низы, узнать, что эти низы подумывают и поделывают, то теперь...

К.И.Абатуров прошел долгий журналистский и писательский путь и, конечно, этой темы миновать не мог. И она у него счастливо сочетается с темой тогдашнего житья-бытья. Даже наиболее «интеллигентизированный» очерк о правдисте А.И.Колосове замешан на караваевских делах. Именно из-за караваевцев завязалось знакомство между Абатуровым и Колосовым, именно на материалах Колосова о караваевцах учились костромские журналисты работать. Жаль, Абатуров не упомянул несомненно известного ему обстоятельства: десятилетия работая в «Правде», Колосов оставался беспартийным. И пусть мне толкуют о разных партийных засильях или о Другом гнете по отношению к беспартийным...

Несколько очерков К.И.Абатурова посвящены тогдашней молодежи, преимущественно крестьянской и журналистской. Меньше – рабочей. Но это – не в упрек. Обстоятельства складывались так, что ему больше приходилось общаться с «нерабочей молодежью». Но отзвуки и отблески рабочих пятилеток заметны в каждом материале рукописи.

Никуда не денешься: обстанозка для таких произведений стала, безусловно, враждебной. Наиболее убедительные и йанменее прокламационные очерки писательская организация могла бы издать: к советскому периоду истории пора уж обращаться без предвзятости и надругательства. Замеченные в рукописи недостатки не должны заслонять от редакторов, издателей и спонсоров исторической ценности воспоминаний писателя.

Борис Гусев
Сентябрь 1996г.

Константин Абатуров

КОРНИ

Не каждому известна река Шача. Где она затерялась, кому служит, да и есть ли нужда ее упоминать? Это ж не Волга, звонкое величие которой заключено уже в самом названии, в ее притягательности: коли нечем платить долги, так ехать на Волгу. Все так. Но для меня Шача – родная. Тут я родился, тут прошло мое босоногое детство.

Не верю, что место рождения – всего-навсего малая родина. На самом деле для каждого оно, как только увиделось в раннем детстве, когда ты встаешь с колен, с четвереток на ноги, неохватно. Не какой-то уголок земли – пространство. Шачу даже не назовешь в единственном числе. Их на костромской земле несколько, только в Буйском районе три – так полюбилось это название нашим предкам. Возможно, оно идет еще от тех, кто первоначально, до прихода славян, населял этот лесной край, то есть от мерян.

Моя Шача берет начало в топких сусанинских болотах. Бережно обогнув сенокосные дуга, она выходит на буйскую сторону и, пройдя путь по сураменям да вербно-ивняковым кущам, прозвенев на каменистых моренах, скатывается в спокойную Костромку, реку-работягу, где с весны и почти до осени сплавляется лес.

Впрочем, не на каждой карте найдешь эти реки. Редкий доброхотный топограф обозначит даже более протяженную сусанинско-буйскую Шачу едва заметной извилистой ниточкой. Спасибо, конечно, и за это. А между тем она еще в XV веке нашла свое упоминание, ее именем была названа обширная волость – Шачебол. Может, уже тогда она была наречена и «бабьей стороной».

Волость не сохранилась, а «бабья сторона» укоренилась, живет и поныне в трудах и заботах. Именно в заботах! Здешние тяжелые суглинки скупы были на урожай. Не о них ли с болью в сердце еще Чехов писал, что уже с рождества избывался хлеб, на дворе мычали голодные коровы, надрывая душу. Нужда гнала мужиков на отхожие промыслы, «дерев-

нях оставались одни бабы, детишки маленькие да древние старики, женщинам приходилось вершить все.

Шачинская крестьянка – это пахарь и косец, хозяйка в доме и на ферме; без нее не состоится ни один деревенеакий сход, где она может наступить на мозоль иному настырному начальнику. Издревле хватало ей настойчивости и сметки. Тип шачинской крестьянки – это в первую голову открытость души и завидная стать. Да, она и ростом не обижена, ее прямой стан не согнула даже тяжелая работа, а в глазах не потушила добрый свет.

А мужики? Их можно назвать мастерами на все руки. С Шачи шли на сторону, в города и веси, плотники и пильщики, портные и шапочники, печники и гончары, колодезники и гатеукладчики, кровельщики и стекольщики, точильщики... – да разве всех перечислишь! Оставались на месте только кузнецы и шорники. Без шачинской мастеровщины – плотников и пильщиков, камейщиков и печников – не обошлось даже строительство Питера. В воспоминании осталась поговорка: «Хорош Питер, да бока повытер».

Строили они на стороне, строили и в своих селениях. В послереволюционные годы вместе с новыми жилыми домами появляются необычные для деревни строения: это избы-читальни с ликбезами, кооперативные лавки, артельные сыроварни. Создаются комитеты крестьянской взаимопомощи, машинные товарищества. Перемены во всем.

В конце двадцатых годов мне, безусому тогда парнишке, довелось некоторое время работать секретарем Каплинского сельсовета. При налоговой переписи доходов нельзя было не заметить куда вело расслоение деревни. Бедняков, безлошадников становилось все меньше, зато росло число середняков, они составляли основную массу хозяйств.

Дальнейший подъем деревни, ее хозяйства и культуры связывался с организацией колхозов. Дело это было новое, неизведанное, одних отпугивало своей необычностью, других, наоборот, привлекало этой новизной авось «бабья сторона» на колхозных дрожжах как раз и поднимется. Первые шаги коллективных хозяйств были трудные, порой мучительные, особенно там, где к руководству ставились люди без горения и хозяйственной сметки. Надо и общественные дворы

строить, и склады, и зернохранилища, приобретать машины, хотя бы простейшие, как жнейки косилки. Какие только не приходилось преодолевать препятствия и помехи. Недаром первый колхоз был назван далеко не умильным именем – «Борьба».

Многое пережила Шача. И тридцать седьмой год с его поисками «врагов народа», и снос «неперспективных деревень», и волевое преобразование колхозов в совхозы, что могло только ослаблять крестьянскую привязанность к земле.

Были большие потери.

Но когда загремела война, когда над Родиной нависла смертельная опасность, Шача в числе первых встала на ее защиту. Многие сотни воинов проявили чудеса героизма и отваги, были отмечены высокими наградами. А оставшиеся в тылу всеми силами помогали фронту. Это здесь, на шачинской земле, начался сбор средств на строительство мощной танковой колонны имени своего знаменитого земляка Ивана Сусанина.

Война принесла деревне страшные беды. Ни один дом не миновал похоронки – так безжалостно вырубала она своим кровавым топором солдат, здоровое мужское население. Некоторые деревни просто опустели.

Сколько же потребовалось усилий, чтобы в обедневших селениях снова разгорелась жизнь. Самым примечательным, пожалуй, явилось строительство на Шаче колхозных электростанций. Готовых специалистов не было. Зато нашлись желающие овладеть электротехникой. Кстати сказать, и тут проявили себя мужественные русские женщины. Первая гидроэлектростанция зашумела близ села Рябцово. Отсюда потянулись в селения Каплинского сельсовета звенящие провода, здесь впервые вспыхнули электрические огни.

Послевоенная стройка разворачивалась по всей стране. Как и в былые времена, двинулись на стройки шачинские плотники, каменщики, кровельщики.

Приезжаю как-то зимой в родную деревню Глазовку, сильно поредевшую. Из мужчин встретил старого деда Ивана, бывалого плотника, на счету которого были прочные, поставленные напару с младшим братом Михаилом дома.

– Из плотников, – сказал он, – только я остался в деревне. А все остальные, кои в силе, опять на стороне работают. Иные насовсем уехали. Строят на Волге, в городах. По всему свету разбросала судьба нашу мастеровщину. Тут и погордиться не грех, но жаль – деревня исхудала.

– Женщины тоже уезжают?

– Тут – особ статья. Иных наших баб и нужда не своротит с дороги, с места. Загляни на фермы. В Куребрине на объединенной, почитай, вся «бабья гвардия», – усмехнулся старый. – Загляни, загляни туда.

Прежде чем отправиться в Куребрино, я прошел к опустевшей родительской дворине, занесенной снегом так. как будто тут никогда и не было нашего дома, где родились пять братьев, защитников Родины. Где они? Два младших братика, Коля и Володя, никогда уже не заглянут сюда – погибли на фронте. У двух других, старшего Александра и среднего Виталия, война отняла здоровье, отметилась тяжелейшими ранами.

С бьющимся сердцем вышел я на дорогу. Пришел на ферму, когда там был перерыв, доярки ушли отдыхать, а на одном дворе оставалась телятница Капитолина Соколова.

– Кушай, кушай, – ласково угощала она кого-то.

Смотрю: кормит... лосенка. Называла она его малышкой, но этот малышка был не менее самой большой коровы. А всего-то ему шел девятый месяц. Принесла его на ферму колхозница из соседней деревни. Рано утром на задворках залаяла собака, хозяйка побежала туда и в траве нашла новорожденного. Лосиху-мать, видно, кто-то преследовал, и она побежала в деревню под защиту человека, вверила людям и детеныша.

Пока телятница рассказывала, как выхаживала лосенка, на ферму стали собираться колхозницы. Закивали:

– Любуетесь нашим красавцем! Смотрите, лесная песня, да и только, – хвалили они малышку. – Знаете, заботясь о лосенке, мы и сами стали как-то добрее, зорче, что ли. Каждая корова ухожена. И хоть зима морозная, кормов в обрез, а урона на ферме нет.

Я глядел на хозяек фермы, пожилых, которые отдали годы своему делу, прожили в тревогах, и молодых, у которых жизнь и тревоги впереди, глядел и старался понять, в чем их сила.

– А в чем? – заговорили они все. – В артельности, небось. Не помешали бы только нам.

– Кто?

– А вон поднимают голову барышники, спекулянты, новые богачи. Как-то странно было это слышать в то спокойное в общем-то время.

Нигде еще заметно не стучало, не бренчало.

Новый властитель страны, расточая улыбки на своем меченом лице, всех уверял, что социалистический выбор вечен. Ну как же сомневаться? А между тем втайне от народа готовился переворот. После беловежской ночи Россия проснулась при господах.

Будто в воду глядели селянки. Чего же теперь ждать?

Новые встречи. В одном селе я попал на жаркий разговор ошеломленных, обескураженных крестьян.

– Вот грозят теперь и колхозы враспыл пустить, а земельку распродать. как же: кто разбогател, наворовал – тому и земля? Опять помещики, Что ли? Конечно, может, и нам дадут какую-нибудь неудобь. А на чем выедешь пахать? Трактор купишь? Ха! Простой плуг и то достанешь ли. Заводы вон закрываются. На сивке-бурке поедешь? Попробуй, найди сивку...

...В большой беде-нужде оказалась деревня. Но корни – неистощимое трудолюбие и верность выбору жизни земледельцев – еще сохранились. И хочется верить, что, пока эти корни живы, она не опустит руки, как не опускала их в лихолетье войны.

Берегите корни!

Об этом наши литературные записки.

Примечание: Некоторые фамилии и названия деревень изменены.

Анатолий Беляев

РАБЫ

Мы – рабы, мы – живые убитые,
Нас легко распознать, рабов:
Наши головы наголо бритые,
Пот ручьями с клейменых лбов.

Мы – как вещи, как кони, как жены,
Что с того, что мы любим жить?
Нас с хозяином, в битве сраженным,
Всех в могилу должны положить…»
Впрочем, это, конечно, история,
За которой столетья борьбы
И свобода, обретши которую,
Мы забыли, что мы – не рабы.

Закормили нас кашкою манною,
Дармовой, вожделенной, с небес,
Усыпили речами обманными,
Опоили дурманом словес.
Как нам быть, похороненным заживо –
Без фанфар, без могил, без гробов! –
В лоскутах идеалов загаженных,
Заклейменным похлеще рабов?

Перед кем – на коленочках! – каяться
За духовную
нищету?
Нынче многим, должно быть, икается,
Даже Ленину! Даже Христу!

Где он там, за какими он вехами,
Нам обещанный рай – коммунизм?
Вот и все! Распрягайте! Приехали!
Дальше – некуда. Разве что – вниз…

Поделом нам, беспечным, доверчивым –
Мнет бессонница нас по ночам,
Чтобы впредь этих вкрадчивых, верченых
За версту узнавать по речам.

1986

СВЕРСТНИКАМ

Невеселое нажили время:
Хоть и честным, но зряшным трудом
Мы невольно повязаны с теми,
Что страну превращали в дурдом.

Ах, какая обида – под старость
Услыхать за здорово живешь,
Что и доля не та нам досталась,
И цена наша – ломаный грош.

Что и боги-то наши убоги,
А вожди и герои – жалки,
Вместо светлой широкой дороги
Нас вели – и мы шли! – в тупики...

Не могу, не хочу, не приемлю
Даже мысли, что все – задарма,
Что одно и удастся нам – в землю
Лечь во благо ей вместо дерьма.

Нет, не станем и не в чем нам каяться,
На минувшем не ставим креста –
Угрызеньями совести маяться
Ни к чему, если совесть чиста.

1991

* * *

Свобода не есть беспредел,
Напротив – осознанный выбор
Желаний, поступков и дел,
Чужих или собственных выгод.

Ты ставишь на свой интерес,
Чужую свободу наруша:
Ты – вор, даже если залез
Не в дом, а непрошенно – в душу.

1993

* * *

Страшно в России: хищники – стаей
Ночью и днем...
Поле души: что прорастает,
Что мы пожнем?
Ложь и безверье, страх и насилье –
Где им предел?
Что же нам делать? Верить в Россию,
В лучший удел.

Сколько б ни длилась эта морока,
Этот разбой,
Лопнет когда-то терпенье народа,
Дай-то нам Бог.

1993

Старый русский
На лучшее оставивший надежду,
Как тысячи старух и стариков,
Донашиваю обувь и одежду –
При пенсии моей не до обнов.

Полвека отработано – два стажа! –
Что, согласитесь, очень нелегко,

А пенсии едва хватает даже
На хлеб без масла да на молоко.

Я – старый русский, я еще не нищий,
Еще не бомж, но горестен мой путь:
Я – падающий, тот, кого, по Ницше,
Не поддержать должны, а подтолкнуть.

О как охотно все меня толкают,
Вплоть до друзей вчерашних и родни:
«Он – падает? Он – кровью истекает?
Распни его! Распни его! Распни!»

2002

Николай Муренин

ПЕРЕМЕНЫ В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Когда-то пел за печкой кот,
Теперь – мурлычет холодильник.
А на окне который год
За петуха поет будильник.

Гармонь из комнаты гоня,
Бросая старым книжкам вызов,
Лукаво смотрит на меня.
Как глаз циклопа, телевизор.

* * *

Художник в потертой шинели,
В лесу обретая покой,
Рисует березы и ели
Единственной, левой рукой.

И часто, задумавшись тяжко.
Бросает мазками на холст:
То взорванный танк у овражка,
То сбитого «юнкерса» хвост…

Согнется и выстрелит ветка.
Качнется, но выстоит он,
Нащупав в кармане таблетку,
Как прежде когда-то патрон.

* * *

Свадьба весело и лихо
Поздравляла молодых.
Бабушка сказала тихо:
«Будет светлой жизнь у них.

На днепровской переправе
Дед за это шел вперед…
Мы-то с ним могли бы справить
Золотую через год…»

Села, карточку достала
И, прижав ее к груди,
«Слышь-ко, милый, – прошептала.
На внучат своих гляди».

* * *

Бабушка приемник покупала,
Спрашивала всех, мол, что и как:
Сколько стоит – много или мало,
Где найти ей станцию «Маяк»…

Было шумно в сельском магазине,
И шутил отчаянный народ:
«Значит, братцы, бога нет в помине,
Коли бабка технику берет…»

А старушка молвила чуть тише,
Даже не обидевшись на них:
«Может, о сынке еще услышу
В передаче розыска родных...»

* * *

Взгляд тяжелый и шрам на виске –
Много лет протянулось в неволе...
И пошел он к глубокой реке,
И побрел он в широкое поле.

Только не было больше реки,
Только поле уже не родило,
Не встречались в селе мужики –
Всех нужда да бутылка сгубила.

Он, увидев такое, молчал,
Долго думал» за что эта плата.
А потом, словно зверь, зарычал,
А потом, как ребенок, заплакал.

И вернулся он ночью назад,
И угрюмо сказал часовому:
«Пропусти, я свободе не рад,
Не могу уже жить по-другому».

Удивленно смотрел часовой
На лицо, что белело во мраке,
И начальник качал головой,
Находя ему место в бараке.

ИКОНЫ

Ну откуда эти лживость и страх?
Эх, дела вы наши худо-бедовые...
Сняли старые иконы в церквах,
В кабинетах понавесили новые.

Так и тянем: недобор, недород.
Знай, однако, свой шесток и не жалуйся...
Только в старые ведь верил народ.
А кто – в новые? Скажите, пожалуйста.

* * *

Жизнь непонятна, но хочется жить,
Горе рассеять, тоску заглушить...
Что еще надо?
Помнить пророков и слушать кликуш.
Время распада урана. И душ
Время распада.

Кто этот жуткий сценарий писал,
Думал за нас и без нас выбирал
Средства и цели?
Что все печали и горести им...
Сами, безмолвные, время таким
Сделать сумели.

Годы прокатятся, беды пройдут,
Временщиками нас всех назовут
Горько и грозно...
Время друг другу в глаза посмотреть,
Что-то исправить, к кому-то успеть...
Может, не поздно...

* * *

Не спорить, не бранить, не возмущаться,
А, вырваться сумев из суеты,
Смотреть вокруг и миру удивляться –
Деревья, птицы, озеро, цветы...

На землю лечь и в небо поглазеть,
Пить воздух, что настоем трав пронизан,
И слышать шелест листьев – не газет,
На облака смотреть – не в телевизор.

И что-то очень важное понять,
И жить сейчас, а не потом на свете...
И в мир войти, и мир в себя принять,
И засмеяться, как смеются дети.

Евгений Разумов

ЗАМЕРЗ ЛЕДЕНЧИК В КУЛАЧКЕ

* * *

Губерния, волость, уезд –
границы российского поля,
где прадеды жили в юдоли,
неся хлебопашеский крест.

Которое лето подряд
ищу их следы в Судиславле,
свечу поминальную ставлю
и крашу кресты без оград.

Которую зиму вдали
тоскую по отчему крову
и вижу во сне то корову,
то клинышек скудной земли.

И пусть не оставил герба
фамильного правнуку прадед –
мне русского имени хватит,
земли, где стояла изба.

* * *

В трех верстах от поля Куликова
на попутном газике промчусь.
Ни свистком, ни жезлом постового
не одернет нас былая Русь.

Пролетим – и только пыль до неба.
Разживется трешкою шофер.
Что ему Бориса тень и Глеба?..
Зря, Мамай, встреваешь в разговор!

Будем ехать, слушая певичку,
размышляя каждый о своем.
Под конец обугленная спичка
нас на миг объединит дымком.

Выходя в районном городишке,
надевая в клеточку пиджак,
я замечу около подмышки
дырку с двухкопеечный медяк.

Удивлюсь, но, глянув ненароком
на брезент, окаменею – там
две стрелы, каленые Востоком,
стынут – предназначенные нам.

* * *

Не возбраняется, конечно,
свернуть в проулок, где тобой
прибита к дереву скворечня
над покосившейся судьбой.

Подслеповатому окошку
осточертел весь белый свет,
но смотрит гипсовая кошка
туда, куда смотреть неслед.

В ней прежде звякали копейки,
и даже рубль порой хрустел.
Не в этом дело… Дождь из лейки
не раз окатит сей предел.

И смоет все следы прохожих
и хвою от еловых лап.
И дед прошаркает в калошах
навстречу памяти… Ослаб.

А прежде – бабы липли, пиво
текло рекой, гармонь была…
Да и скворечне сиротливо
без оперенного тепла.

Вот-вот затеплится окошко,
и ужин разогреет дед.
И только гипсовая кошка
мяукнет прошлому вослед.

* * *

Замерз леденчик в кулачке,
и посинели губы.
На дяденьках невдалеке
не тятины ль тулупы?..

Они выносят мамин плат
и швейную машину…
Никто не будет виноват,
толкая тятю в спину.

И мама побредет за ним
с погодками троими.
Колхозник росчерком одним
отправит их – во имя

своих грядущих трудодней –
на карачун, на плаху.

А ветер с Волги – леденей.
А страх – знобит рубаху.

Но и заплаканный ландрин
сжат в кулачке упрямо.

. . . . . .
В той девочке не я один
тебя узнаю, МАМА.

Узнает и НКВД,
и активист комбеда,
и все страны моей т. д.,
что невзлюбили деда.

Его тулупчик вам не жмет?..
Носите на здоровье.
Покуда он колымский лед
закашливает кровью.

Виталий Пашин

ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ

На одном заседании Костромского городского клуба книголюбов с сообщением о находках новых документов, касающихся деятельности знатного земляка, исследователя Приамурья адмирала Г. И. Невельского, выступал А. А. Григоров, известный костромской краевед. Прошел час, другой, третий, опустели читальные залы областной библиотеки, погасли огни в служебных помещениях, а из зала периодики, где проходило заседание клуба, люди не хотели расходиться. Забыв о времени, о текущих делах, словно завороженные слушали они увлекательный рассказ следопыта.

Речь шла не столько о самом адмирале (о нем много написано), сколько его сподвижниках и продолжателях, в частности о жене Екатерине, выпускнице Смольного института, разделившей с мужем все тяготы кочевой, полной невзгод и опасностей жизни,

А внуки Невельского Сергей и Владимир Кукель? Много ли мы о них знаем? Почти ничего. А между тем находки Григорова говорят, что это были далеко не заурядные люди. Сергей – видный советский энергетик, один из составителей

знаменитого плана ГОЭЛ РО, Владимир – Непосредственный исполнитель директивы В. И. Ленина о затоплении в 1918 году Черноморского флота (чтобы он не попал в руки интервентов), а в последствие – один из создателей и командиров советского Тихоокеанского флота...

Эти забытые факты извлек из глубин архивов и обнародовал костромской краевед. Да разве только эти! До выхода на пенсию А. А. Григоров работал в лесной промышленности. Но всю жизнь человека тянула к себе русская история, а если более узко – костромская ее ветвь. Немало великих людей, возвеличивших своими деяниями отечество, вышло из костромских пенатов. Литераторы, художники, ученые, мореплаватели, военачальники, изобретатели. О них написаны книги. Но сколько еще фактов, позволяющих нам более глубоко проникнуть в сферу общественной и личной жизни этих людей, осталось вне поля зрения исследователей, писателей.

Как старатели идут за драгой и выискивают в ее отвалах неуловимые машиной крупицы золота, так краеведы, «процеживая» папки архивов и частных коллекций, находят в них подчас удивительные вещи. Однажды, изучая материалы, связанные с фамилией Лермонтовых (предки поэта владели земельным наделом под Галичем), А. А. Григоров обратил внимание на упоминавшуюся в документах девичью фамилию жены Юрия Петровича Лермонтова – прадеда поэта – Анна Ивановна Боборыкина. Это же лицо встречалось Григорову, когда он по архивным источникам составлял родословную костромских Пушкиных, родственников Александра Сергеевича.

А. И. Боборыкина была внучкой стольника Федора Матвеевича Пушкина, казненного в 1697 году за участие в антипетровском заговоре. Это его имел в виду поэт, когда писал в стихотворении «Моя родословная»: «С Петром мой пращур не поладил – и был за то повешен им». Значит, два великих поэта земли Русской приходились друг другу родственниками не только по духу, но и по крови!

В древности существовал так называемый институт хранителей. «Хранители огня», «хранители точного времени» и т. д. До нашего времени дожила должность «хранители

истории». Правда, из штатной она превратилась в общественную, неоплачиваемую. И это оградило ее от посягательств всякого рода прилипал. На должность эту приходят люди не по рекомендации «высших инстанций». Ее соискатель утверждается в должности общественным мнением за заслуги в области краеведения.

Негромкие открытия «местного историка» не всегда получают огласку и должную оценку. Чаще бывает, когда его находками пользуются другие. Но это ничуть не обижает энтузиаста: хранитель истории бескорыстен, он довольствуется малым: упомянут его имя в сноске – и на том спасибо. А иногда и вообще обойдут вниманием.

Несколько лет назад страницы периодической печати облетела весть: в запасниках Солигаличского музея обнаружены портретные работы художника XVIII века Григория Островского. И хотя время изрядно попортило картины, специалисты с первого взгляда определили их высокую художественную ценность. И в самом деле, отреставрированные московскими мастерами «Костромские портреты» вошли в золотой фонд национального изобразительного искусства. Имя доселе неизвестного Г. Островского заняло место рядом с Ф. Рокотовым, Д. Левицким и другими мастерами кисти XVIII столетия. Печать заслуженно благодарила костромских искусствоведов и московских реставраторов, вернувших к жизни творения Г. Островского. Но, к сожалению, остался в тени человек, который в начале 20-х годов вывез эти картины из брошенной хозяевами помещичьей усадьбы и сохранил их для потомков. Имя этого человека Лев Михайлович Белоруссов.

В начале века в Солигаличе московские археологи проводили раскопки городища. В качестве землекопа-добровольца в них участвовал ученик местной школы Лева Белоруссов. Ему повезло найти в земле предметы, попавшие затем в экспозицию Московского исторического музея! Это обстоятельство и определило выбор жизненного пути молодого человека. Окончив Петербургский университет, он вернулся в свой родной город. Работая учителем местной школы, Л. М. Белоруссов развернул широкую просветительскую и краеведческую деятельность. В селах уезда, в опустевших

помещичьих усадьбах собирал он предметы старины, книги, документы, произведения искусства, изделия народных умельцев. И когда в 1923 году в городе был открыт музей, его первой экспозицией стали собранные Белоруссовым вещи.

При подготовке комментариев к академическому изданию трудов М. В. Ломоносова редакторам потребовалось выяснить некоторые подробности из биографии П. Свиньина, передавшего в 30-х годах прошлого века в академический архив многие рукописи великого человека. За справкой обратились к краеведу из Галича Леониду Ивановичу Белову, собирателю материалов о Свиньине и других именитых земляках.

Настороженность редакторов солидного издания к личности Свиньина закономерна. Этот человек при жизни стяжал себе незавидную славу дилетанта, графомана и хвастуна. Пушкин в эпиграмме назвал его «российским жуком», Гоголь «вставил в комедию» в образе Хлестакова. А между тем, современники были во многом несправедливы к этому человеку. Материалы, собранные Беловым, позволяют нам без предвзятости судить о вкладе Свиньина в российскую культуру.

Разбросанность интересов не позволила ему достичь совершенства в какой-то определенной сфере деятельности. А ведь это был незаурядный художник и этнограф, перу и кисти которого принадлежит увлекательная книга о жизни северо-американских индейцев. Свиньин был страстным поклонником всего русского в искусстве, науке, культуре. Он бескорыстно помогал различным умельцам, пропагандировал их труды. Ему принадлежит идея создания национальной художественной Галереи, воплощенная в жизнь братьями Третьяковыми. Особенно удачливой была его деятельность в качестве собирателя рукописен, древних документов, различных антикварных вещей. И не случайно именно его архивом пользовался А. С. Пушкин при работе над Пугачевской темой. Ему мы обязаны тем, что до наших дней дошли многие бесценные оригиналы произведений Ломоносова.

Многогранны интересы костромских следопытов. Отличаясь универсализмом знаний в области краеведения, они все же имеют и своих любимых «коньков». Так, В. Н. Бочков

задался целью отыскать костромские прообразы героев некоторых произведений русской литературной классики, обосновав это материалами архивов, старой периодики, воспоминаниями очевидцев. Свой кропотливый труд следопыт успешно завершил изданием книги «Скажи: которая Татьяна», заслужившей высокую оценку литературоведов.

Как-то считалось само собой разумеющимся, что образ механика-самоучки Кулигина из драмы «Гроза» А. Н. Островского является своеобразной трансформацией исторической личности изобретателя Ивана Кулибина. Разыскания Бочкова дают основание полагать, что Кулигин «списан» драматургом с костромича, современника автора А. В. Красильникова. Жил в середине прошлого века в Костроме такой мастер на все руки. Делал хронометры, электрические машины, астролябии, микроскопы. Раздаривал их школам. На чердаке своего дома он устроил обсерваторию, сам изготовил для нее телескоп и прочие астрономические приборы. Мечтал смастерить для города башенные часы с боем... О Красильникове Островский узнал от своего дяди, костромского старожила и краеведа, которого часто навещал.

Архивные находки, сопоставления биографий подлинных лиц и литературных персонажей, логические построения, наконец, интуиция помогли краеведу самому убедиться и убедить других, что в Долохове из «Войны и мира» Л. Толстой объединил черты двух братьев Фигнеров – Александра и Владимира, партизанов Отечественной войны 1812 года. Что у Загорецкого («Горе от ума»), Зарецкого («Евгений Онегин») и Ноздрева («Мертвые души») был один прообраз – Федор Толстой, прозванный современниками «Американцем» за свои удивительные приключения, чудачества, вздорный характер.

А вот Рыжов – герой рассказа Н. С. Лескова «Однодум» – существовал в действительности. В. Бочков отыскал в архиве формулярный список этого человека, служившего в Солигаличе квартальным надзирателем. И оказалось, что писатель почти ничего не. выдумал в своем рассказе, использовав в сюжете все перипетии необычной биографии солигаличского правдолюба. По архивным материалам, по воспоминаниям сторожилов Бочкову удалось установить подлинность драматических событий из времен

крепостничества, легших в основу некрасовского стихотворения «Огородник» («Не гулял с кистенем я в дремучем лесу...»).

В. Н. Бочков – превосходный знаток Костромы и области. В соавторстве с другими краеведами написал отличные справочники-путеводители по Костроме, по памятным местам А. Н. Островского. Под его руководством члены городского кружка любителей краеведения завершили пятилетний труд по составлению «биографий» костромских магистралей. Энтузиасты не просто обошли все четыреста улиц областного центра, а заглянули в каждый дом, опросили старожилов. В архивах и подшивках старых газет разыскали кружковцы массу забытых любопытных фактов, связанных с памятными событиями из истории страны, города, улицы. По их представлению многие дома объявлены теперь памятниками истории и архитектуры, на ряде зданий появились мемориальные доски.

Великий Н. Г. Чернышевский писал: «Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого или латинского языка, химии, можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком: но не любить истории может только человек совершенно неразвитый умственно». Мы не Иваны, не помнящие родства. Мы гордимся своей историей и не можем без уважения относиться к деятельности ее хранителей, раздвигающих горизонты наших познаний о родном крае, приобщающих нас к ценностям отечественной культуры. Ведь не зря сказано: не зная прошлого, человек не способен оценить настоящее, не способен творить будущее.

НА ДОБРУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

Несколько подаренных изданий с интересными автографами вызывают воспоминания. Иногда случайные наши встречи превращались в диалогические размышления по «Страницам российской истории» – так была названа последняя книга избранных статей и очерков Владимира Леонидовича Миловидова. Помнится, мы несколько раз продолжали разговоры о знаменитых костромичах, о роли провинциальной интеллигенции в развитии национальной культуры. Исход двадцатого века обострял восприятие конкретных событий, требовал аналитических сравнений. Упоминая столичного автора, я признался в затруднении понимать писателя, козыряющего отсутствием любви к малой родине.

– Чувство родины ни при каких обстоятельствах, идеологических и клановых давлениях выветриться не может. – Как всегда тихо и медленно сказал историк. – К сожалению, его могут считать мешающим реформенному процессу, повторяя некий революционный метод давления на высокие чувства инакомыслящих.

Мы вспомнили активное цитирование в печати из давней столичной статьи «Просвещение и революция». В ней высказаны мысли о том, что надо отбросить преподавание истории в направлении сознания народной гордости, национального чувства. Нарком просвещения Луначарский настаивал: обязательно должно быть отброшено преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания. Такие установки занимающего высокий пост лидера были рассчитаны на то, что будут сломлены сознание и дух русского человека, потому и предполагалось установочное влияние на всю духовную жизнь, на творчество, в том числе и на литературу. Народный комиссар просвещения называл пристрастие к русскому лицу и русской речи, к русской природе «иррациональным пристрастием, с которым, быть может, не надо бороться, – смягчался он в комментариях, – но которое отнюдь не надо воспитывать».

Трудные получались у нас диалоги. Владимир Леонидович проявлял ученую сдержанность в противовес моим «лирическим отступлениям» от начатой темы.

* * *

Ясным и теплым днем два неторопливых пешехода оказались попутчиками на Проспекте Мира. Давно, с шестидесятых годов, были знакомы как студент и преподаватель, но несколько лет не встречались. Иногда в осмыслении перестроечных событий слышался мне из давней студенческой аудитории голос читающего лекцию молодого ученого: «Никому не дано право переписывать историю. Только научно анализируя подлинные события, документы, факты, судьбы, можно оценивать содержание исторических периодов, через всеобщую связь выверить значение политических и социально-экономических перемен». Не утверждаю, что этим порядком слов была высказана мысль, но именно такая позиция ученого была наставительно обозначена. Видимо, были у меня основания об этом не раз вспоминать в период общественных потрясений.

Увы, так случается: и в одном городе не всегда вовремя окликаешь необходимого человека, ограничиваешься тем, что помнишь, знаешь о последовательной надежности его и преданности главному делу – это говорю в оправдание собственного промедления. Давно возникла необходимость встречи по литературному поводу да все не осмеливался тревожить профессора. И вот удача! Значит, пришел срок. Конечно, заинтересованно разговорились. Оказалось, Владимир Леонидович Миловидов обо мне знает больше, чем я о своем преподавателе. О, эта ученическая, студенческая невнимательность, не всегда она компенсируется и взрослой благодарностью нашим учителям.

Признаюсь, к стыду своему, еще не прочитал даже документальный очерк профессора о бывшем губернском военном комиссаре Николае Алексеевиче Филатове. Книжка «По убеждению» была издана Верхне-Волжским издательством под редакцией костромского прозаика Бориса Гусева – такие ориентиры могли бы вызвать любопытство, переключить внимание от других интересов. Имеются еще

важные тематические совпадения, сближающие труд ученого и писателя: многотомная книга памяти, городская энциклопедия, история и люди костромского края, полемика по проблемам провинциальной интеллигенции, широко известные научные труды, многолетний авторитет историка. Знания его необходимы не только студентам, аспирантам, педагогам, но и творческим людям. Перед ним нужно признавать свою невежественную поспешность и верхоглядство в оценке событий XX века, недостаток знаний по истории родного края.

– Привлекает еще одна интересная тема, – говорил Владимир Леонидович, снисходительно выслушав покаяние. Опять проявился талант неназойливого введения в науку, в сферу своих исследовательских интересов. – Патриотический энтузиазм, революционный пафос и творческий романтизм в сочетании. Разве порицаемые нынче понятия? Разве история и литература не имеют взаимных связей?

– История для писателя, имеющего особый дар художественно исследовать мир, возвращаясь к фактам минувшего, может быть удивительным зеркалом, которое дает ему отраженное состояние народной души под влиянием тенденций общественного развития, – пытаюсь сказать что-то в этом роде. – Исторический писатель в пределах эпохи создает типические характеры, обобщенный образ времени, приподымает повествование над фактами. Интересным сюжетом увлекает читателей, чтобы быть прочитанным.

– Романтические сочинения тоже согласуются с историей. Романтика и приключения. «Красные дьяволята» Павла Андреевича Бляхина, например. И романы его…

– Это общественный деятель и сочинитель, – говорю. – Писатели что-то редко упоминают коллегу, иногда – только для отрицания романтического опыта по принципу: критикуй, чтобы самому в собственных ощущениях выглядеть значительнее.

– Сейчас такое время, многие норовят плюнуть в прошлое.., – тихо сказал Владимир Леонидович и плавно перевел разговор на другую тему…

Через несколько лет получаю книгу с дарственной надписью – подтверждение догадкам: тогда уже Владимир

Леонидович работал над повестью «Рожденный временем» (Кострома. 2000г), посвященной судьбе, жизни и творчеству революционера, администратора, писателя, кинодраматурга, журналиста. Осмысливал материалы центральных и местных архивов, произведения, речи, дневники и письма, воспоминания о нем, газетные и журнальные публикации разных лет, стенограммы заседаний и съездов.

Автор обратился к читателям с пояснениями, начав вопросом: «Знакомо ли вам имя – Павел Андреевич Бляхин? В свое время оно было широко известно людям разных поколений. Одни знали его как революционера-подпольщика, другие – как общественно- политического деятеля, третьи – как писателя, сценариста и журналиста. Но особенно популярным стал этот деятель с появлением на экранах фильма «Красные дьяволята», поставленного по его повести. Многие годы фильм не сходил с экранов страны, вызывая восторженные отзывы зрителей. Но прошло столько лет и каких лет. И кто-то скажет:

– Не такое сейчас время, чтобы вспоминать и писать о нем.

– А разве не жили такие люди? – ответят другие. – Разве не интересна и не поучительна их судьба? Разве не были они сынами своего времени?».

Вот эта позиция ученого, высказанная без скучной наукообразности, конечно, опять удивила и порадовала меня: она проявилась в развитии новых тем, в любопытном анализе костромской общественной жизни после революции. «Время рождает своих героев. Как цементирующий раствор оно скрепляет конструкции исторического здания…Народ без прошлого – это народ с непредсказуемым будущим. Нравится или нет наше прошлое, но это наша история и другой уже не будет. Не торопитесь осуждать время и людей, живших тогда. А постарайтесь узнать побольше о них, о чем они думали, мечтали, как любили и страдали, и понять, почему действовали так…»

Предусмотрительный Владимир Леонидович с ученой дотошностью учитывал время, обстоятельства, особенности читательского восприятия. «Читая книгу, кто-то подумает, что автор нарисовал образ идеального человека, наделил

своего героя такими чертами, которых у него не было, а что-то скрыл. Но это не так. Восторженные отзывы разных людей о Бляхине не выдуманы. И никто не заставлял их так писать, говорить о нем».

Это заявлено с первых страниц и подтверждается увлекательным повествованием, в котором обнаруживаю художественные страницы, критический анализ и библиографию. Для меня важно признание Владимира Леонидовича: «автор нарисовал образ». Радуюсь, потому что оно соответствует моему давнему предположению: хороший ученый – непременно творческий человек, способный не только научными доказательствами показывать значение личности, представлять типических участников исторических событий, но и создавать яркие художественные образы. К сожалению, мы стереотипно воспринимаем давно знакомого ученого, писателя или художника. Нам не удается чувствовать все возможности вечно занятого, увлеченно работающего в одном главном направлении талантливого человека. Но появляется у него новый замысел, постепенно складывается стечение обстоятельств – и выявляется вдруг то. что предвосхищалось

Мое студенческое восприятие интеллигентного молодого ученого было вопросительным: чем интересуется он кроме науки, кроме обозначенного в темах программных лекций? И вот пришли ответы – они в интересной книге, особые достоинства которой еще предстоит определить по научной, исторической и художественной принадлежности. Удачная композиция по главам, убедительное описание переломных обстоятельств, постепенно прорисованы конкретные трудности становления новой власти – все интересно подано. Весной девятнадцатого года бушует гражданская война. В Костромскую голодающую губернию приезжает уполномоченный центральными органами партии большевиков А.В. Луначарский. Он вскрывает недостатки в работе местных органов, порождаемые «непродуманными, противоречивыми, несогласованными директивами центра», обнаруживает вопиющие факты пренебрежительного отношения к жителям деревни: многочисленные реквизиции хлеба, фуража, лошадей, мобилизации крестьян, различные повинности, ускоренное

насаждение социалистических форм хозяйствования. «Многие работники допускали грубые нарушения законности, творили произвол в отношении крестьян, злоупотребляли служебным положением». П.А. Бляхин, возглавлявший Костромской губисполком с января 1918 года, принимал замечания и на свой счет. С уполномоченным он побывал в Галиче, Буе, Красном, Нерехте, Плесе, Самети…

С первой главы выразительно и конкретно задана ситуация. Вот, думаю, напрасно упрекают людей старой закалки за идеализацию прошлого. Представлены руководители в экстремальных условиях. Невольно возникает интерес, а кто он, этот «губернатор», откуда родом, кто по происхождению, почему и как попал в Кострому под другой фамилией – Григорий Матвеевич Сафонов, почему в период становления Советской власти часто менял должности, чем привлекательна личность, как складывалась судьба, какие совершал ошибки, в чем особенность его литературных произведений? На многие исторические и даже литературоведческие вопросы нахожу ответы в документальной повести.

Удивил, порадовал Владимир Леонидович! А мы-то привыкли видеть его научно сосредоточенным копателем архивов и не удосуживались пересчитать труды, не оставалось у нас времени даже на это, потому и стыдно признаваться: «Извините, не читал с подобающим вниманием самые близкие по тематике книги и статьи. Но вот эту…» Он, широко эрудированный, скромный и предупредительный, опять прощает и, поняв мое намерение рассказать в большом очерке о нем и его книгах, просит:

– Не надо обо мне писать. В наше смутное время не хочется лишний раз привлекать внимание к себе и своим героям. Может быть, когда-нибудь потом…

Знаю, откладывание на когда-нибудь может перерасти в охлаждение, в забывчивость, в утрату чувства долга. Потому вписываю блокнотные страницы в подборку для новой книги, чтобы обозначить Владимира Леонидовича в общем ряду своих современников, которых называю редкостными земляками. И даю краткую справку. Родился он 24 июня 1931 года в семье сельских интеллигентов (село Введенское Чухломского района).

Для перечисления всех трудов, званий, наград, принадлежностей к академиям, участий в научно-методических, кандидатских, докторских советах при Минпросе РСФСР, при госуниверситетах и десяти страниц не хватит. Но и по одной убедительной книге «Рожденный временем» (Документальная повесть о судьбе, жизни и творчестве советского писателя) можно узнать достоинства ученого, особенность таланта, представить и оценить вклад в науку, в историческую летопись России. Придут новые увлеченные люди, вчитаются в его научные и документальные произведения, почувствуют историческую правду, подлинное дыхание того времени, когда «старый мир давал трещины, и все вокруг сдвинулось с места, с шумом и грохотом, как весеннее половодье, понеслось по неведомому пути».

Объемный исследовательский труд всей жизни доктора исторических наук Владимира Леонидовича. Миловидова высоко оценивают ведущие ученые страны. На университетской кафедре истории России под его руководством сложилось научное направление «Интеллигенция и общество», отмеченное признанием научной общественности и в Министерстве образования РФ, а для творческих людей интересное разработкой проблемы «Власть и интеллигенция». В русло этого направления вписывается книга «Рожденный временем» – ученый, работая над повестью, перспективно провидел актуальность, значимость таких исследований в настоящее время. Такими трудами создается правдивая летопись Отечества, необходимая для будущего. Потому повесть, на которую обращаю особое внимание, полезно было бы переиздать в лучшем полиграфическом исполнении…

Михаил Базанков.

Да минуют беды и печали
каждый колосок родной земли,
лишь бы в счастье мы не растеряли
то, что в горьком горе обрели.

Владимир Костров

Сергей Марков

КРЕПКОЕ ЗВЕНО

Известный поэт, прозаик, ученый-этнограф Сергей Николаевич Марков родился в посаде Парфентьев Кологривского уезда Костромской губернии в 1906 году. Творческий человек с разнообразными художественными устремлениями и ученый-исследователь, историк, путешественник, он обладал особым притягательным светом, хотя всегда старался оставаться в тени.

Мы еще не раз обратимся к творчеству земляка, перелистываем двухтомник избранных произведений, чтобы в минуты тяжелых раздумий о судьбах своего народа, своей Родины найти в этой подвижнической судьбе пример стойкости, выдержки высокого патриотизма.

Вспомним его слова: «Горжусь, что золотая Кострома и у моей стояла колыбели». Вспомним его стихи, рожденные гордостью своей землей, своим происхождением, родной речью.

Всю жизнь я верен звуку «О» –
На то и костромич!
Он речи крепкое звено,
Призыв и древний клич

.....

На свете тот народ велик,
Что слово бережет,
И чем древней его язык,
Тем дольше он живет.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АВТОРА

ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ ФРОЛОВ родился 6 августа 1937 года в дер. Большая Медведица Павинского района Костромской области. Закончил Павинскую среднюю школу (1954), Вологодский пединститут. Работал в районной газете г. Никольска (Вологодская обл.), в вологодских областных газетах «Вологодский комсомолец» и «Красный Север», в ЦК ВЛКСМ. Был ответственным секретарем, заместителем главного редактора журнала «Наш современник» (1970-1980), главным редактором издательства «Современник» (1981-1983), с 1983 года – директор издательства «Современник».

Печататься начал в школьные годы в павинской районной газете. Первая книга – «Дорога. Записки комсомольского работника», вышла в Северо-Западном издательстве – в 1966 году. Рассказы и повести Л. Фролова печатались в журналах «Москва», «Наш современник», «Дружба народов», «Юность», в «Роман-газете», переводились на немецкий, венгерский, болгарский, румынский, польский, чешский и словацкий языки.

Л. Фролов – лауреат премии им. Н.Островского (1980), премии ВЦСПС и Союза писателей РСФСР за 1989 год. Заслуженный работник культуры РСФСР. Награжден орденом Дружбы народов. С 1985 года – секретарь Союза писателей РСФСР.

Изданы широко известные книги «Полежаевские ягоды», «Сватовство», «Во бору брусника», «За полями, за лесами», «Верность», «Летающие тарелочки», «Украденная невеста» и другие.

Нетрудно узнать по этим книгам, какая земля вдохновляет писателя. Многое из того, что издано, имеет корни на родине, в Павинском районе. Коллеги, земляки поздравляют его с 55-летнем и сердечно желают осуществления творческих замыслов, успехов в издательской деятельности, которая нынче требует огромных усилий, организаторского таланта. «Литературная Кострома» предлагает читателям главу из рассказа Леонида Фролова «Девки приехали».

Леонид Фролов

ГРУЗДИ-РЫЖИКИ

С неделю, наверно, по нескольку раз на дню моросили дожди, а потом установилось ведро, и в окрестных лесах так густо попер гриб-листопадник, что не успевали его обирать. Казалось бы, что может остаться на запорошенной прелыми листьями поляне, когда по ней только что прошнырнула ватага ребят с корзинами и когда следом за ними прошли

старухи, кланяясь каждой елочке и выщупывая чуткими ладонями каждое вздутие во мху. А Митька и по обитой росе выколупывал из травы рыжик за рыжиком. Были они величиной с двухкопеечную монету – хоть в бутылке соли. И мать, удивляясь его удачливости, нахваливала сына:

– Ты, Митя, как из-под земли достаешь.

А ведь из-под земли и есть. Вот если бы ему вырваться в лес раньше всех, до солнышка бы уйти, сколько б он грибов наковырял! Но мать у него работала в колхозе дояркой, и, пока не управится на ферме с коровами, Митьке надо нянчиться с братом: укачивать в зыбке, чтобы Никола раньше времени глаза не продрал, а то до возвращения матери изведет своим ревом всю деревню. Уж такой уродился горластый, что просто мука! И надоел он Митьке хуже горькой редьки. Да ничего не поделаешь – брат.

Алик Макаров, приехавший в Полежаеве из какого-то неслыханного села Улумбек, поморщился и покачал головой:

– И чего ты как привязанный вокруг него вертишься? Я бы оставил в зыбке, пусть надрывается сколько хочет.

– Про чужого так легко говорить,– возразил ему Митька.

– Ну, знаешь ли,– обиделся Алик.– У тебя что, своих интересов нет?

– Есть, – подавленно выговорил Митька.

– А есть, так почему не даешь им развиваться?–Алик ходил по избе, сунув руки в карманы. Рыжая голова у него была краснее галстука.– Думаешь, я без брата вырос? – горячился он.– И у меня брат был. А я никому не позволял посягать на свою свободу!

Может, и не позволял, кто его знает. У него мать покладистая. Митька не слыхал, чтобы она на Алика когда-нибудь повысила голос. Да и в деревне Мария Флегонтовна сразу нашла с бабами общий язык, будто всю жизнь в Полежаеве прожила. Обходительная.

Но все равно Митька не представлял, как Алик отвоевывал свободу у матери.

Конечно, если у них и в Улумбеке как здесь было: в одном доме и квартира и почта, которой Мария Флегонтовна заведовала, – тогда понятно. Заревет Алькин братишка, Мария Флегонтовна откроет боковую дверь и покормит ревуна грудью. А с фермы не прибежишь.

– Слушай, а где у тебя теперь этот брат? – поинтересовался Митька, потому что Макаровы приехали вдвоем, никакого ребенка у них не было. В Полежаеве даже и не подозревал никто, что у новой почтарки два сына.

– Ну, это длинная история, – отмахнулся Алик.–Как-нибудь потом расскажу, – и перевел разговор на другое. – Между прочим, у нас в Улумбеке пацаны не с ребятами нянчатся, а занимаются спортом, мышцы себе накачивают.

Алик закатал рукава: мышцы у него действительно были накачаны силой, как у боксера.

– Хочешь померяться силами? – вызывающе предложил он.

Митька оторопело покрутил головой:

– Нет, нет...– и почувствовал, как у него похолодело на сердце. Ведь если ребята узнают, что Алик положил его на лопатки, сраму не оберешься: Алик был ниже Митьки почти на полголовы.

– Ничего, не тушуйся, – Алик самодовольно похлопал его по плечу. – Меня в Улумбеке шпана и то боялась.

– А что, у вас и шпана есть?

– Сколько угодно! Это же Улумбек, не Полежаеве. Двенадцать тысяч населения. Двадцать семь улиц. А мы в центре жили, так и называется – «Центр». У нас там знаешь как здорово! Река прямо под окнами, не то что ваша Березовка, – в войну подводные лодки плавали. Одна немецкая лодка и сейчас на дне лежит, всю песком замыло, поэтому и не подняли ее. И лес на сто километров.

– Да лес и у нас большой.

– Что ты мне говоришь! – возмутился Алик.– У вас партизаны не воевали? Ну вот то-то, а у нас партизанский край. У меня папа командиром у них воевал. Знаешь, какой был командир? За него немцы сто тысяч ихними деньгами обещали тому, кто поймает. Ну, я тебе потом расскажу. Ах-х-нешь!

У Митьки отец мало того, что не боевой командир, а и вообще не служил в армии: в войну, говорит, голодать довелось, с малолетства испортил желудок – так с белым билетом и ходит. Не знает даже, как из автомата стреляют.

А у Алика, похоже, отец и сейчас выполняет какое-то секретное задание правительства. Алик говорит, неизвестно, когда и на побывку приедет. У Митьки же отец все время с семьей. Правда, с семьей и не с семьей: с утра до вечера на комбайне.

Мать у Митьки тоже самая обыкновенная. Скажи ей, что у сына свои интересы, что он не будет больше нянчиться с братом, так и ремнем принародно отходит.

«Ох ты сопляк, – скажет, – интересами меня придумал пугать! Я вот тебе покажу эти самые интересы, что ты с неделю не присядешь!..»

Нет уж, матери об интересах лучше и не заикаться. Да и какие у него интересы? Особо каких-то и нету. Конечно, круглыми днями сидеть с Николой не больно охота. Вон ребята то за малиной отправятся, то на рыбалку бегут, то затеют военные игры, а Митька по рукам и ногам связан – не выскочишь. В окошко на них посмотрит – и хорошо.

А теперь вот пошли грибы. Говорят, Маринка вчера уже груздей принесла. Бабы к ней высылали разведку: откуда? Из поскотины или с Басалаевского хутора, из березняков? Но Маринка разве проговорится, пока груздь не понесут с разных сторон. Наоборот, наведет на обманный след.

Вот Митьке бы сейчас поперед всех угадать в Захаровские вырубки. Наверно, там от груздей и земли не видать. Оттуда в худые-то годы и то с пустой корзиной не возвращаешься. А уж нынешнее лето на особицу: как по заказу, перепадают грибные дожди.

Митька любил ходить по лесу. И на час-то вырвется, так обрадует мать: и на варево и на соленье притащит. Он знал, где искать. В сухое лето шарь под деревьями у самых стволов, а в сырое грибы разбегаются по солнцепекам, выискивают место где потеплее. Старухи и то завидовали Митькиному умению.

– Ну у тебя и глаза, постреленок! Сквозь землю видят. А какие глаза – чутье подсказывало. Продираешься по чащобнику, так примечаешь, что за места: мохом земля затянута – жди встречи с белыми; в мокрой траве не наступи на маслят; по урезу осинника не сомни подрумяненную яблоком шляпку красноголовика, в ельничке не просмотри рыжики.

Но грузди, грузди... Собирать их Митька любил больше всяких грибов. Они, как правило, селятся не в одиночку, а тянутся мостами. В Полежаеве так и говорят: «Напал на груздиный мост». Рыжики тоже кучно растут. Но от них в корзине не так податливо, как от груздей. А этими... нападешь на хорошее место – за полчаса и корзину и берестяной заплечный мешок, который здесь зовут пестерем, наполнишь. Наберешь-то за полчаса, но до Захаровских вырубок ходу в три раза больше, чем работы. Как ни крути, полдня на это дело клади. А где они у Митьки, полдня?

И если бы не Маринка Петухова, не видать бы Митьке нынче груздей.

Как флаг, пронесла по деревне новость:

– Грузди, грузди пошли!

А грузди... упустишь слой – не воротишь: сегодня они есть, через неделю же и искать бесполезно, прекратился рост.

Полежаево всполошилось.

Мария Флегонтовна, Аликова мать, и та поддалась панике. Кинулась к Маринке:

– Своди моего парня.

А Маринка разве поведет.

– Ой, Мария Флегонтовна, не знаю, куда и вести. Я ведь на Басалаевском хуторе была, так все обломала. Мне не жалко, сводила бы, дак впустую время умелей... Ты бы лучше к Ване Микуленку сходила, у него парень, как ищейка, все места знает. Лучше Митьки грибника не сыскать.

Так и пришла Мария Флегонтовна к Митьке. Говорит, и с Николой понянчусь, и если долго не вернетесь, а пригонят коров, так Пеструху загоню во двор и поросенка закрою... Ни о чем не беспокойтесь, только сводите пария в лес.

Митька боялся, что мать заотнекивается – как же, оставит она с чужими людьми Николу,– но мать без уламывания согласилась:

– Пусть сходят. Алик места узнает, так и один потом сбегает.

То-то для Митьки был праздник.

* * *

Они вышли из дому поздновато: пастух уже прогнал по деревне коров. И Митька переживал, что не успеют они набрести на грибы, как солнце встанет на их пути. При встречном солнце рябит в глазах и опавшие листья бог весть за чьи только шляпки не принимаешь. Мечешься из стороны в сторону как угорелый – и все впустую. Грибы лучше собирать, когда солнце стоит со спины. Вот тогда глаз становится спокойнее, зорче.

Тропа виляла берегом речки. На траве слезами лежала роса. Но, уже подсыхая, чадил осот и пахли медом багульники.

В кустах сновали дрозды-рябинники. В омутках, на солнцегреве, при приближении шагов испуганно всплескивали щурята.

День обещал быть знойным.

Тропинка свернула в лес.

Митька слышал, как Алик сопел за спиной, и не оборачивался. Он боялся, что они опоздают к Захаровским вырубкам, что кто-то их обязательно опередит. Конечно, в лесу места хватит всем. Но обидно идти по чьим-то следам, натыкаясь на обрезанные корешки груздей. Выйди они из дому пораньше, эти грузди попали бы в их корзины. А так еще неизвестно, что найдешь. Может, слой груздей давно отошел, и Маринка наткнулась на его остатки. Вот уж тогда от Алика насмешек не оберешься. Скажет: «У нас в Улумбеке, у нас в Улумбеке...» Митька даже голос его недовольный услышал. И почувствовал на спине насмешливый взгляд.

Оглянулся: нет, Алик и не думал смеяться. Пыхтел сзади, надламывая на поворотах тропинки лапы елочек. «Дорогу метит», – понял Митька и посоветовал:

– Не бойся, в лесу не оставлю.

– Да это на всякий случай. Мне еще папа советовал: «Примечай все». А у него партизанский опыт.

Митька уж было заикнулся, хотел напомнить про обещание – самое время для откровенных разговоров, – но Алик опередил его:

– Я тебе потом расскажу про брата. Только ты смотри никому ни гугу.

– Чего ты меня предупреждаешь? Девчонка я тебе, что ли? Не проболтаюсь.

– Все равно потом. Вот поверю в тебя – и расскажу. Меня папа учил: первому встречному не доверяться.

– Да ты, Алька, что? В самом деле не веришь? Ну, чего хочешь сделаю для тебя. Хочешь, ножик отдам?

– Да ну, я ведь не побирушка. Я тебе сам подарю ножик, когда папа приедет. Он без подарков не возвращается. В Улумбеке он всю улицу нашу одарил: кому ножик, кому гармошку губную, кому пистолет...

– Игрушечный?

– Ну даешь! Конечно, игрушечный. Настоящий по номеру на его имя записан. Потеряешь – за измену считается. Расстрел могут присудить.

– Ух-х как у них строго!

– А иначе нельзя. Может, ты струсил среди врагов и, чтобы тебя не опознали, пистолет выбросил. Это же равносильно измене. Факт?

Митька кивнул головой:

– Факт.

Над ними с шумом, обламывая сучья, снялась какая-то птица.

Алик замедлил шаг.

– Да это сова, – успокоил его Митька.– Мышковала ночью и над тропой, видно, уснула. Мы потревожили.

– Ишь ты, а у нас в Улумбеке совы не водятся.

– Ну-у, здесь сколь угодно.

Тропа уже измельчилась на несчетное число рукавов, и ее стало совсем незаметно среди черничника.

Алик время от времени делал заломы на деревьях, вырезал на замшелых елях залысины и все оглядывался, видны ли его отметины.

Захаровские вырубки начинались за Естехиным логом. Лог давно не косился, и его затянуло багульником, дудками и камышом, вымахавшими в рост человека. Митька сразу определил, что трава тут немятая: значит, в вырубках пока никто не бывал.

– Ну, наша взяла, – сказал он и удовлетворенно потер ладони одна о другую. – Готовь, Алька, корзину. Не может быть, чтобы без груздей воротились.

Пока перебирались через лог, изрядно вымокли в росе, и Алик заежился от озноба:

– У костра бы посушиться. – В нем не было прежней уверенности, он нахохлился, как воробей.

– Да ты что? Это же роса! Для здоровья полезно. Мне бабушка рассказывала, раньше больных специально в росе купали.

Солнце уже выходило с левого боку, высвечивая вершины деревьев. В его лучах искрились мокрые листья. Для Митьки хорошо знаком этот рассветный час. Пройдется поверху ветерок, обдунет лес, и листья, обсохнув, расправятся, зашелестят.

– Пошли. На ходу согреешься.

Они двинулись вдоль угора, натыкаясь на мокрую паутину, обмахивая ее с лица и выбирая проходы пошире, чтобы не угодить под росяной душ с кустов.

Митька издали углядел под лапами ельника сахарную белизну гриба:

– Вот он, родименький!

Груздь обвесился бахромой, был плотный, как дерево. На зеленеющих пластинках его обильно выступило клейкое молоко.

– Самое время ему, – сказал Митька и великодушно передал гриб Алику: – Первый – тебе. А ну поползай-ка тут на коленях.

Он не дождался Алика, сам приник к земле и стал шарить руками по подстилке из жухлых листьев. И мост из груздей потянулся от одной кочки к другой.

– Ты собирай здесь, а я дальше пойду, – продолжал великодушничать Митька, загораясь радостью от ожидаемой и почти уже привалившей в руки удачи: «Есть, есть грузди!».

Алька, не веря глазам, суетливо срезал грибы ножиком и, торопясь, не успевал их складывать в корзину, сбрасывал в кучки, словно кто-то мог опередить его, обобрать те, что оставались пока на корню.

– Да не торопись ты, все твои будут.

Митька не успел выйти из поля Алькиной видимости, как опять напал на грибной мост.

– Ну, не кончились у тебя? – крикнул он Алику и огляделся, велика ли семейка груздей попалась ему на этот раз. Белые шляпки там и тут топорщились под листвой. – Давай сюда! У меня много.

Алик прибежал сломя голову:

– Где?..

Они обломали грибы и по урезу Естехина лога направились в вершину.

Насколько хватало глаз, впереди тянулся черничник. Для груздей лучшего места и придумать нельзя.

Но грибы, как назло, больше не попадались, будто под землю спрятались. Митька уж и в чащобу ельника залезал, и на другой берег Естехина лога бегал – только зря вымок. Да что за черт такой!

– Поворотили назад!

Они вернулись туда, откуда начали. Но, кроме обрезанных корешков, разве что-то найдешь? Уж раз «мост» кончился, так новый за десять минут не вырастет. Митька, правда, рядом со своими же срезами откопал еще два груз-дочка. Но ведь два – не сотня. Положил в корзину, и не видно, что прибыло. Под елочкой выпутал из травы штук десять рыжиков – холодные, скользкие, как лягушки. От этих тоже прибытку немного.

Алик уж подбивал Митьку на волнушки и сыроеги. Этих, как поганок, невпроворот.

Но стоило ли за ними в такую даль плестись. Их под Полежаевой на угорах хоть лопатой греби!

Свернули в старую вырубку, затянутую березняком. Уж если и тут нету, то придется поворачивать оглобли домой. Ничего не поделаешь.

Но у Митьки теплилась надежда: должно же быть. Земля-то вон какая парная. На черничнике нету, так в березняке уродилось. Год на год не приходится. По одно лето груздь прорезался в ельнике, по другое – в березняке. А нынче-то, пожалуй, на березняк и смахивает: дожди же идут. В ельнике-то и без дождей сыро, а тут целую неделю беспрестанно лило, затопило землю, до грибницы воздуху не проникнуть, какие тут грузди.

От догадки Митька повеселел.

В березняке было просторнее, лес проглядывался далеко вперед.

– Ты иди туда,– Митька махнул рукой в сторону гари, – а я здесь поищу. В четыре-то глаза больше найдем.

Они шли по лесу и аукались.

Грузди попадались здесь чаще, но одиночные. Митька уж совсем было упал духом: неурожайный год.

– У тебя-то там как? – крикнул он Алику.

– Пло-о-хо, – отозвался Алик.

– И у меня пло-о-хо, – ответил Митька.

Эхо пронеслось по березняку и затихло.

Солнце уже выкатилось к зениту. Лес ожил от шума листвы, и кусты больше не обдавали Митьку дождем, когда он лез через них напролом.

– Попадает чего-нибудь? – нетерпеливо поинтересовался Митька.

Алик долго не отвечал, и Митька, испугавшись, что он на безгрибье убежал далеко, сложил руки рупором и закричал на весь лес!

– А-а-лик!

– Ну, чего тебе? – отозвался Алик из-за ближних кустов.

– Попадает чего-нибудь?

– Плохо.

– И у меня плохо.

Митька внутренне уже решил возвращаться и пошел на сближение с Аликом. Он выскочил к гари и обомлел: поляна была усеяна свежими корешками груздей. Кого это тут носило? Митька присел на корточки, повертел перед глазами один корень, другой – недавний срез: зеленое молоко не успело обсохнуть.

– Алик! – удрученным голосом позвал он товарища, всматриваясь в кусты, за которыми Алик только что трещал валежником.

Кусты тянулись к логу, и за ними никого не было.

– А-а-лик, а-а-у! – крикнул Митька погромче.

– Ау-у! – отозвался Алик издали.

«Ты смотри, куда умахал», – подумал Митька и заторопился на голос.

По пути попалось еще несколько груздей-одиночек. Митька на ходу очистил их от налипшей хвои и листьев и снова наткнулся на следы «моста».

И опять корешки были свежие.

«Уж не Алька ли обломал? – подумал он и стыдливо отогнал неприятную мысль: – Ну, или не позвал бы...»

– А-а-лик!

Алик вывалился из кустов, тяжело избоченившись. Корзина у него доверху была набита груздями.

– У тебя-то как? – спросил Алик, ревниво заглядывая через плечо Митьки.

– Я же кричал тебе, плохо.

Алик поставил корзину на землю и, упершись руками в поясницу, прогнулся, разминая затекшую спину.

– Нет, я ничего на три кустика набрел, – самодовольно улыбаясь, признался он.

– Да я уж видел обрезки, – сказал Митька тоскливо.

– Хорошие кустики. – Алик не чувствовал за собой никакой вины.

– Пошли! – сказал Митька сердито.– Дорогу-то домой запомнил?

– А как же! – Корзина у Алика натруженно поскрипывала.– Меня один раз проведи – на всю жизнь запомню. Потом хоть с завязанными глазами пройду.

Они стали спускаться к логу. И – надо же! – под ногой у Митьки неожиданно хрустнуло. Груздь раздавил. Нагнулся Митька – а по всему угору бело. Смотри ты, на солнышко выскочили!

Митька опомниться не успел, а Алик корзину свою отставил в сторону и запрыгал от груздя к груздю. Нарежет в подол рубахи – и к корзине. Нарежет снова – и опять вывалит в кучу.

Митька не спеша наполнил корзину. Теперь торопиться незачем: пошли груздочки. Хоть каждый день бегай сюда. А мать увидит, что не пустей вернулся, сама Митьку погонит в лес. И Николу найдет пристроить к кому.

– Ну, двинулись...

А Алик вертелся вокруг наваленной им горки груздей и ничего придумать не мог. Рубаху было стащил с себя, хотел ее набить, да комары облепили спину. Пришлось отказаться от этой затеи.

– Митька, ну чего делать-то?

– А я знаю, чего?

– Не оставлять же тут.

– Чего хошь, то и делай.

Алик сложил грузди под елочку, забросал лапником, а на дереве залысину выстрогал.

– Сегодня же прибегу.

У Митьки пропало всякое настроение. Не груздей было жалко, а чего-то иного, чему Митька не находил объяснения.

Корзина и у него тяжело поскрипывала, а праздника на душе не было.

* * *

Вечером Мария Флегонтовна заявилась к Микуловым с благодарностями:

– Мой-то сегодня полную корзину груздей приволок. Говорит, еще и в лесу припрятал, с ведро накладется. Да один боится идти... Ой, Митя, спасибо тебе, что в хорошее место сводил! Не ты бы, и не видать ничего. Ты еще пойдешь, так не оставляй его. Вдвоем-то и веселее.

Митька слушал ее вполуха, потому что Никола орал благим матом и Митька не знал, как его успокоить. И соской-то брату рот затыкал, и зыбку-то зло качал, так что очеп[1] стучал по потолочине, – все без толку. Разревется парень, и сладу нет. Хоть сам вместе с ним реви.

Мария Флегонтовна наклонилась над зыбкой, засюсюкала:

– Колюсенька, ты мой холосенький... Ну, иди ко мне, иди...

1 Очеп – пружинистая жердь, укрепляемая под потолком, на которую вешается зыбка.

И диво ведь: загугукал Никола, улыбка выплыла на лицо. С матерью Марию Флегонтовну перепутал.

Мария Флегонтовна вытащила Николу из зыбки, стала укачивать его на руках. А сама так в Николкино лицо все и смотрела, будто и насмотреться не могла.

Из кухни вышла Митькина мать и засмеялась:

– Вот, Мария Флегонтовна, тебе бы такого!

– Да что ты, Надя, куда мне без мужа-то! Алик безотцовщиной растет, с ним умаялась. Некому и пристрожить... – Она, наклонившись над Николой, прицокнула языком – тот от радости пустил пузыри.– Я уж и с твоим наиграюсь. А с меня Алика хватит. И так от рук отбился совсем... – Она подняла затуманившиеся глаза, вздохнула: – Алику три года было всего, когда Василий помер, Алик и не помнит его. Вот с тех пор и маюсь одна...

Митька сразу насторожился.

Но Мария Флегонтовна смахнула выкатившуюся слезу и заставила себя улыбнуться:

– Ну и натетешкалась сегодня с вашим Николкой, – сказала она окрепшим голосом. – Отвела душу. А он у вас спокойный такой. Только глазенками хлопает да улыбается.

– Ну да, спокойный... – возразил Митька. – Заведется, так ревет и ревет.

– Вот у меня Алик ревун-то был... Спасу не было. И грудь даю – ревет, и качаю – ревет, и на руках ношу – ревет. Вот уж помаялась. Одного вынянчила, а труднее достался, чем иной матери десятеро.

– Избаловала, – сказала Митькина мать и кивнула на Николу: – Не смотри, что маленький, все понимает. Волю с такого возраста дай, так на шею и сядет... – Она наклонилась к ребенку, прищелкнула языком. – Ну, что?

Николка обрадованно забился в пеленках.

– Ну иди, иди, покормлю.

Митька ни к селу ни к городу задал вопрос:

– Мария Флегонтовна-а, а вы из Улумбека-то почему уехали?

– Да ведь Алику в шестой класс нынче, а там трехлетка всего.

– В Улумбеке-то? – удивился Митька.

– В Улумбеке. А что? – Мария Флегонтовна, кажется, чего-то заподозрила в его вопросе.

– Да так... А партизаны у вас воевали?

– Какие партизаны? – всплеснула руками Мария Флегонтовна. – Это Алик опять нафантазировал? Ну что ты с ним будешь делать! Больное воображение...– Она заохала и стала жаловаться Митькиной матери на то, что совсем измаялась, живя две зимы с сыном врозь. – Я в Улумбеке, а он в школе в райцентре. У тетки жил, под приглядом, а все равно не у мамы родной. Ой и извелась за два года! Начальству заявление за заявлением писала: переведите, где школа есть. И в район-то писала, и до области-то дошла. На третий год только уважили: говорят, в Березовском районе нужны почтовые работники. Я бы бросила почту, да стаж неохота терять. Дом продала в Улумбеке и не жалею. Здесь и в государственной квартире, да с сыном рядом.

– А Улумбек далеко отсюда? – невинно поинтересовался Митька.

– Где там далеко! В соседнем районе... Согру слышал?

Николай Колотилов

СТРОГИЕ ВОПРОСЫ

Холодная вечерняя заря
Глядит в окно.
И я, придя с работы,
Сорвал последний лист календаря.
Уходит год...
И стало грустно что-то.
С чего грустить?
Моей родной стране
Побед и счастья мало ли принес он!

Моей стране, а стало быть, – и мне.
Однако ж я, в тревожной тишине,
Волнуясь, задаю себе вопросы,
– А лично ты
При книжке трудовой
Не прожил ли постыдным
иждивенцем?
– Как будто нет:
Работник рядовой,
Кипел я в бурном деле деревенском.
Как от дождя, от пота промокал,
Знал боль в спине,
Знал на руках мозоли –
Усталости своей не потакал,
Не притворялся, лености мирволя.
– Ну, а плодами личного труда
Доволен? Нет?
– Я сделал так немного…
Год шел и шел, а я вот не всегда, –
Да, не всегда! – шагал с ним четко в ногу.
Случалось так:
С дружками шумным днем
Толчем, как говорится, воду в ступе.
А день пройдет – его уж не вернем,
Ни за какие ценности не купим.
– Еще скажи:
Помог ли ты в году,
Не устрашась служебных
осложнений,
Кому-нибудь, попавшему в беду
По воле чьих-то низких побуждений?
Всегда ли был ты честен, справедлив?
Не поводил ли ты по ветру носом?
И через год задам, коль буду жив,
Себе такие ж строгие вопросы.

1966 г.

СЛАГАЕМЫЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОИСКА

Памяти Николая Михайловича Смирнова

Есть утверждение, что в произведениях художника отражается его характер. Это, безусловно, верно, если художник самобытный, одаренный, а его творчество основано на глубоком проникновении в сущность изображаемых явлений. При этом он не может быть равнодушным созерцателем. Так или иначе его душевные переживания найдут свое выражение в конкретных работах. Таким художником был Николай Михайлович Смирнов.

Творческая биография складывается из тех жизненных ситуаций, которые оставили в памяти человека заметный след. Это прежде всего детские годы, овеянные романтикой неповторимого. Выросший в крестьянской семье, Николай Михайлович знал цену тому, что дает человеку земля, какой труд должен быть вложен, чтобы на ней выросли необходимые плоды. Отражение гармонии природы и человека, живущего на земле, не случайно стало основной задачей его творческих поисков. На разных этапах миропознания он стремился раскрыть эту тему, меняя лишь смысловые акценты.

Наиболее убедительное воплощение она находит в картине .Облака моего детства». Творческая идея получает развитие в различных композиционных решениях многочисленных эскизов. Формат изображения то раздвигается в ширь, открывая просторы полей, то устремляется в высь, вознося сеновал с мальчишками как памятник юности. В незамысловатом сюжете образно выражено время надежды, мечты, ожиданий. Колорит в эскизных вариантах меняется от просветленных к насыщенным теплым тонам вечернего солнца.

Аналогичные впечатления возникают при встрече с картиной „На сеновале. Из детства». Спокойно спят подростки, укрытые общим одеялом. Утреннее небо с легким облаком настраивает на безмятежное состояние. Но все же нельзя

уйти от мысли, что художник не только любуется красками раннего утра, лицами детей, но и переживает за их будущее.

И вот работа, над которой Н.М.Смирнов трудился до последних своих дней. „Хранители тепла покинутых деревень» – так условно он предполагал назвать свою картину. Сюжет формировался на конкретных жизненных впечатлениях, которые возникали при

встрече с земляками деревни Алешково. Разъехались по разным сторонам великой России бывшие мальчишки-романтики с крестьянского сеновала. Остались старики, жизнь которых полна неожиданностей. Эти люди близкие художнику не только по родственным отношениям, но и по состоянию души. В работе с определенной откровенностью выражена позиция художника. Он призывает зрителя к соучастию в решении сложных жизненных проблем.

Большое место в творческой практике Н.М.Смирнова занимает пейзаж. Им написано множество этюдов с натуры и есть пейзажи, где представления художника о природе обобщаются в программные пейзажи-картины. Это результат серьезных раздумий, осмысление пережитого.

Одну из лучших работ художник посвятил памяти Т.В.Шуваловой. Свободно, с некоторой долей незавершенности написаны цветы у дороги, а над полями поднимается светлое облако удивительной формы. Образы природы ассоциируются здесь с судьбой уважаемого им человека.

К изображению природы Николай Михайлович относился бережно, внимательно. Он не любил „хлесткой», по его словам, „заклепочной» живописи. Но также не терпел рабского копирования, бездушного отношения к работе. Исходя из реальных мотивов и объектов, стремился в каждом этюде найти образное решение. Он мог увлеченно и длительное время работать над изучением полюбившейся ему сосны, изучая в ней узоры ветвей, красочное богатство коры и кроны. Часто ему приходилось выезжать на этюды на заранее определенные места. В этих случаях это была либо работа над будущей картиной, либо длительные поиски композиции для выражения своего замысла.

Особой декоративностью, остротой взгляда на природу отличаются пейзажи со снегом, который выпадает ранней

осенью. Золотое убранство берез контрастно и празднично светится среди белых полян и заснеженных дворов. Он мог это видеть из окон своей мастерской и выйдя за калитку дома, а то и прямо с крыльца писать на холсте больших размеров. При этом работал быстро, стремясь передать необычное состояние в природе. Отсюда свежесть живописи, разнообразие и точность приемов в технике исполнения.

Все ли так легко и просто было в его практике постижения творческих методов работы? На первых этапах в его пейзажах наблюдается дань внимания к живописным решениям известных мастеров. Это особенно заметно в пейзаже „Вечер. Возвращение с полей». Обобщение форм, декоративность цвета, насыщенность тонов – все это еще от А.И.Куинджи. Но жизнь определила свои пути и подходы. Он был чутким человеком со своим личным миропониманием. Цветущие весной вишни, хороводы разбросанных по оврагам берез, да и вся окружающая действительность заставили искать новые выразительные средства. Это были его колористические открытия, его мир природы. Поэтому так самобытно и убедительно выполнено каждое произведение этого талантливого художника.

Николай Коротков

Виктор Хохлов

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

(Две историииз жизни Малкова)

Да, Малков видел смерть влицо. И в первый раз это действительно случилось на фронте...

Итак, история первая

... Повестку из военкомата он получил в самом начале 1943 года. Мечтал сразу попасть на передовую, а угодил в саперное училище. И воевать бы ему в составе инженерных войск, если б во время формирования части не приглянулся молодой сапер командиру разведроты. Веселый курносый лейтенант с белокурым чубчиком подошел к Малкову после построения... Будто старый знакомый, ткнул кулаком в плечо, дружелюбно спросил:

– Ярославский?

– Из-под Костромы, товарищ лейтенант, – отвечал Леонид.

– Все равно – волгарь! Люблю костромских ребят. Закури... Был у меня друг-костромич, на тебя немного похожий и лицом, и ростом. Тихий такой, застенчивый, и все время с книжкой – читать очень любил. А смелости отчаянной! Куда ни пошли – без разговоров, в огонь и в воду... Тебя как звать?.. Леонид? А его Славкой звали, и верно, славный был парень... Жаль, погиб. Пошел ночью в разведку – сам вызвался, за другого пошел – и подорвался на мине.

Лейтенант вздохнул, с силой затоптал недокуренную папиросу, сказал, грустно улыбнувшись:

– Ну, это так, к слову пришлось. А к тебе у меня вопрос и предложение: разведчиком стать хочешь?

Малков растерялся: разве в армии профессию выбирают? Чай, куда пошлют, туда и пойдешь. К тому же разведчики всегда казались ему людьми особенными, недоступными воображению, поэтому ответил невнятно:

– Не знаю... Не погожусь, наверно.

Но лейтенанту такой ответ, должно быть, пришелся по душе. Он опять легонько ткнул Леонида в плечо, весело успокоил:

– Погодишься, у меня на людей глаз верный. А с начальством я договорюсь.

Так нежданно-негаданно попал Леонид Малков в дивизионную разведку. Был он по-крестьянски сметлив, физически силен и вынослив, в любую погоду отлично ориентировался на местности, и потому дело у него сразу пошло. Старые разведчики полюбили новичка за храбрость и удачливость, и самой популярной песней у них стала: «А ну-ка, дай жизни, Калуга, ходи веселей, Кострома!»

Однажды февральской ночью младший сержант Малков во главе небольшой группы отправился в очередной рейд за «языком». Было это в Белоруссии, недалеко от Витебска. Ночь выдалась ветреная и мглистая, сильно пуржило, и Малков, почти вслепую различая известные ему приметы, радовался этой вьюге и темноте. Он был уверен в себе и в ребятах, не сомневался, что удастся незаметно для неприятеля подползти к самым окопам, а

там – «дело техники». Им здорово повезло: взяли унтер-офицера. Немец шел по ходу сообщения один, осторожно посвечивая из-под полы карманным фонариком, видимо, отправился проверять посты. Обратали молниеносно, без шума пустились в обратный путь.

А потом произошло непредвиденное: на нейтральной полосе столкнулись с вражеской разведкой. Взорвалась ночная метельная тишина, испуганно и зло хлестнули из темноты автоматные очереди, три ракеты взвились в небо. В бледном мерцающем свете успел заметить Малков, что гитлеровцев гораздо больше, чем их, скомандовал ребятам:

– В бой не вступать! Не останавливаться! Я прикрою...

Плюхнулся за какую-то кочку, чтобы не настигла шальная пуля, выпустил несколько длинных очередей по возникшим впереди силуэтам. Послышались стоны и немецкие ругательства, пули засвистели над головой. «Это, конечно, хорошо, что я отвлек их на себя. Но меня могут запросто обойти, – тревожно мелькнуло в голове,– как бы самому добычей разведки не стать». От одной этой мысли сделалось жарко. Бросив укрытие, Малков стал медленно отходить. В тот же миг его сильно ударило по ногам и в плечо. Падая, Леонид увидел прямо перед собой долговязого гитлеровца и успел выстрелить в упор...

Первое, что почувствовал младший сержант, очнувшись, была острая боль в правой щеке. «Ранен в лицо, – подумал огорченно и хотел дотронуться до щеки рукой, но тут же остановил себя: – Нет, нет, надо лежать неподвижно, пусть считают, что я убит».

Немая, звенящая тишина вокруг: ни выстрелов, ни голосов, ни шагов, даже ветра не слышно. А может, никого в живых не осталось? Леонид с усилием разлепил веки. Сквозь красноватую пелену увидел низкое, печальное небо, высокий сугроб слева, голый куст терновника с переломленной веткой над самой головой. «Успели наши уйти или нет? Должны были успеть. Я же прикрыл их, хорошо прикрыл...»

Саднящая боль в щеке усилилась.

«Надо все-таки посмотреть, что у меня с лицом, – решился, наконец, Леонид. – До немецких окопов отсюда далеко, наверно, метров шестьдесят будет, да из-за кустиков и не видно ничего... Тихонько рукой дотронусь и все... Совсем незаметно...»

Но что это? Руки не повиновались ему, ни та, ни другая, словно их и не было вовсе. Только у левой шевельнулись пальцы, а сама рука так и осталась лежать неподвижно, будто придавленная бревном.

«Вот так раз, – прошептал разведчик, сраженный новым открытием. – Это уже плохо... Можно сказать, совсем никуда не годится... Крепко, видно, разделал меня проклятый фашист. Решил, наверно, что вовсе на тот свет отправил. Иначе не оставил бы тут... А я вон живой, – Леонид слабо улыбнулся, – только руки ранены да лицо...»

Соображалось плохо. В голове звенело, и мысли текли какие-то вялые, невнятные. Малков довольно смутно представлял свое положение, не знал даже, радоваться теперь, или наоборот... Подумал вдруг:

«А может, я убил того фашиста? Он ведь

прямо на меня лез. Не мог же я не стрелять в него... Но тогда он должен быть где-то здесь...»

Леонид скосил правый глаз и тут же отшатнулся. Впрочем, ему только показалось, что отшатнулся – лишь слабо дернулась голова... Рядом, под тем же кустом, лежал вражеский солдат. Лицо его было повернуто в другую сторону, Малков увидел задранный кверху, обросший светлой щетиной

подбородок и оттопыренное ухо. Каска, очевидно, сбилась при падении и закрыла верхнюю часть лица.

«Убит или тяжело ранен?.. Что если и он очухается? Вот тогда будет...» – Малков затаил дыхание, выждал несколько минут и осторожно взглянул снова. Немец лежал так же...

Стало заметно светлей. У немца резче обозначились очертания грубоватого лица. Теперь стало видно, что голая шея, висок и оттопыренное ухо запорошены снегом. Это было странно и жутковато видеть: лежит в ухе снег и не тает.

«Мертвый», – решил Леонид, чувствуя некоторое облегчение. Теперь он опять вспомнил о своем лице. И удивился: щека почти перестала болеть. Потрогал изнутри языком – саднит немножко, больше ничего. «Значит, это вовсе не рана, просто на острый сучок ткнулся, а когда «соседа» увидел, голова и отодвинулась, – соображал он. – Это хорошо, что лицо не ранено. Это уже легче. Только вот руки... Без рук плохо... И все-таки попробую отползти от покойника. Вдруг придут за ним, а я... Даже пулю себе пустить не смогу...

Надо упереться во что-нибудь ногами. Там, кажется, пенек»...

Острая боль ударила в позвоночник, с ослепляющей силой отдалась в голове. И тотчас все исчезло...

Когда очнулся, было уже совсем светло. Ничего не изменилось вокруг. Стояла такая же мертвая тишина, немец лежал в той же неловкой позе, слабо покачивалась над головой сломанная ветка терновника. Страшно хотелось пить. Пошевелил пальцами левой руки, набирая в пригоршню снега, но сколько ни старался подтянуть ее к лицу, ничего не вышло, рука была как чужая. Оставалось одно: дотянуться до снега губами – он ведь был совсем близко, в каких-то пяти сантиметрах, чистый, прохладный, ешь, сколько хочешь... Собрав силы, Леонид стал медленно поворачивать голову... еще немного... еще... И вновь потерял сознание... Так повторилось несколько раз.

Вконец ослабев от напрасных попыток и невыносимой жажды, он долго лежал неподвижно, проклиная свое бессилие и мечтая теперь лишь о том, чтобы пошел снег. Исчезали последние капли надежды на спасение.

И все-таки Малков не хотел сдаваться. Обидно было вот так, с глупой покорностью, умереть, ничего не успев сделать,

не дождавшись победы. «Главное – не уснуть, – твердил он себе, – надо о чем-нибудь думать, шевелить пальцами... Иначе – конец».

Ночью за ним пришли товарищи...

Откуда-то из небытия всплывает в памяти мрачноватая, призрачная картина: он лежит в медсанбате возле пышущей жаром печки, а санитар, будто воду из ведер, выливает из его сапог оттаявшую кровь...

И еще одно вспоминается. Сидит возле его кровати старичок-хирург, протирая очки, добродушно говорит:

– Ну, солдат, можешь поздравить себя – считай, заново родился. Совсем никудышный был: руки и ноги прострелены, все обморожено, крови потерял столько, что... Словом, почти никакой надежды. И вот, пожалуйста, – как новенький! Отменное, батенька, у вас здоровье, радуйтесь и смело начинайте новую жизнь.

С этим добрым напутствием и вернулся Малков в родной колхоз. На другой день пришел, хромая, в правление, попросил дать любую работу.

– Да тебя еще самого ветром качает, – усомнился председатель. – Глянь-ка в зеркало, кожа да кости.

– Ничего, как-нибудь... В зеркало сам глядись, – отрубил Малков.

Была в разгаре сенокосная страда, и демобилизованному солдату предложили поработать на конной косилке. «Сколько сможет»,– сказал бригадирше председатель.

Эта снисходительность задела Малкова. Работал зло, не замечая времени, отгоняя непрошенную слабость. Но так продолжалось недолго. Уже на четвертый день выдохся: противно дрожали руки, тошнило, пот застилал глаза. И постоянно, мучительно хотелось есть. Только гордость не позволяла признаться в бессилии. «Ничего, как-нибудь, – уговаривал он себя. – Не в таких переделках бывали».

Останавливал лошадей, щипал дикий лук и, почти не замечая едкой горечи, торопливо жевал его, чтобы хоть немного утолить голод.

Над головой раскинулось безоблачное небо, мирно хрупали траву лошади, трещали кузнечики, а радости не было: гнетуще действовала изнурительная жара и не оставляло тоскливое чувство одиночества.

В одну из таких невеселых минут услышал Малков ликующий детский крик:

– Леня-а-а! Ленька-а!..

Через цветущий луг, сбивая старенькой кошелкой головки одуванчиков, птицей летел к нему соседский парнишка. Подбежал, запыхавшийся, босой, в одних трусиках, застрочил, как из пулемета:

– У нас папка приехал, сои привез, мамка лепешек напекла, это вот тебе прислала, целых три штуки, и еще бутылку молока!

Выпалил и кошелку щедро распялил – ешь!

Никогда не плакал Леонид, а тут затуманились глаза и все поплыло вокруг: синеглазый мальчуган, горлышко бутылки с бумажной пробкой, лошади, к которым он поскорей отвернул лицо.

– Чего ты? – удивился мальчик.

– Все... Все в порядке, – быстро ответил Леонид. – Спасибо тебе, брат, и мамке передай большое спасибо, и отцу... Все будет хорошо.

Ничего особенного в тот день не произошло. Но это был один из самых важных и счастливых дней в его жизни.

История вторая

Вспоминать ее тяжело, но такое не забывается, оставляя след не только в памяти, а и в сердце самом. Давно это было, но стоит закрыть глаза, и будто наяву предстает хмурый ноябрьский день...

Почти всю неделю, как сквозь сито, сеял мелкий занудливый дождь. Приехавший «из-за моря» гуртоправ сказал, что часть стогов сена, которые были поставлены на самом берегу, подмыло волной, как бы не унесло совсем. Малков (тогда он был заместителем председателя колхоза) встревожился не на шутку: год выдался нелегкий, кормов запасли в обрез, надо спасать сено во что бы то ни стало. Только кого же послать? Кому захочется плыть в такую непогоду? Председателя, как на грех, не было на месте, в город уехал. Хочешь не хочешь, а принимай, заместитель, срочное решение. И он сказал:

– Поеду сам.

Поглядел в окно на серое, набухшее небо, окинул вопросительным взглядом мужиков, которые собрались по этому случаю в конторе, спросил с запинкой:

– Кто со мной? Есть желающие с ветерком по морю прогуляться?

Некоторое время в комнате царило молчание. Мусолили самокрутки, негромко покашливали, вздыхали.

– Меня возьмешь? – подал голос Николай Куделин. Голос у него был беззаботный, улыбка от уха до уха, будто и в самом деле речь шла о весьма приятной прогулке. – Не забракуешь?

– Может, и забраковал бы, – в тон ему отвечал Леонид, благодарно улыбнувшись шурину,– да боюсь, Лида обидится: не по-родственному, скажет. Мол, сам гулять, а родню побоку?

– Ну, раз так, тогда и я с вами, – заявил другой брат жены, Василий.

– Хорошая компания подбирается, семейная, – продолжал Леонид. – С такой бригадой не то что за море – за океан махнуть одно удовольствие.

– А что? Можно и за океан. Только пива с собой захватить поболе, иначе пропадешь. В тех океанах вода, говорят, жутко соленая, для питья не годится: как глотнешь – глаза на лоб, и соль на пузе выступает, горстями собирать можно.

– Много пива тоже нельзя, с курса собьешься. По бочке на брата – в самый раз.

– Значит, берем три бочки?

– Ага. И мешок воблы... А может, еще кто желает?

Братья продолжали балагурить, и к ним присоединялись новые добровольцы.

– Пожалуй, хватит, – решил Малков. – Запись окончена. Кто опоздал – в следующий раз. Вне всякой очереди!

На тот берег доплыли без приключений. За работу взялись с азартом, ни единой передышки себе не дали, пока не переметали все стога и не поставили их в безопасной зоне. Только тогда сели покурить. Запыленные, потные, уставшие до предела, расположились в сторонке от стогов, кто на чем – на поваленной березе, на старом пеньке, на сложенной вдвое фуфайке. Курили и улыбались друг дружке, крайне

довольные, что так ладно поработали, а главное – вовремя управились с важным делом. Молчали, балагурить не было сил, лишь изредка кто-нибудь бросал два-три нечего не значащих словечка, вроде:

– Большую гору своротили.

– Успели в самый раз. Того и гляди уплыло бы колхозное сенцо...

Разгоряченные работой, вовсе не ощущали холода, к тому же сидели в затишке, на маленькой полянке, укрытой от ветров густыми зарослями ольховника.

Между тем погода все ухудшалась, серые клочья облаков едва не задевали верхушки деревьев, на море появились предвестники шторма – зловещие буруны.

Первым спохватился Василий Денисов.

– Однако, братцы, что-то зябко стало, – поежился он и понюхал воздух, – вроде как зимой запахло. Должно, ветер переменился. Не пора ли нам, пора...

– ...Что мы делали вчера, – подхватил было Николай Куделин и осекся. Поднявшись на ноги, он озабоченно смотрел в сторону моря. – Эй, гляньте-ка, что на море-то делается. Мать честная!

В голосе его прозвучала такая тревога, что все вскочили.

Малков сразу оценил серьезность положения. Спокойно, насколько мог, приказал:

– Быстро к лодке! Только без паники.

Но когда подбежали к берегу и стали суматошно прыгать в лодку, он понял, что при такой буре плыть крайне опасно. Большая завозня плясала на волнах, словно байдарка, рвалась в море, уходила из-под ног, так что Василий едва не свалился за борт. Скрежетала старая цепь, волны с тяжелым шумом обрушивались на размытый глинистый Серег.

«Опасно. И не ехать нельзя, – торопливо соображал Малков. – В деревне, поди, уже переполох, вот-вот выедут спасать на легких лодках. В такую-то бучу...» И он принял решение:

– Стойте! Все назад, на берег! Если перегрузим лодку, ее запросто может захлестнуть. Сделаем так: двое-трое поедут со мной сейчас, остальные будут ждать здесь. Сразу, как поутихнет, пришлем катер. Женам скажем, чтобы не волновались.

Однако оставаться никому не хотелось. Пришлось уговаривать и даже кричать. Некоторые обиделись и считали себя чуть ли не брошенными на произвол судьбы. Он не стал никого успокаивать. Сам отвязал тяжелую мокрую цепь, с трудом оттолкнулся от берега и, больно ударившись ногой, упал в лодку. Надо было спешить, пока не разгулялось по-настоящему.

Только и ветер, кажется, спешил. Все сильнее раскачивал он море – такое мирное, уютное в тихую погоду, совсем не похожее на настоящее море, и такое неукротимое, дикое теперь. Тяжелую завозню мотало из стороны в сторону, водяные брызги носились в воздухе, поминутно осыпая до нитки промокших людей. Малков напрягал зрение, пытаясь разглядеть в тумане очертания ближнего берега, прикидывая в уме, сколько километров прошли.

– Ничего, братцы, как-нибудь доплывем, – успокаивал себя и друзей, – уже меньше половины осталось.

Если бы он знал, если бы мог предвидеть...

Грязно-зеленая волна с огромным пенистым гребнем налетела справа. Лодка сильно накренилась, ледяной поток окатил Малкова.

– Держись крепче! – успел крикнуть он во весь голос.

Но в это время новая лавина воды обрушилась откуда-то сверху. Завозню швырнуло, будто щепку, раздался треск, и Леонид почувствовал, что летит в бездну...

Полузадохшийся, оглушенный, он с трудом преодолел бесконечную толщу воды и, вынырнув на поверхность, увидел, что случилось непоправимое. Лодка перевернулась. Просмоленное днище беспомощно прыгало среди бесновавшихся волн. Возле с посиневшими лицами плавали его друзья. Малков кричал им, чтобы они хватались за борта, до берега не доплывешь, надо ждать помощи.

– За нами придут. Не может быть, чтобы никто не догадался, – подбадривал он себя и товарищей, с трудом уцепившись окоченевшей рукой за расщелину борта. – Главное – не ослабеть... И не удариться головой о лодку... Надо все время следить за волной...

Более двух часов, показавшихся целой вечностью, боролся он со стихией. Ледяная вода сковывала ноги и руки,

адский холод проник в кости, в кровь, в мозг. Временами казалось, что нет уже мочи сопротивляться, и Малков со страхом следил за стремительно набегающим водяным валом. Но побелевшие пальцы еще, крепче, мертвой хваткой впивались в бортовую обшивку, а сам он на мгновение погружался в воду, спасаясь от беспощадного удара волны.

Все, что было после, представляется ему очень смутно, словно это было давным-давно и не с ним вовсе, а с кем-то другим.

Когда подоспела помощь, на воде держались только двое: Николай Куделин и он. Их с трудом оторвали от перевернутой лодки и после долго откачивали на берегу... Помнил Малков, как привели его, закутанного в чей-то тулуп, домой и как испуганно отшатнулась жена, до такой степени он изменился. Ему помогли забраться на печь, и Леонид Михайлович лежал там прямо на тулупе, не чувствуя жара кирпичей. Все тело бил жестокий озноб, зубы колотились о кружку с горячим чаем, и он не мог сделать ни одного глотка.

Пережитое потрясение повергло Малкова в болезненный сон, который длился более пяти суток. И странно было, проснувшись, услышать почти те же слова, как тогда в госпитале:

– Поздравьте себя со вторым рождением! «Теперь уже с третьим», – горько подумал

Леонид Михайлович.

– Встанете вы еще не скоро, – продолжал врач. – Однако самое страшное позади...

Он ободряюще говорил что-то о богатырском здоровье и великой воле к жизни, а перед глазами Малкова опять бушевало море, прыгало черное днище перевернутой лодки, мелькали испуганные лица друзей.

– Что такое? Вы плачете? Дорогой мой, надо взять себя в руки...

«Да, да, надо взять себя в руки, – мысленно соглашался с врачом Леонид Михайлович. – Надо жить». И вместе с неодолимой горечью сильнее и сильнее овладевало им сознание ответственности за всех и за все.

ПОТРЕТ НА ПАМЯТЬ

Олег Михайлович Куваев (1934-1975) родился в семье железнодорожника и сельской учительницы (поселок Поназырево Костромской области). Работал геологом в поисковых партиях. Автор романа «Территория», сборника «Каждый день как последний» (повести, рассказы) п других изданий.

Олег Куваев

ИЗ ДЕТСТВА САШКИ ИВАКИНА

В один из дней поздней весны или раннего лета по обрыву к реке сбежали мальчишки. Они разделись и лежали на песке голышом, белотелые после долгой зимы, с заросшими «зимним» волосом головами. Мальчишек было трое: губастый здоровяк Мишка по кличке Абдул, худенький, щуплый Сашка Ивакин и тихий ленинградец Валька, которого за деликатную тихость характера звали Валькой Сонным.

Мальчишки лежали на песке я смотрели в светлое весеннее небо.

– Хорошо плот построить,–сказал Сашка, – и плыть, плыть по реке. До самого моря.

– А есть чего будешь? – практично сиросил Абдул.

– Из дома вначале взять. А на море можно стать моряком.

– У нас в Ленинграде моряков много было,– сказал мечтательно Валька.– Идешь по улице, и все моряки... моряки. В бескозырках. С ленточками. И корабли. Настоящие.

– Ты, Абдул, хочешь в моряки?

– Нет,–ответил Абдул.–Я в ремеслуху пойду. Как брат.

– А ты, Саш?

– Я в путешественники подамся. Я книжку достал. Про Южную Африку. Ух ты! Знаешь, Сонный, там эти...

– Какой из тебя путешественник,–сказал Абдул.–Там по скалам лазить надо, по отвесным горам. И вообще...

– Научусь.

– Нет. Ты слабак.

– Хочешь, в школу залезу?

– Зачем?

– Ну, «поджиги», что дireша отнял, заберу обратно.

– Заперта школа.

– Так залезу.

– Слабо тебе, Сашка,– пренебрежительно усмехнулся Абдул, цыкнул на песок сквозь дырку в зубах.

...Двухэтажная деревянная школа в селе была выстроена в земские либеральные времена. С одной стороны она

выходила на тихую сельскую улицу, с другой – к ней примыкал одичавший разросшийся парк.

Тетка Авдотья, школьная сторожиха, стояла посреди улицы и кричала невесть куда исчезнувшего внука Петьку.

– Демон, чистый демон, – ругалась тетка Авдотья.

В кустарнике позади школы прятались Валька Сонный и Абдул. Он крепко держал Петьку-демона.

– Сиди тут. Пусть бабка Авдотья тебя дольше на улице ищет, – объяснял Абдул. Петька молча и яростно вырывался.

Сашка но водосточной трубе лез на второй этаж. Труба была ржавая. Она скрипела и колебалась. Куски ржавчины, известки и выкрошенного кирпича падали на траву.

– Слазь! Слазь обратно,–отчаянным шепотом умолял его Валька.

Перед карнизом Сашка передохнул. Теперь было главное: по узкому в ладонь карнизу пройти в окну.

– Упрямый же! – облегченно и с завистью вздохнул Абдул, когда Сашка исчез в раскрытом окне. В это время Петька вырвался из Абдуловых рук и с оглушительным ревом кинулся на бабкин голос.

Сашка ощупью крался по темным, и от темноты гулким и длинным, коридорам школы. А на улице бабка Авдотья выслушала Петьку-демона, отвесила ему подзатыльник и заполошно кинулась к школе, нашаривая в юбке ключи.

– Это не ученики, это хыщники, – сформулировала бабка, отпирая школьную дверь.

И она же на другой день вела Сашку по коридорам школы к директору. Сашка шел с опущенной головой. День был солнечный, коридоры теперь были ярко освещены и совсем не страшны. Бабка Авдотья небольно стукала Сашку в затылок сухоньким кулачком и ругала, потом подвела его к двери с стеклянной табличкой «директор», ткнула последний раз кулачком «идол ты недисциплинированный» и, оглянувшись, перекрестила понурую Сашкину спину.

Директор сидел один. Был он однорук и одет в потертый военный китель, и худое лицо его еще не обрело педагогического выражения. Директор смотрел в окно, откуда надал солнечный свет и кружились в этом свете пылинки.

На директорском столе грудой лежали самодельные пацанячьи пистолеты, «поджиги».

Сашка переминался у двери, а директор смотрел в окно.

– В окно вчера ты залезал? – не оборачиваясь, спросил директор.

– Я.

– Где порох берете?

– Из спичек.

– Стреляет?

– Ага!

Директор повернулся к Сашке.

– Ведь искалечить же может.

– Мы для игры.

– Дурачье! Боже, какие вы... дети! – И задумался, облокотившись на руку, недавний «человек из окопа».

Сашка молча переминался.

– Возьми это и выбрось все сам. Так, чтобы никто не нашел. Ты понял?

– Понял.

Сашка стал рассовывать по карманам самодельное оружие. И директор обрубком руки придвинул к нему остальное.

– Я твои сочинения читал. Не по теме ты пишешь, Ивакин. Орлы у тебя летают. Моря. Ты орлов видел когда-нибудь?

– Нет,– признался Сашка.

...Вечером Валька и Сашка сидели в старом сарае на куче сена. Сквозь прохудившуюся крышу падал закатный свет.

– ...Он сказал, если хулиганить не буду, море увижу, орлов, и горы, и все.

– У нас дома шкатулка такая есть из кожи и круглая. Там бумаги про одного путешественника. Их отец велел вывезти.

– Может, там тайна какая? Или секрет. Может, хребты какие неизвестные или племена. Ты читал?

– Отец книжку собирался писать до войны. Там про птицу.

– Принеси.

– Мать запрещает. Она, знаешь, как бережет.

– Подожди,– Саша прошел в угол сарая. Отгреб сено и долго возился там, гремя железом, досками.– Иди сюда, – приглушенно позвал он.

В углу сарая была выкопана яма, горела свечка, и стоял на дне деревенский плотницкий сундучок.

– Смотри, – Саша Ивакин повозился с замком и открыл его. Крышка сундучка была оклеена переводными картинками, а на дне лежала потрепанная книга: Д. Ливингстон «Путешествия по Южной Африке». Буйвол, обнаженный негр и крокодил были изображены на обложке.

– Мать на учебники деньги дала. А я увидел и... Сказал, что потерял деньги.

– Били?

– Не очень. Только книжку прятать пришлось.

– Ладно. Принесу, – пообещал Валька.– Я сейчас. Пусто, холодно было в сарае, но озябший Сашка смотрел

на обложку с буйволом, негром и крокодилом и улыбался неизвестно чему.

...Скрипнула дверь. Валька нес в руках старинную кожаную шкатулку с медным замочком.

– Шкатулку надо на место, чтобы мать не заметила,– прошептал он.

Они сели, и Валька открыл шкатулку. В ней были свернутые трубочкой тонкие тетради в клеенчатых переплетах.

– Подожди, – сказал Сашка,–Не видно же ничего.

Он снова повозился в своем углу и извлек из тайника еще свечку. Зажег ее.

– Давай.

...Шевеля губами, Сашка читал вслух...

«...С детства мое внимание было приковано к легенде об удивительной птице – розовой чайке арктических стран. Люди, видевшие ее, навсегда заболевали двумя болезнями: противоестественной тягой к полярной стуже и отвращением к суете обыденной жизни. Нечто подобное случилось со мной. Я решил стать путешественником и найти розовую чайку».

КОЛЬКА СИЛИМА

На залитом солнцем желтом песке, под ослепительно ярким июльским солнцем, на берегу реки лежал, уткнувшись в учебники, почти взрослый Сашка Ивакин. В стороне ковырял пальцем ноги песок облупленный солнцем беловолосый деревенский пацан.

– Горизонт – воображаемая линия, которая...–бубнил Сашка.– Тебя как зовут? – спросил он, не отрываясь от книги.

– Колька,– сиплым шепотом ответил пацан.

– А прозвище?

– Силима,– и пацан потрогал рукой действительно соломенной белизны волосы.

– А чего ты здесь?

– Я к Момке пришел,– застенчиво ответил пацан.

– Это кто такой?

– В этом омуте Момко живет.

– Какой Момко?

– Живет, – убежденно ответил пацан. И уставился в воду круглыми немигающими глазами.

– А ты чего здесь? – спросил, не отрываясь от воды.

– К экзаменам готовлюсь. Вот посмотри картинки, – Саша вытащил из-под груды учебников книжку Д. Ливингстона «Путешествия по Южной Африке».

...Они лежали на берегу, занятые каждый своим делом. Колька Силима сосредоточенно листал книжку, разглядывая заставки и рисунки со сценами африканской жизни.

– Момко! – заорал вдруг Колька Силима, тыча пальцем в рисунок гиппопотама, высунувшего пучеглазую морду из экваториальных вод.

Евгений Степаненко

«Я СЧАСТЛИВО РОС В КОСТРОМЕ...»

«Человеком года» назван наш выдающийся земляк Виктор Розов. Этого высокого звания патриарх отечественной драматургии удостоился от Российского биографического института за подвижническую деятельность по развитию русской культуры.

Первое знакомство с нашим городом случилось в 1923-м, когда мальчику было десять лет. Позже, «путешествуя в разные стороны» своей жизненной и творческой судьбы, Виктор Сергеевич отметит: «Я счастливо рос в компании своих костромских друзей. У нас была Волга, а значит – лодки, купанье, рыбалка, походы; кроме того, игры в волейбол и

футбол и бесконечные задушевные беседы в уютном домике Воскресенских на улице Кооперации, номер четыре».

А потом был костромской театр юного зрителя, на сцене которого молодой артист Виктор Розов играл Скотинина, Скапена, многих других персонажей. Здесь писались первые драматические опусы. И первая рецензия на них появилась здесь же. Рецензия, по словам самого автора, «ужасная». Потом их будет предостаточно, рецензий-отзывов-исследований: и ужасных, и сдержанных, и восторженных...

Но то была первая в жизни. В «Северной правде» от 28 марта 1943 года. В ней, в частности, говорилось: «Творческий коллектив части артистов, проживающих в нашем городе, организовался в эстрадную группу. Недавно силами группы был устроен концерт. Вечер не совсем удачно начался показом скетча тов.Розова «Сцена в госбанке». Пользуясь неблагодарным материалом, артисты не могли не только заинтересовать зрителей, но и найти верный тон для передачи «случая». Артистка Агеева, игравшая колхозницу, вообще чувствовала себя в неудобном положении, ибо автор оставил для нее односложные замечания. Скетч вышел очень бледный и неинтересный, изобилующий такими «остроумными» замечаниями, как, например: «молоко у коровы в груди скисает» и др.»

Пройдет восемь лет, и костромичи встретятся уже с драматургом Розовым, с героями пьесы «Ее друзья», поставленной театром Островского. И вновь местные критики подскажут земляку, каким путем следует идти в драматургию. Похвальным словом отзовутся о том, что в пьесе привлекает благородная мысль о товарищеской взаимовыручке советских людей, проходящая через все произведение. Симпатии вызовут и «тепло написанные образы молодежи», а также «мягкий юмор, с которым автор показывает некоторых из своих героев». Все остальное, по мнению критики, что называется, из рук вон. «Вместе с тем, – читаем в рецензии, – необходимо предъявить автору серьезный упрек в том, что в основу своей пьесы положил случай исключительно нетипичный... Стремясь сделать свое произведение занимательным... совершил вторую ошибку. Сделав свою героиню слепой, автор начал всеми имеюищимися в его распоряжении средствами вызывать у

зрителя чувство жалости к Люсе Шаровой, страдания... Эти недостатки пьесы в значительной степени снижают ее художественную ценность и идейную значимость».

Тем не менее спектакль «Ее друзья» пришелся юным костромичам по душе, и он несколько лет не сходил с афиши. Еще больший успех выпал на долю героев пьесы «В добрый час». «Давно в зале не было такой живой и единодушной реакции на реплики и поступки сценических героев, таких бурных, идущих от самого сердца, аплодисментов, – писала местная газета в апреле 1956 года. – Было особенно приятно еще и оттого, что автором пьесы является наш земляк – Виктор Розов, который здесь, в костромском театре, впервые много лет назад проникся глубокой любовью к театральному искусству».

Задаваясь вопросом, в чем сила пьесы Виктора Розова, чем она покорила зрителей, рецензент ответил кратко, но знаменательно: прежде всего своей правдой, ярким образным языком.

Костромские зрители всегда пристрастно и заинтересованно следили за появлением новых пьес земляка. И когда после постановки «Вечно живых» в мае 1956 года в появлении имени Розова на афише наметилась пауза, зритель замер в нетерпеливом ожидании. Только через три года вздохнул облегченно, о чем «Северная правда» от 21 апреля 1959 года оповещала общественность. «Наконец-то театр имени Островского обратился к популярной пьесе Виктора Розова «В поисках радости». Мы говорим так потому, что последние год-два эта пьеса обошла почти все самодеятельные коллективы Костромы, и только теперь, после долгой и, право, ничем не оправданной нерешительности за сценическое воплощение одной из лучших советских пьес взялся облдрамтеатр.

А что розовская пьеса «В поисках радости» пользуется большой популярностью –бесспорно. Об этом свидетельствует успех спектакля в нашем театре, об этом же говорит и статистика цифр, приведенных в одном из последних номеров журнала «Театр» в сезоне 1957-58 годов. Как по количеству театров (98), поставивших эту пьесу, так и сыгранных спектаклей (4662)... «В поисках радости» стоит на первом месте».

После того театр поставил «Неравный бой», «В день свадьбы», «Перед ужином», «Затейника». Последняя премьера состоялась в январе 1966 года. С тех пор прошло более 30 лет, но театр ни разу не обращался к Розову. Мимо него и зрителя прошли «Традиционный сбор», «Четыре капли», «Брат Алеша», «Кабанчик», «Гнездо глухаря»... Пьесы, в которых идет серьезная, невыдуманная борьба, от которой зависит течение нашей жизни, ее исход.

Впрочем, и обращение самого театра к пьесам Розова всегда свидетельствовало о творческих устремлениях коллектива, понимании им собственной значимости в духовной и культурной жизни города и области. О чем справедливо писал критик Игорь Дедков в феврале 1963 года после премьеры спектакля «Перед ужином». «Когда театр перестает видеть в зрителе прежде всего гражданина, – говорилось в той рецензии, – а видит только человека, пришедшего развлечься, то он сам перестает быть гражданским театром, отказывается от попытки быть властителем дум... В последних работах нашего театра чувствуется явное стремление быть настоящим современником, откликаться на волнения и конфликты не просто дня, а эпохи... Виктор Розов говорит с нами «о новых временах», а новые времена для всех честных людей сегодня значат одно: борьбу за чистоту наших чувств, за честность перед собой и людьми...»

В августе 1998 года именитому драматургу, патриарху театра, почетному гражданину города Костромы Виктору Сергеевичу Розову исполнилось 85. По этому случаю в первопрестольной состоялись соответствующие торжества. Добрым, тихим словом вспомнили о земляке и костромичи, живя светлой надеждой, что в скором времени непременно встретятся с ним в городе, где он так счастливо рос в компании своих костромских друзей и постигал «смысл вещей».

КОНКУРС «РУССКИЙ ДОМ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наш проект с конкурсом творческих работ активизировал интерес молодежи к родному краю, к трудовому, гражданскому, нравственному, патриотическому опыту людей предыдущих поколений. Поступило на первый этап более двухсот работ, пятая часть из них отмечены дипломами, напечатаны в сборнике «Родительский дом». Анализируя сочинения школьников и студентов, легко было убедиться в том, что дети, желающие рассказать о времени и о себе, чувствуют свою причастность ко всему происходящему в родном краю. Они, заботливо ориентированные педагогами и родителями, многое видят, чувствуют и понимают. Потому не остались без внимания и другие сочинения, наиболее интересные, подходящие по содержанию мы печатаем в этом издании.

Интерес к судьбам близких и родных, к своей родословной закрепляет душевно и памятно на той земле, где возрастает человек. Осмысление прошлого и настоящего родного края дает основу для осознания себя среди людей, в принадлежности к народу в качестве гражданина России. В этом и заключена главная долговременная программа воспитания. Подкрепляется она знанием народной национальной культуры, гуманитарным и трудовым воспитанием, традициями и эстетикой быта, искусством и литературой.

Сегодня на государственном уровне в основе культурного национального достояния прописано значение русского языка. Творческие литературные начинания участников конкурса поддерживают интерес к чтению. А литература, как известно, признана главным университетом. По конкурсным работам легко определить кто из новых авторов наиболее начитан, насколько развито у каждого чувство слова и по каким эстетическим, нравственным ориентирам воспринимается природа, родной край, родной дом, школа.

Из лучших работ складывается искренняя мозаика провинциальной жизни. Почтение к родительскому дому, общение в семье и в школе, желание понять близких людей, привлекательность жизни знаменитых земляков, вошедших в историю родного края –вписываются в беспрерывное воспитание и формирование личностей.

Второй период областного конкурса «Родительский дом. Замечательные земляки» предполагается акцентированным на внимание к судьбам патриотов родного края. Ветераны войны и труда, современные рабочие, земледельцы, предприниматели, педагоги, творческие работники, которых можно назвать героями нашего времени, помогут участникам конкурса в размышлениях о жизни, в выборе профессиональных ориентиров.. Жизненные идеалы складываются в повседневном общении, под естественным влиянием семьи, школы, на внимании к добрым примерам известных, знаменитых, замечательных земляков, на основе общественного почтения к достойным людям.

Нам представляется важным молодежный осмысленный взгляд на знаменитых земляков, близких и родных людей, на обустройство родного дома, сада и огорода, на тропинку от

крыльца в поле и лес или в другое селенье – по ближней притягательной окрестности. Дом – не только здание, квартира, комната окнами в сад, это и семья, живущие вместе люди. Дом и школа – первое и главное жизненное пространство, откуда начинается объемлющее чувство Отечества, неизбывная любовь к Родине, дающая силы и мужество в любых испытаниях.

Государство востребовало возрождение феноменальной роли семьи, пересмотр социологических и психолого-педагогических ориентиров. в процессе обучения и воспитания. Потому мы при попечительстве Департамента образования и науки пригласили школьников, студентов, молодых педагогов и родителей к участию в первом этапе ежегодного литературного конкурса.

Не останутся без заинтересованного прочтения полученные со всей области новые литературные свидетельства познавательного внимания к тому миру, который влияет на чувства и представляет культурную среду, в идеале необходимую для духовно-нравственного возрастания личности. Пусть ощущение семьи, родного дома, родной школы, родного края укрепляется сосредоточенным, чувственным восприятием и отражается в творчестве, открывает красоту родного слова, пробуждает активный интерес к литературе.

Этим поэтапным проектом мы формируем документальный фонд свидетельств современной жизни, предполагая возвращение давней традиции семейного чтения. Компьютеризированный мир не отрицает роль такого воспитывающего, развивающего домашнего общения и обмена мнениями о прочитанном с педагогами и родителями.

Областной творческий конкурс проводит региональное отделение Союза писателей России под попечительством департамента культуры, департамента образования и науки.

Сочинения, рассказы, очерки, зарисовки о родителях, братьях и сестрах, учителях, соседях, знаменитых и замечательных земляках, героях нашего времени, о лучшем доме в родном краю, о памятных домашних, школьных и районных событиях представлять с пометкой «На конкурс» по адресу:

Адрес:156005, Кострома. пл. Конституции, 1, Союз писателей России.

(Номера телефонов указаны в наших изданиях)

Размер конкурсных сочинений: от 2 до 5 машинописных страниц формата А4. Шрифт 14. Интервал между строк – полуторный. (Рукопись на бумаге и дискете) Можно приложить фото или графические иллюстрации.

Авторы сочинений сообщают имя. отчество и фамилию, дату рождения, подробный адрес, название школы, лицея или вуза., ФИО преподавателя литературы. Эти данные нужны при подготовке публикаций.

Автор и главный редактор проекта - М.Ф. Базанков

Примечание: Информация по первому этапу проходила в областных и муниципальных СМИ, передавалась по радио, часть работ опубликована на четырех полосах «Северной правды». По итогам первого этапа определены победители конкурса в нескольких номинациях, представлены в сборнике «Родительский дом». – 41 автор. Департамент образования и науки вручает дипломы, экземпляры конкурсного издания.

ЗЕМЛЯКИ

«Истинный человек и сын Отечества одно и то же»

А. Радищев

Родной землей принято называть место, где человек родился. А родившихся на этой земле называют земляками.

Россия – огромная страна. На ее территории проживает более 160 народов. Маленький город Буй – не исключение. Здесь живут не только русские. Но считаем ли мы их своими земляками?

Тема исследования, которую мы выбрали, очень актуальна в последнее время. Мы решили посвятить его людям, которые принадлежат разным национальностям, но живут в

России, в нашем городе. Национальный вопрос в разные эпохи вызывал горячий интерес. Его поднимали в Государственных Думах начала XX века, не обходится он без внимания и сейчас. Часто появляются сообщения о группировках скинхедов, этнических конфликтах, случаях национальной нетерпимости.

В 2009 году Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр» провел небольшой социологический опрос. 40% опрошенных считают, что у людей другой национальности «слишком много власти», 50% одобряют лозунг «Россия для русских», 78% людей, принявших участие в опросе, считают, что «инородцы своим повелением вызывают естественную неприязнь».

Первое выездное заседание Совета по национальностям, религии и казачества при администрации Костромской области состоялось в городе Буе.

Там говорилось, что за последние 5 лет по различным причинам (экономические, политические, семейные обстоятельства) в Буй приехали представители различных национальностей.

Особенностью миграционных процессов 2005-2008 г.г. является большой приток рабочей силы из стран азиатского региона.

Цель нашей работы была такова: узнать, как взаимосвязаны между собой качества людей, их человечность и национальность.

В процессе исследования мы общались с его людьми, работали в краеведческом музее, библиотеке. Для начала выяснили, что многие люди, которые придерживаются резких взглядов на представителей других национальностей, путают понятия нация и национальность. Нация (от лат. Natio – племя, народ) – это социально-экономическая, культурная, духовная, политическая общность людей, сложившаяся в результате взаимодействия разных национальностей. А национальность основана на общности генетических характеристик (психология, внешний облик). Любая нация состоит из разных национальностей. Например, Дагестан – часть России, но там живет более 102 национальностей (не случайно Дагестан в древности называли «Гора языков»: чеченцы, ингуши, агулы, аварцы, кумыки).

Почему же для многих людей этот вопрос болезненный? Потому что люди все разные. Часто на непохожие, непонятные обычая мы смотрим со своей позиции, осуждая их, критикуя.

Известный русский философ И.А. Ильин (1883-1954) сказал, что «национальное чувство – это любовь к историческому облику своего народа, созерцание его талантов, недостатков». Мы думаем, что за многовековую историю в России взаимодействовали многие народы, каждый из них привнес что-то свое. И решили показать это на примере своего города. Согласно двум письменным источникам «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и всероссийской переписи населения 2002 года, мы получили такие данные:

В настоящее время на территории городского округа г. Буй проживают: 96.5 русские, представители: Украины – 1 %, Азербайджана – 0,5%, Белоруссии – 0,3%, Татарстана –0.2%. Молдовы – 6,1%, прочие – 1%. (По последним данным выездного заседания Совета по национальностям).

А как попали эти люди в г. Буй?

У каждого из них – своя история. О них мы узнали, листая старые газеты и журналы, разговаривая с жителями города.

Например, Н.А. Армфельд была выслана из Петербурга в 1876 году за распространение запрещенной литературы. В Буе она жила под надзором полиции, но и здесь революционную работу не прекращала. За это ее вторично выслали в Кару, приговорив к 14 годам каторжных работ, где она и умерла от чахотки в 1887 году.

Ранее, в 1806 году, в Буй были сосланы участники польского восстания Д. Шелепчинский, Л. Кау, Шрейдер, Ю Гретович. В воспоминаниях помещицы Буйского уезда Авдотьи Степановны Н., проживающей в 19 веке в усадьбе Гульпине на р. Корега, которые называются «О нашем житье-бытье», есть упоминание о ее знакомой, которая «будучи полькой, была отлично образована, прекрасно пела и страстно любила музыку. Вышла она замуж за русского офицера и в замужестве была счастлива. Три ее сына

были отданы в кадетский корпус. К несчастью, она лишилась старшего сына в тот год, когда этот молодой человек, отрада и гордость матери, был назначен в офицеры. Вскоре умер и второй сын, и у матери остался в живых только меньшой, который был хуже своих братьев. Потом умер на службе и муж, заслуженный полковник, человек весьма почтенный.

Со смертию старших сыновей и мужа бедная женщина осталась в самом несчастном положении. Говорят, будто ей следовала пенсия, но видно некому было похлопотать. Несчастная вдова вместо пенсии получила только небольшое единовременное пособие.

С мужем она жила в Москве. Что имела, все истратила на его болезнь и похороны и должна была со старушкой матерью ехать в деревеньку мужа, в так называемые «села», в такую глушь, что хуже Кореги». *К сожалению, автор записок не называет ее фамилию.*

Сооружение железной дороги, начиная с 1903 года, требовало рабочих рук. На ее строительство прибыли партии татар, китайцев. Работали по колено в воде, линию прокладывали через лес, болото. Жили в землянках. На лошадях, тачках переносили тяжести, использовали ручной труд. Китайцы жили в бараках, напротив вокзала. Среди рабочих упоминается монгол Осмаля, выше всех ростом, огромной силы. Он поднимал рельсу в 22 пуда весом. Вот как описывается строительство в рукописи П.М. Друлиса. «При прокладке пути подбойку делали снегом, потом засыпали землей, потом шел поезд балластный хвост вперед. Насыпь прогибалась, разлезалась в стороны. Разгруженный поезд выползал из образовавшегося ухаба, и вновь начиналась подбойка и подсыпка. Делались кюверы, и после упорной тяжелой работы полотно принимало надлежащий вид. Мороженую землю комьями брали в карьере, вывозили поездом и разбрасывали по обе стороны полотна. Там, где останавливался паровоз, укладывали шпалы и рельсы, а под них, руками, мороженые глыбы. Когда стало теплее, то вспухнувший путь под тяжестью поезда оседал, и состав оказывался как бы в корыте».

150 человек приходилась больница на 50 коек, питались плохо. В качестве начальника депо в г. Буй был приглашен немец Циммерман. Машинист Хохлов описывает его властолюбивым, жестким. А по воспоминаниям В. Разживина Циммерман был очень требовательным. Два его дяди были поставлены машинистами только после того, как проучились 3 года и отработали по несколько лет.

В Буе встречается много названий неславянского происхождения, а финоугорского: р. Тебза, что означает тихая, спокойная; р. Векса – проток. С финнами напрямую связаны и еще 2 названия в г. Буе: Салама и Коммуна «Ауэр» (сейчас называют просто Коммунаура). Существует мнение, что финнов привез в Буй матрос П.Н. Свистулев, именем которого названа одна из улиц города. Он служил на крейсере «Двина» (Гельсингфорс – Хельсинки) и вывез часть финнов, состоящих в партии большевиков, в 1918-1920 гг. в г. Буй. Они восстановили бывший лесопильный завод, назвав его «Салама» – молния. А коммуна, возникшая в лесу, просуществовала да 1929 года, позже там появился детский дом. «Ауэр» означал «плуг».

Мы выяснили, что в одной из школ города работает учительница Галина Павловна Макарова, чья девичья фамилия была Сукк. Она потомок тех самых финнов.

Листая газеты 1936-1937 гг. «Буйский ударник», мы узнали о враче Фарбмане Зелике Аороновиче. В 1922 году ему исполнилось 26 лет. Он был молодой, талантливый врач, хирург, учился в МГУ, сестра Фаина – зубной врач. Его статья «Роды без боли» (Буйский ударник, №6, 1936) рассказывает о том, что хотя Бог и осудил женщина за грехи Евы на родовые муки, медицина может и должна их облегчить, он пытался осуществить это на практике. В 1937 году, когда начались репрессии, и его друга, инженера Коха, арестовали, он уехал из города в Московскую область.

Из этих же газет мы выяснили, что национальный вопрос, так или иначе, появляется на страницах газет 1937 года. Например, часто проходили детские праздники, смотры, посвященные разным народам. Встретилось упоминание, сто на одном из них ученица нашей школы №13 семилетняя Алла Плеер, выступая в костюме горцев, с большим мастерством

исполнила танец (№5, 1937). В одном из номеров осуждались еврейские погромы в Польше (г. Бржесть) (№108, 1937). В Москве проходили дни культуры, посвященные разным народам. В №6 за 1937 г. – рассказ о декаде Грузии, а в №121 – о декаде узбекского искусства.

Сейчас в нашей школе учатся дети разных национальностей (у кого-то турецкие корни, аварские, есть азербайджанцы, например, в начальной школе таких детей 8 человек).

Начальник паспортно-визовой службы ОВД г. Буя и Буйского района майор внутренней службы Людмила Львовна Бородина, кроме осуществления общего приема жителей города и района по различным вопросам, осуществляла в 2006 году работу с иностранными гражданами. В своем интервью (Буйская правда, №5, 2006) она сказала: «Поток иностранцев в наш город довольно значителен. Если говорить о прибывающих их дальнего зарубежья, то с недавнего времени ежегодно в Буй с благотворительными целями приезжают граждане США. Специалисты из Финляндии прибывают на территорию Буйского района для обслуживания импортной лесообрабатывающей техники. Кроме того, в гости к родным и близким приезжают родственники из Германии, Швеции, Израиля. Постоянно имеет высокие показатели и миграция граждан из республик бывшего СССР (теперь они иностранные граждане».

У шестиклассника Руслана родители приехали в 1989 году по распределению. Одиннадцатиклассница Камиля говорит, что у нее на Родине, в Дагестане, нет работы, родители азербайджанца Канана уехали из-за сложной политической обстановки в 1995 году. О некоторых интересных обычаях своего народа они нам рассказали. Например, о том, что в исламские праздники на всех улицах жгут небольшие костры, ходят в гости друг к другу, раздают сладости.

Необычны погребальные обряды. Умерших нельзя хоронить в одежде, поэтому их хоронят в саване, ватой затыкают все отверстия умершего. В могилу тело опускается ногами вниз. Когда опускают женщину, над ней держат покрывало, чтобы мужчины не смотрели на ее саван. Во время похорон, когда хоронят мужчину, то ничего не кладут, а если женщину, то бросают горсть земли. Похороны происходят в

этот же день до захода солнца. Над могилой настилают ковер. При этом нельзя сильно плакать, а женщинам быть на кладбище. Все могилы обращены фасадами в сторону Мекки. Когда заходит старший в помещение, следует встать.

Во время свадьбы в доме жениха перед входом в дом пальцы обмакивают в мед. После свадьбы гости бьют тарелки. Свадьба состоит из трех частей: помолвки, свадьбы невесты и свадьбы жениха. Подарок жениха – драгоценности.

У многих людей, приехавших в Буй, нелегкая судьба. В газете «Буйская правда» есть рубрика «Буевляне», где рассказывается о таких людях.

Эльшад Адыгезалов (Буйская правда, №5, 2005) родом из Азербайджана, учился в музыкальном училище в Баку, виртуозно играет на музыкальном инструменте тар, имя его означает «радость, родившийся для веселья». Отец – кладовщик, в семье всего четверо детей. После распада СССР жизнь изменилась. В Буе у него небольшое кафе. Он работает в нем по 16 часов в сутки, 11 лет без отпуска, чтобы содержать семью (2 дочери и сын). Перепробовал много профессий: грузчик, продавец.

А Михаил Яковлевич Зара – молдаванин (Буйская правда, №13, 2008). 23 года назад он приехал сюда и остался. Занимается асфальтированием дорог. У него 2 детей. Работающие с ним люди отзываются о мастере уважительно. Говорят как о трудолюбивом и ответственном человеке.

Можно было бы рассказать еще об очень многих. Например, о Дериволковой Нине Михайловне. Ее муж болгарин, у нее казахские корни. Живя в России, воспитывают приемных казахских детей, которых они привезли с собой. Сами построили дом, ухаживают за парализованной матерью, но при этом на жизнь не жалуются, по доброму относятся к людям.

Мы задумались о том, чем живут люди другой национальности в городе Буе. Нет ничего лучше живого слова и взгляда собеседника. И мы отправились взять интервью у некоторых своих земляков. В городе есть небольшая мастерская по ремонту обуви. Ее гостеприимный хозяин встретил нас с улыбкой. Вот какой разговор состоялся. Саакян Мелик Минасович приехал к нам из Грузии,

но по национальности он армянин. Это произошло 1991 году, после распада Союза. Из родного гнезда с женой и детьми их безжалостно выгнала война. Непросто складывалась новая жизнь: бесконечные переезды с места на место, незнакомые люди. Во многом помогали друзья, они же их пригласили сюда. Но мастер он и есть мастер. На новом месте умелого сапожника заметили сразу. У себя на родине он сам шил обувь отличного качества. С грустью говорит, что здесь это не выгодно, поэтому пришлось заниматься только ремонтом. Но его мастерская всегда полна заказчиков.

Их дети Артур и Марьям учились в нашей школе, о них вспоминают только хорошее. Оба защищали честь школы в городских соревнованиях по баскетболу. Это очень уважительные, ответственные люди, хорошие друзья. Каждый талантлив по-своему. Марьям будущий ювелир. Артур – военный. В Мелике Минасовиче чувствуется хозяйская жилка. В своей мастерской он сам провел электричество, водопровод. Конечно, периодически решает насущные проблемы: высокая арендная плата, маленькое помещение, в самом безлюдном месте, большой объем работы.

Семья живет в частном доме, который требует постоянной заботы. Но при этом он не жалуется на жизнь, просто старается делать свою работу хорошо, по званию лучшего обувного мастера.

Завершая наш разговор, Мелик Минасович сказал, что не должно быть противостояния между двумя культовыми государствами: Грузией и Россией. Ведь у нас так много общего: победа в Великой Отечественной войне , христианская вера, памятники Пушкину.

А вот портрет второго нашего земляка. Он известен в городе и в Костромской области тоже. Наш разговор состоялся, когда рабочий день подходил к концу. Чувствовалось, что собеседник устал, но на вопросы ответить согласился. Ибрагим Абдулагатович Арсланов весь в заботах о большом хозяйстве. Должность ответственная. В город приехал более 10 лет назад. 20 лет работы в отрасли, а начинал простым зоотехником.

Восточные люди о себе рассказывают немного, поэтому мы больше говорили о его профессии и проблемах, связанных

с сельским хозяйством. Вопросы, которые его постоянно волнуют: повышается в цене топливо, есть потребность в кадрах, не хватает животноводов, фермы требуют ремонта. Большие трудности возникают с покупкой нового оборудования: один трактор стоит около трех миллионов, а выплата процентов по кредитам – нелегкое испытание для сельского хозяйства. Ибрагим Абдулагатович не терпит случайных людей в сельском хозяйстве. Это тяжелая ответственная работа. Но при этом очень важно общение с людьми: ведь каждый человек индивидуален, ко всем нужен подход. « В земле – наши корни, пока есть сельское хозяйство – будет жизнь», считает И.А. Арсланов.

Вывод, к которому мы пришли в своей познавательной работе подтверждает взятый нами эпиграф. Порядочность человека, его душевные качества ни в коей мере не зависят от того, какая у него национальность. Главное, честно и добросовестно выполнять свою работу, где бы ты не жил, любить людей. Все люди, о которых мы узнали, жили или живут на Буйской земле, вносят часть своей души в общую жизнь города. И хотя они другой национальности, разве они не земляки?

Юлия Торцева, Камила Седых,
Екатерина Ершова, Арина Лазарева
Школа №13 имени Р.А.Наумова, г.Буй.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

1928 год, конец мая. Весь мир с волнением следил за событиями в Арктике. Внезапно замолкла рация экспедиции Умберто Нобиле, в которой было 16 человек, возвращавшихся на базу в Шпицбергене после сенсационного полета к Северному полюсу на дирижабле «Италия». Сомнений не оставалось – произошла катастрофа. Но живы ли аэронавты, и где их искать? Этого никто не знал. А раненный при катастрофе итальянский радист Джузеппе Бьяджи, Скрючившись в крохотной палатке на дрейфующем льду, тщетно отстукивал сигналы «SOS». Никто его не слышал. Первым сигнал

бедствия принял 3 июня вохомский радиолюбитель Николай Шмидт, его имя и название нашего села, которое и на картах-то не значилось, замелькало в заголовках газет всех стран. На поиски аэронавтов направились экспедиции: 16 судов, 22 самолета, более полутора тысяч человек из шести стран. А обнаружить и спасти затерянных среди льдов Ледовитого океана людей удалось в июле только нашим соотечественникам – экипажу летчика Б.Г. Чухновского и команде ледокола «Красин».

События в Арктике, потрясшие мир 80 лет назад, не забыты и сегодня. Десятки книг, сотни статей. Совместный советско-итальянский фильм «Красная палатка» прошел по всем киноэкранам мира. Кто же такой Николай Рейнгольдович Шмидт, давший известность нашему селу на весь мир?

Родился он в Киеве в 1906 году. Отец был военным инженером и педагогом, а мать – выпускница Института благородных девиц. В семье было четыре сына. Николай с детства увлекался техникой и «телеграфом без проводов», как тогда называли радио. В 1920 году, когда семья жила во Владивостоке, он самостоятельно собрал свой первый искровой передатчик. После смерти отца, уже в Нижнем Новгороде, собрал свой первый ламповый приемник. Город этот был тогда центром радиотехнической мысли, здесь, в лаборатории, вырос бы Николай в радиоинженера, а может, и ученого. Но судьба распорядилась иначе.

Оставшись без хозяина и кормильца, семья бедствовала, и мать приняла решение о переезде в сельскую местность, к племяннику на лесной кордон у села Заветлужье, относившегося в 1924 году к Нижегородской губернии. Николай стал заведовать «избой-читальней», стал «избачом», продолжая свое радиолюбительское дело. Увлеченно конструировал радиоприемники, делясь знанием и опытом с местной молодежью. Многие заветлужские парни увлеклись этим. И это в селе, где и электричества то не было! Если раньше вести доходили сюда с большим опозданием, то маленькие аппараты, собранные Шмидтом и его учениками, помогали чувствовать пульс времени, ритм жизни страны. Здесь, в Заветлужье, он встретился и подружился с Михаилом Смирновым, с которым десятилетие жил и работал вместе. Николай

буквально заворожил своего нового приятеля радиотехническими опытами, а потом перебрался с ним в село Вознесенье – Вохму. Семья Шмидтов в это же время переехала под Ветлугу. В Вохме Смирнов продолжал учиться в школе, а Шмидт стал работать киномехаником. В семье Смирновых Николая воспринимали как сына.

Двадцатилетний скромный юноша, появившийся в Вохме, вскоре стал почитаемым и известным на селе человеком. Работая в профсоюзном клубе, поражал неискушенных зрителей демонстрацией «живых картинок». Знавшие его вспоминали, что он всегда был окружен ребятней, своими «последователями» из школьников старших классов. Николай учил их делать детекторные приемники и осваивать азбуку Морзе. «Образовалось что-то вроде радиолюбительского кружка, – вспоминал учитель истории А. П. Борисов. – Если мы делали только простые приемники, то у Шмидта они были разных конструкций. Два стола в его комнате были заставлены различными приборами, а на полу стояли аккумуляторы. Антенна приемника была натянута между двумя жердями: одной, укрепленной на колодезном столбе возле дома, и другой – на елке, росшей невдалеке, за небольшим логом».

Николай Шмидт, часто слушавший эфир, интересовался короткими волнами, мечтал сделать передатчик. О его приемнике напечатал журнал «Огонек» в 1928 году, где он и рассказывал: «За период с 1924 года мной было сконструировано множество различных приемников, главным образом с двухсеточными лампами низких анодных напряжений. На последнем однолампoвом приемнике мной и был принят «SOS» с «Италии». Сильные атмосферные шумы и замирания мешали приему. Уловил только: «... Нобиле... SOS... SOS... SOS...терре...тено...». Как потом выяснилось, переданные на итальянском языке слова «около острова Фойн» слились и были поняты как «Земля Франца Иосифа». Он тут же вызвал своего друга из Заветлужья и утром следующего дня решил дать телеграмму в «Общество друзей радио» с таким содержанием: «Москва. ОДР. Мукомлю. Италия. Нобиле. Шмидт. 3. VI. 28». Тем более что сигналы эти они принимали и вторично. Телеграмму у них принять отказались,

считая текст несерьезным. Только после распоряжения начальника почты Селезнева она была отправлена.

На следующий день на почте в Вохме царило необычайное оживление. Общество друзей радио, ОСОАВИАХИМ, редакции газет, наркомат иностранных дел запрашивали подробности о принятом сообщении и о самом радиолюбителе.

Шмидта просили продолжать наблюдение в эфире. Срочно выслали посылку с радиодеталями. Сами сведения были немедленно переданы комитету помощи «Италии», а оттуда через Совнарком в итальянское посольство. Наш земляк Л. А. Кудреватых в очерке «Кто первый услышал сигналы «Италии» приводит такой эпизод: «В доказательство Шмидт показал мне кучу полученных им телеграмм. Вот, например, одна из них: «Необходимо получение схемы устройства вашего аппарата. Сообщите.... Телеграфируйте». В том же году Шмидт и Смирнов были приглашены на работу операторами радиостанции «Малый Коминтерн» в Великом Устюге. Потом их вызывали в Москву, где они присутствовали на торжественном заседании, посвященном возвращению нашей спасательной экспедиции на ледоколе «Красин». Общество друзей радио наградило их грамотами, а Николая еще именными золотыми часами.

Печальный эпилог

В Москве друзья прожили несколько месяцев, работая в радиолаборатории. Им предложили поехать на работу в Ташкент налаживать первые линии коротковолновой связи. Н. Р. Шмидт стал работать в управлении Узбекистана радиоинженером, перед войной был начальником радиоотдела. Построил более 30 передатчиков в узбекских городах. Тогда же судьбы друзей и разошлись. М.С. Смирнов впоследствии стал крупным специалистом в области связи. Н. Р. Шмидт в начале войны был репрессирован по обвинению в шпионаже. Возможно, в этом сыграла роль и его немецкая фамилия. В 1942 году он был расстрелян. Реабилитировали этого замечательного человека через десятилетия.

В нашем музее есть справка, в которой говорится: «... 12 июля 1984 года Верховный суд Узбекской ССР прекратил

уголовное дело, по материалам которого в 1942 году был осужден Шмидт Николай Рейнгольдович. Шмидт Н. Р. Реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления».

Есть доля случайности в том, что сигналы из ледового лагеря Нобиле услышал именно Шмидт в Вохме. Но и только. Николай Шмидт был талантливый, а не просто удачливый радиолюбитель, случайный счастливчик. Обладая более чем скромными средствами и возможностями, отличался бескорыстной страстью к радиоделу и экспериментам. Короткой, но достойной была его жизнь.

Вохмичи знают о Николае Шмидте и гордятся земляком.

Юлия Смирнова,
10 класс, п.Вохма

ШИГОРИНЫ

Совсем скоро мне предстоит сделать очень важный шаг в своей жизни – выбрать профессию. Для того, чтобы не ошибиться, необходимо обозначить круг своих интересов и возможностей, разнообразить свои знания в области профессий и посоветоваться со старшими. Так как я живу у дедушки с бабушкой, то и поговорить о своей будущей профессии мне захотелось с ними. Дедушка поведал мне такую интересную историю о династиях в нашей семье, что захотелось сразу ею с кем-то поделиться.

Мой прапрадедушка – Шигорин Иван Васильевич родом из Мантуровского района, там он и начал в 1911 году работать в должности почтмейстера. В 1916 году, то есть через 5 лет, его повысили в звании и перевели на работу в другое место, а именно в село Завражье Юрьевецкого уезда Ивановской области. Здесь он тоже возглавил почту в звании чиновника VI разряда по почтовому ведомству.

Почта тогда располагалась в церковном доме, в маленькой комнате которого приходилось жить Ивану Васильевичу вместе со своей женой, то есть моей прапрабабушкой Марьей Николаевной. Почта тогда доставлялась на тройках лошадей по

почтовому тракту Макарьев – Юрьевец. Журналы и газеты для каждого подписчика доставлялись в индивидуальных бумажных пакетах, которые вручались клиенту со словами : «Вам пакет!» Кроме корреспонденции перевозились деньги (ассигнации и золотые монеты), облигации государственных займов и другие важные документы. Это все было упаковано в большие прочные кожаные мешки. Никому не надо объяснять, что это было очень ответственное и опасное дело – перевозить деньги, поэтому Ивана Васильевича обычно сопровождал полицейский с наганом. Однажды полицейский решил подшутить над почтовиком и спрятал мешок с ценными бумагами на самое дно саней. Иван Васильевич сначала все обыскал в поисках мешка, а потом даже хотел застрелиться, понимая, что за потерю денег будут судить. К счастью, до этого дело не дошло, так как полицейский признался, что это была шутка.

Вот еще одна история из почтовой эпопеи Ивана Васильевича Шигорина. Почтовой тройке во время следования ее по почтовому тракту, все встречные должны были уступать дорогу. Однажды, во время следования по Унже, почтовикам повстречались цыгане. Они не обратили внимания на звон колокольчиков почтовой тройки и продолжали движение своего табора, тогда полицейскому пришлось стрелять в воздух, требуя уступить дорогу. Цыгане услышали выстрелы, выскочили из кибиток, закричали, заохали, а потом быстро съехали с тракта, освобождая дорогу почтовой тройке, потому что знали – нельзя шутить с государством в лице грозного полицейского.

В 1946 году Ивана Васильевича Шигорина наградили дорогими памятными часами фирмы «Мозер». На часах была выгравирована надпись «Шигорину Ивану Васильевичу за 30-летний юбилей служения почтовому делу». А в 1953 году за безупречную службу на почте он был награжден орденом Ленина.

В 1959 году Иван Васильевич вышел на пенсию, а его место заняла жена сына – Шигорина Лариса Ефимовна. Начальником Завражного почтового отделения она была до 1986 года. За свой добросовестный труд моя прабабушка неоднократно награждалась почетными грамотами, памятными знаками, юбилейными медалями.

В декабре 1986 года начальником почты в Завражье стала моя бабушка – Шигорина Лариса Анатольевна. Конечно, в наше время почту уже не возят на тройке с колокольчиками. Тройке на смену пришла почтовая машина. Да и саму корреспонденцию теперь привозят из Макарьева, потому что Кадыйский районный узел связи укрупнили, но почта всегда останется почтой. Во все времена люди будут посылать друг другу поздравительные открытки, хотя теперь их количество значительно снизилось (нашлась замена в виде СМС-сообщений), письма, посылки.

Бабушка проработала начальником почты до февраля 2007 года. Она была отмечена почетными грамотами и благодарственными письмами и районного, и областного, и республиканского уровней. Она и сейчас продолжает работать на почте в качестве почтового оператора, просто с возрастом функции начальника становилось выполнять все сложнее и сложнее. Но свое дело она передала моей маме – Шигориной Наталье Александровне. То есть почтовая династия Шигориных продолжается, а ведь ей уже 92 года! Может быть мне стоит задуматься об этом и продолжить семейную династию?

Но на этом мой рассказ не заканчивается, потому что есть еще одна династия в нашей семье – офицерская.

У Ивана Васильевича Шигорина было четверо детей: Виктор Иванович, Сергей Иванович (мой прадедушка), Николай Иванович и Антонина Ивановна. Виктор Иванович закончил Куйбышевское летное училище. Всю войну он был штурманом авиационного полка, не раз попадал в серьезные переделки, совершал многократные боевые вылеты. После войны он продолжал службу в авиации. Сергей Иванович сначала выучился на ветеринара, а в 1940 году закончил Горьковское училище зенитной артиллерии. Всю войну боевым офицером артиллерии прошел мой прадедушка. У него было столько орденов и медалей, что все не умещались на парадном кителе. Антонина Ивановна всю войну работала медиком в военном госпитале в Ленинграде.

А мой дедушка, Шигорин Александр Сергеевич, в 1967 году закончил Даугавпилсское авиационно-техническое училище имени Яна Фабрициуса и служил в армии техником

самолетов до 1987 года. После демобилизации в звании капитана он ушел в запас и поселился в Завражье, где жили его родители.

Мой дядя, Панин Владимир Константинович, два года служил в республике Афганистан. В звании рядового он был водителем автомашины «Урал», перевозившей горючее. Несколько раз он был ранен, один раз домой пришла весть, что он убит. Но все, к счастью, оказалось неправдой, а вернее, досадной ошибкой. Честно выполнив свой интернациональный долг, он вернулся в 1987 году домой живой и невредимый. Много ему пришлось повидать за время службы: и взрывы душманами домов мирного населения Афганистана, и смерть боевых товарищей, и предательство, и трусость. Это все обычно для военного времени.

Пока офицерская династия Шигориных прервалась, но, кто знает, может быть, мой младший братишка захочет стать офицером. Ведь это очень трудная и важная для нашей страны служба – стоять на страже Родины, всего себя отдавать работе. Для этого необходимо просто любить свою Родину, то есть быть патриотом России. А патриотизма сейчас как раз и не хватает нам – школьникам.

В 1973 году моя бабушка, Шигорина Лариса Анатольевна (которая потом возглавила Завражную почту) поступила в Каршинский педагогический институт, потому что хотела стать учителем русского языка и литературы. До этого она получила профессию медицинской сестры. К сожалению, проучилась она всего один год, потому что дедушке необходимо было переводиться на новое место службы. Но все-таки, в 1984-1986 годах бабушку попросили поработать учителем химии в Шубаркудукской средней школе (это было очередное место службы дедушки). Она говорит, что учителем работать ей было не слишком трудно, так как в химии она всегда разбиралась хорошо, а контакт с детьми наладился очень быстро.

Моя родная тетя, Панина Инна Александровна, дочь моей бабушки и дедушки. В 1989 году она закончили Ивановское педагогическое училище и много лет работала учителем начальных классов. Учила в начальной школе она и меня. А потом тетя Инна закончила университет имени Некрасова и

стала преподавать русский язык и литературу в средних и старших классах. Наш класс опять достался ей. Я очень внимательно наблюдаю за ее работой. Какой же это нелегкий труд – научить человека! Сколько сил нужно тратить каждый день, чтобы подготовиться к урокам, донести до учеников новый материал, закрепить его с ними, отработать. И это все при том, что нынешнее поколение почти ничего нг учит. Рабочий день закончен, а у учителя опять работа – тетради на проверку, планы на завтра. А ведь кроме работы у любого учителя есть семья, дети, которые ждут маму. А завтра снова на работу! И надо прийти в класс с хорошим настроением, потому что ученики любят неунывающих учителей.

Учителем быть очень трудно. Если кто-то говорит, что легко, он просто не знает, что это такое. Нужно понять каждого ребенка, пожалеть его в нужное время, подбодрить перед трудным диктантом, иметь ответ на любой вопрос, найти выход из любой сложной ситуации на уроке. Вот тетя Инна все это может. Не случайно ведь ее бывшие ученики посылали в Москву на конкурс «Самый классный «классный!» работу о ней. Я знаю, что многие (да, наверное, почти все) ученики Инны Александровны ее очень любят и уважают. Это очень хорошо видно на ее уроках. Русский язык – сложный предмет. Но наш класс, включая закоренелых двоечников, любит этот предмет, потому что вместе с Инной Александровной можно одолеть любую, даже самую трудную науку. Она сумеет так доходчиво объяснить материал, а потом показать его на простых примерах, что все становится понятно. Я знаю, что сейчас быть учителем совсем не престижно, но для себя твердо решила – буду похожей на мою тетю Инну, выучусь и приду в школу работать учителем русского языка и литературы. То есть будет продолжаться учительская династия в нашей семье.

Быть учителем – это значит все на свете знать, нести свои знания детям, дарить им свою любовь, видеть каждый день их радостные улыбки, слышать их веселый, звонкий смех и преодолевать с ними вместе все научные преграды.

Я знаю, что настанет такой день, когда я открою дверь школы, а ребята будут говорить мне: «Здравствуйте, Виктория Александровна!»

Вот такую историю моей семьи я поведала вам в своем сочинении. Мне кажется, что наша семья достойна того, чтобы о ней говорили в 2008 году, провозглашенном Годом Семьи.

Виктория Забалуева, 9 класс
с.Завражье, Кадыйский район

СЫН СВОЕЙ ЗЕМЛИ

Рассказ об известном земляке

Мы живем на буйской земле . Наше село называется Борок. История села тесно связана с историей Иаково-Железноборовского монастыря. Мы очень много знаем по истории развития нашего края. Но о тех, кто в нем жил, живет, мы знаем еще очень немного. Но благодаря элективному курсу «Русская душа», который у нас ведется в школе, мы все больше и больше узнаем о людях, живущих с нами рядом.

Сейчас мы расскажем об одном из жителей села Борок. Проходя очень часто мимо этого дома, ничем не отличающегося от других сельских домов, мы и не догадывались, что в нем живет замечательный человек, труженик, умелец.

– Здравствуйте, дядя Володя.

– Здравствуйте, ребятки! Вы ко мне в гости? – как обычно радостно и добродушно приветствуют нас.

Мы опять в гостях у Смирнова Владислава Николаевича и прекрасно знаем, что нас здесь ждут и всегда рады нашему приходу.

Начнем по порядку. Смирнов Владислав Николаевич родился 20 мая 1932 года недалеко от села Борок, в деревне Новоселки Боковского сельского совета, в большой крестьянской семье. Мать, Елизавета Михайловна, всю жизнь трудилась на родной земле, родила 11 детей. Наш Владислав Николаевич был шестым. Сейчас живы только три его младшие сестры: Анна, Ольга, Екатерина. Отец, Николай Кириллович, воевал с первых дней Великой Отечественной войны на Украинском фронте.

Во время войны маленький Володя тоже не сидел без дела. Утром, когда он еще спал коротким тревожным сном, часто раздавался, знакомый голос: «Вставай, Володя...» . Проснувшись, он видел сонными глазами заботливое лицо матери и виноватое лицо председателя колхоза. «Знаю, сынок, что устал. Но кто же, как не мы, работать будет. Ведь солдатам не только снаряды, им и хлеб нужен...,» – неловко погладит по вихрастой голове мальчугана председатель колхоза. Мать смахнет слезинку. И Вовка шел, шел помогать отцу и всем, кто защищал Родину.

Детство нашего героя было не легким. «Одеть, – вспоминает Владислав Николаевич,– было нечего, донашивали все друг после друга, еда тоже была плохая. Приходилось много помогать по хозяйству.

Вставали очень рано. Дядя Володя вспоминает, что каждое утро его обязанностью было высекать огонь и зажигать лучину. После этого мать растопляла русскую печь. Соседи, увидев в окошко огонек в печи у Смирновых, постепенно подтягивались к ним, брали огонь и шли растоплять свои печи.

В 9 лет Владислав Николаевич пошел в школу, в деревню Боково. Когда учился в 4-ом классе, с 12 лет уже считался колхозником, за ним закрепили лошадь. В трудовой книжке пошел стаж. Было трудно: после уроков приходилось идти на работу, а ведь и побегать с ребятней хотелось, и подурить.

Наравне со взрослыми работал тринадцатилетний мальчуган. Возил на лошади снопы, молотил, косил сено, рубил лес, присматривал за скотиной... Да разве все перечислишь? Дядя Володя рассказывает: «Погоняешь, бывало, усталую лошадь, а сам снопы поддерживаешь, чтобы не развалились. Жарко, хочется пить. А совсем рядом река Тебза. И не было большего желания в те минуты, как с головой окунуться в

прохладную воду, а потом полежать на раскаленном песке... Но нет, работа прежде всего! Люди ждут»

Мы, слушая Владислава Николаевича, невольно задумались: как худенькие мальчишеские плечи смогли вынести такую непомерную военную тяжесть? А мы? Мы смогли бы так?

Победа в Великой Отечественной войне пришла весной в разгар сева. Стали возвращаться домой фронтовики . В

июне 1945 года вернулся домой и отец дяди Володи с многочисленными наградами. Из деревни Новоселки ушедшие на войну мужчины все вернулись живы и здоровы, даже без тяжелых ранений, а ушедшие из соседней деревни Коптяги почти все погибли» – вспоминает Владислав Николаевич.

Потянулись до краев наполненные заботами послевоенные будни. Хлопот не убавилось. Володя окреп, возмужал, повзрослел, появилась цель в жизни -стать трактористом. Его отец сразу же после войны стал председателем колхоза, одновременно и учетчиком, и бригадиром. А Володю взяли пока в колхоз прицепщиком.

В 1948 году в Борке открылась МТС (машинно-тракторная станция), которая располагалась в здании монастыря, закрытого в 1929 году, и директор МТС, Ширяев Михаил, пригласил на работу Владислава Николаевича. С 1948 года сел на трактор. А потом служил в армии три года. После армии его ждала Школа механизации сельского хозяйства в Галиче. «Спустя 11 месяцев обучения, – вспоминает Владислав Николаевич, – я стал трактористом -машинистом широкого профиля. Закончил с отличием. Директор МТС посадил сразу меня на новый трактор-дизель».

Владислав Николаевич с гордостью рассказывает, как первый раз он вспахал поле, от Бокова до Тетерина, 3 гектара, и сразу приехала комиссия проверять его работу. Собрали трактористов и показали, как нужно пахать, объявили благодарность.

22 года Владислав Николаевич проработал на комбайне. Мы удивились, сколько у этого человека благодарностей, Почетных грамот, наград, статей в газетах о достижениях.

« Ребятки, вы хоть представляете, какая это замечательная картина: один за одним движутся по полю зерновые комбайны. Бункеры наполняются спелым зерном. Сразу уже можно определить, что урожай обещает быть добрым. Хлеба стоят высокие, густые. Налитый ядреным зерном колос так и гнется к земле...А какой запах у свежего .... зерна! Словами не описать,» – рассказывает наш собеседник. А у самого невольно начинают расправляться плечи, в глазах загорается огонек, лицо светлеет. И он сейчас как будто и не с нами, а там, на поле , на своем комбайне, посредине золотого

поля пшеницы. Мы сидим, слушаем этого пожилого человека и невольно восхищаемся его азартом, его жизнерадостностью, скромностью.

И невольно начинаем задумываться, как же трудиться нужно, чтобы на селе заслужить. высокие награды: орден Трудовой Славы III степени, орден Трудовой Славы II степени, медаль «За доблестный труд».

Направляли его, как правило, туда, где труднее, где нужен опыт, и знали всегда : Смирнов не подведет.

В 1958 году Владислав Николаевич женился. Антонина Николаевна Кудрявцева (девичья фамилия), родом из соседней деревни Леонове, тоже всю жизнь проработала в колхозе. Сначала овчарницей, затем в бригаде, последние годы дорабатывала в Боровской (нашей) школе технической служащей. У них трое детей: два сына и дочь.

Все сейчас живут в Костроме.

Владислав Николаевич и Антонина Николаевна отметили 50-летний юбилей совместной жизни.

Сейчас главе семейства 76 лет, трудовой стаж – 58 лет. Несмотря на такой трудовой путь, Владислав Николаевич до сих пор остается очень энергичным, заводным человеком, оптимистом.

Он не только труженик села, нашей земли, но и народный умелец. Что только он не умеет делать: . плести корзины, и паять кастрюли, подшивать валенки, вязать сети, делать швабры, грабли, метлы и многое-многое другое. И все это он мастерит в своем трудовом уголке. На месте он не бывает: то в лесу, то на реке, то на огороде. Все люди, знающие этого человека, удивляются его неиссякаемой энергии.

Владислав Николаевич охотно сотрудничает с нашим школьным краеведческим музеем «Наследие села». Тут представлены поделки, сделанные его умелыми руками и старинные вещи, которые долгое время бережно хранились на чердаке. «Пусть ребята знакомятся, изучают,»– говорит наш собеседник.

Вот так и живет этот замечательный человек. И как всегда – он просто работает. И это же здорово, что он не удовлетворен достигнутым, что не выставляет свои дела и успехи напоказ, не хвалится ими, хотя и есть чем. Такому

человеку и по жизни идти легко. Скромность всегда украшала человека, а трудовая скромность вдвойне. И мы очень горды тем, что рядом с нами в Борке живет человек с большой буквы – Владислав Николаевич Смирнов!

Ксения Грибова, Наталия Трусова,
9 класс, Боровская школа, Буйский район

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ СПЕРАНСКОГО

«Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как история планет...
А если кто-то незаметно жил
и с этой незаметностью дружил,
он интересен был среди людей
самою незаметностью своей».
Е. Евтушенко

Каждый человек интересен своей судьбой. И одним из таких интересных людей был председатель бывшего колхоза имени В.И. Ленина Угорского сельского совета Мантуровского района Костромской области Сперанский Николай Федорович.

Решил написать о человеке, имя которого слышу постоянно от бабушки и дедушки, от пожилых людей в деревне? Вижу его на фотографиях в семейном альбоме, в сохранившихся вырезках из газет. По рассказам, человек был действительно необыкновенный. Таких людей забывать нельзя.

В деревне Леонтьеве Мантуровского района в семье колхозников Федора и Марии Сперанских 14 января 1928 года родился черноволосый мальчик Коля. В 1936 году пошел учиться в Шулевскую школу, но закончить ее помешала Великая Отечественная война. В 1942 году в боях под Ленинградом погиб отец. И Коля заявил матери: пойду работать.

В родном колхозе был выбран секретарем комсомольской организации. Затем ушел служить в армию. Отслужив, вернулся. В 1952 году женился. В 1953 году поступил учиться в город Галич в Советско-партийную школу по подготовке кадров для работы в сельском хозяйстве. Закончил ее в 1956 году.

5 марта 1958 года был избран председателем колхоза «Свобода» в деревне Хлябишино Угорского сельского совета. Колхоз был такой отстающий, что лошади и скот стояли на частных дворах. За два года работы председателя Сперанского положение в колхозе улучшилось. Построили конюшню и ферму.

В 1960 году объединили колхозы «Свобода» и имени Ленина. Н.Ф.Сперанского избрали председателем колхоза имени Ленина.

В 1953 году в семье родился сын Владимир (Владимир Николаевич теперь работает главным врачом Мантуровской городской больницы). В 1958 году – дочь Люба. Сейчас Любовь Николаевна – учитель французского языка. В 1963 году родился третий ребенок, сын Коля. В настоящее время Н.Н. Сперанский – первый заместитель главы Мантуровского муниципального района, начальник Мантуровского управления сельского хозяйства. Н.Ф.Сперанский с малых лет приучал сына к сельскому труду. Брал с собой на поля, на фермы, показывал и рассказывал ему, как работают люди. Сын Николай с шестого класса в летний период и сам стал работать в колхозе.

Зарплата председателя была невелика. Жена – учительница, дети росли, да и сам, как в народе говорят: «Начальник, люди смотрят». Пришлось обзавестись подсобным хозяйством, были корова, телка, овцы, свиноматки. Помогал матери и жене управляться. Косил вручную и возил сено на лошадях, пахал конным плугом. Делал это с большим желанием. Развел сад. Детей приучал к хозяйству. Их он очень любил. Приходя с работы поздно, на каждого посмотрит, одеяльца поправит и спросит: «Как они?». После чего приступал к ужину. Его любимым блюдом была рыба. Чай любил пить с блюдца, кипяток. В еде он был непривередлив. Моей бабушке рассказывала его мать: «Жена была на курсах, а я приболела,

обед приготовить не успела. Николай Федорович домой пришел пораньше, надо было ехать в район. Я ему и говорю: «Ой, Коля, я не успела, одна каша в печке!». Он в ответ: «Каша что, не еда?». Поел, молоком запил и ушел...»

После окончания школы старший сын Владимир решил пойти учиться в медицинский институт. Николай Федорович сказал: «Людей лечить – это тоже благородное дело». Дочери посоветовал учить детей, как и мать. А вот младшего мечтал видеть на земле и хотел, чтоб в дальнейшем он заменил отца.

Жену очень любил, радовался, когда она была нарядная и веселая, и все для этого делал. Не грубил никогда, уважал; слово жены – закон. Бывало, придет с работы поздно и сразу с порога: «А где жена, не заболела?». Когда жена серьезно заболела, говорил: «Свет не мил».

Любил Сперанский Угорскую землю. Душой любил и называл «рукотворицей».

Обрабатывал по своим технологиям, чтоб вспахать и посеять во время, да не в холодную землю. Готовность земли проверял старым методом: прикладывал землю к щеке, если щеку не холодило, пора сев начинать.

Одна из весен была очень холодной. Все колхозы начали сев, а он не начинал. Приехала комиссия во главе с секретарем райкома партии. Хотели дать выговор, исключить из партии.

Сперанский сказал: «Цыплят по осени считают. Осенью будут выговора и увольненья!» В итоге получили самый высокий урожай в районе.

Своевременно на поля вносили удобрения, в том числе и торф. Торф возили с болота по замерзшей земле, чтобы не испортить поля. Старался как можно больше вывезти, это ведь почти бесплатное удобрение. С 29 июня всегда начинали сенокос. Надо, чтобы травы созрели, семена упали в землю.

В конторе колхоза был свой радиоузел. Около половины седьмого утра в радиоприемнике слышался треск и покашливание. Во всех домах затихали: «Сперанский будет выступать». Расскажет, как идут дела в колхозе, кого-то похвалит, попросит в жаркие дни помочь убрать сено. Старшие деревенские ребята, пожилые люди, городские гости всегда

откликались на его просьбы. А просил-то как! «Милые, дорогие наши, помощь ваша нужна...». И люди бежали, не жалея сил и времени: «Сперанский просит – надо идти». И сам не оставался в стороне, работал вместе со всеми: где народ – тут и Сперанский. Всегда ходил пешком, а не ездил на машине. Вспоминают колхозники: косили за рекой Унжей – кусты трещат, там и дорог-то нет никаких, ну все, медведь – испугались, а это председатель со стороны леса пешком идет. А это километров пятнадцать будет! В 1972 году, когда горели леса, пожар подбирался к стогам, Николай Федорович спасал сено вместе с колхозниками, вывозили на тракторах и лошадях стога на открытые луга, дальше от леса. Отстояли, спасли сено. В сырое лето 1978 года техника на поля не шла, косили вручную.

Сперанский впереди, а сзади перешептывались: «Как косилка идет!».

Заготавливали сено, силос, делали травяные гранулы. От качества кормов зависят надои молока и откорм скота на мясо. После сенокоса начиналась уборка зерновых, картофеля, льна, а также кукурузы и рапса. Опять бессонные ночи: как убрать вовремя и без потерь. Зерноток построили новый. Старый уже не вмещал все зерно.

Вот закончилась уборка, теперь осталось подсчитать итоги. Как Федорович любил выражаться: «Отличная штука – эти колхозные отчеты», если смотреть за несколько лет подряд, – все хозяйство как на ладони видно». Затем собирал колхозное собрание. Там за свою работу колхозники получали награды: почетные грамоты, часы; кому отрез на платье... Любил благодарить детей и старушек, никого не оставлял незамеченным. После собрания «пир на весь мир», а на утро новые заботы и проблемы. Любил говорить: «Делу время, а потехе час».

Начиналась зимовка скота: утеплялись фермы, запускались кормоцеха. В колхозе была своя мельница, где мололи зерно на корм скоту. Завозили микро и макро добавки. Скот с лета хоть и был хорошо нагулянный, но и зимой за ним нужен был хороший уход – для больших удоев. Летом меняли пастбища.

На ферму подвозили зеленку и комбикорма. Откормленному и сытому скоту легче зимовать. Высокоудойных коров

знал по кличкам. До планерки утром все фермы проверит, с животноводами поговорит о работе и о личной жизни. Холодной зимой 1978 года в Новый год на улице было -45°, так Сперанский раньше животноводов бежал на фермы. Бабушка рассказывала, как она плакала, что бычки замерзнут, а председатель ей в ответ: «Не плачь, бык своего рода печка, никогда не замерзнет; лучше водопровод отогревай, чтобы от мороза трубы не полопали».

Для колхозников председатель организовывал автолавки с продовольственными и промышленными товарами. Всем работающим в колхозе выдавал спецодежду, шерсть на валенки (в колхозе были свои овчарни), и все это – за счет колхоза.

Миллион рублей чистой прибыли; по тем временам это огромные деньги. Колхоз всегда был передовым. За труд Николай Федорович был награжден орденом Трудового Красного знамени, орденом «Знак почета», орденом Октябрьской революции, множественно – медалями, почетными грамотами. Он был участником ВДНХ. Говорил, это награды всех людей, что с ним работали. Сперанский никогда не упускал возможности кого-то из колхозников представить к награде. Под объективы камер он старался не попадать, а говорил: «Меня за что, вон их снимайте», – показывая на рабочих.

Двери его кабинета для всех были открыты. Приходили колхозники по рабочим вопросам, а пенсионеры по личным: кому крышу покрыть, кому техника нужна. Николай Федорович всех выслушает и примет необходимые меры. Кто-то заболеет – с врачом договорится, поможет с областной клиникой, с путевками в санаторий. Если с родителями ребенок зайдет в кабинет, всегда угостит конфетами.

В 1976 году прозвучал призыв на поднятие Нечерноземья, и председатель в стороне не остался. Построил новую животноводческую ферму, дом с удобствами. Первым в области пригласил девушек после окончания десятого класса работать на ферму. Девушки согласились.

Так образовалась Угорская комсомольско-молодежная ферма.

Были в колхозе и подсобные промыслы: швейный цех, где шили голицы. Для трудоспособных пенсионеров был открыт цех, где из отходов леса делали черенки к лопатам и

вилам, ящики под фрукты. На полевом стане построил столовую, чтобы колхозники были обеспечены горячими обедами.

По всем рассказам о Николае Федоровиче я понял: большой души был человек, слов на ветер не бросал, был честным, трудолюбивым. И звали его в народе «Батя».

По его инициативе открыли мемориал «Воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Построили дом культуры, два магазина, детский сад. По деревням Угоры и Хлябишино провели водопровод.

Председатель умел подбирать кадры – без хороших специалистов не справиться.

Не всегда в колхозе все шло гладко. В середине 60 годов от молнии сгорела ферма вместе с коровами. Но к весне построили новую и скот племенной закупили. Он был хорошим рыбаком, говорил: «Лещ бьется, пора лен сеять». Любил лес.

Лошади для Сперанского были стихией, потому что с ними было связано начало его трудовой деятельности. Баню любил жаркую, на каменку поддавал квасу или пива. Говорил: «Хлебом пахнет». Любимая его песня была «Я люблю тебя, жизнь...».

Все у председателя ладилось, только никто не считал его бессонные ночи, которые длились более двадцати лет.

Мечтал Федорович о многом: чтобы условия для жизни были лучше городских. Хотел построить баню с сауной, современную конюшню с элитными лошадьми. Мечтал развести пасеку. А главное – чтобы молодежь оставалась дома, на селе.

Но, увы!.. 9 апреля 1980 года он ушел из жизни. В этот день Сперанский, как и всегда, шутил и был весел. После планерки поехал в соседний колхоз к своему другу председателю, чтобы обсудить дела, посоветоваться. Там почувствовал боли в сердце. Но нужно было ехать домой. Утром была назначена встреча с доярками. Николай Федорович сказал: «Сердце – ерунда, пройдет». По дороге сердце снова закололо. «Может, в больницу заедем?», – забеспокоился шофер. «Нет, домой. Пройдет. Семья ждет...». Не прошло. Не доехали. «Дома, как всегда, его ждали. В душе была тревога, – вспоминает жена. – Когда подъехали к дому, у него были уже холодные руки. Он умер».

Утром в деревне уже все знали о смерти председателя. Люди безмолвными толпами стояли у домов. Только послышался испуганный голос бригадира: «Горе горюй, а руками воюй».

Похоронили тихо: речей не получилось, слезы подступали.

Юрий Шабаров, 9 класс,
д.Угоры, Мантуровский район.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПИЛОТ РОССИИ

Время летит, проходят года, прошлое уже не вернуть! А наша родная сторонка село Судай воспитывает все новых и новых защитников и патриотов родины! Не одну знаменитую личность вырастила и воспитала наша, кажется, маленькая, но пропитанная любовью сторонка. В нашем селе все кругом такое родное и близкое, что людей невольно тянет сюда, а порой они остаются здесь на всю жизнь.

Я хочу рассказать вам об одном человеке, которого вырастил наш родной край, село Судай. Этот человек – заслуженный пилот России, Волков Александр Александрович, выпускник нашей Судайской школы. С первой секунды его рождения мама поняла: «Мой сын станет великим человеком!»

В семье ему все были очень рады! Рос и развивался малыш умным и смышленым. В первый класс Судайской средней школы Волков пошел в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. В школе он продолжал развивать свои творческие способности, достигал новые вершины, как и в учебе, так и в творчестве. За время обучения в школе показал лишь свою хорошую сторону, а плохой возможно у него и нет. Александр активно участвовал в сборе макулатуры, золы, березовых почек, активно участвовал в художественной самодеятельности, с большим удовольствием посещал библиотеку, и всегда ждал очереди, чтобы взять нужную ему книгу. Летом вместе с мальчишками большую часть своего времени проводил на реке Виге, кроме купаний вместе с товарищами строили плоты и лодки, и устраивали настоящие сражения.

С интересом ходил в летний пионерский лагерь, который работал в деревне Савино. Рядом с деревней находился аэродром, и ребята часто, вместе с пионервожатыми ходили в поход на аэродром, чтобы посмотреть на прилетающие самолеты.

Наверное, с этого прекрасного времени у него зародился интерес к воздушному транспорту, а главное – к небу. У него появилась мечта, стать пилотом. С этой мечтой он так и прошел школьные годы, и службу в армии, и, не смотря на все трудности, добивался своего, школы у него не было сомнений, куда поступать – только в летное училище, а примером ему служили уже два выпускника Сасовского летного училища, это Валентин Ермолаев, чей дом находится от дома, где проживали Волковы всего в трехстах метрах и Александр Молчанов, который после окончания училища был призван в ряды ВВС. Но первая попытка была неудачной: не смотря на отличное здоровье и успешную сдачу вступительных экзаменов, он не прошел по конкурсу и вернулся в родной Судай, где начал работать слесарем в гараже Судайского леспромхоза. В мае тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года был призван в ряды Советской армии. Служба проходила интересно, познавательно, ведь всего в двадцати минутах езды на электричке находился такой великолепный город-Ленинград. Частые увольнительные позволяли посещать музеи и другие достопримечательности этого легендарного города.

Закончил Александр службу в должности заместителя командира танкового взвода в звание старшего сержанта. И после окончания службы он остался верен своей детской мечте. В этот же год, прошел медицинскую комиссию, успешно сдал вступительные экзамены. Александр был зачислен курсантом в Сасовское летное училище гражданской авиации.

Учеба в летном училище проходила с интересом, ведь все было новое, и романтика летной работы, и рассказы старшекурсников и инструкторов – по-новому раскрывали профессию пилота гражданской авиации. Александр по-прежнему, продолжал активно заниматься физкультурой и спортом, принимал участие в художественной самодеятельности училища.

Дальнейшее обучение проходило без трудностей, и после успешной сдачи экзаменов ему был выдан диплом, пилотское свидетельство и присвоен четвертый класс пилота гражданской авиации. По распределению Александр Александрович был направлен на работу в Костромской объединенный авиаотряд на должность второго пилота самолета Ан-2. В семидесятые годы объемы работ, выполняемых Костромскими авиаторами, были таковы, что позволяли выпускнику летного училища по истечении двух лет становиться командиром воздушного судна.

Летать приходилось много, и не только в пределах Костромской области. Авиационно-химические работы выполнялись и в Московской, и в Воронежской, и в Брянской областях, а также в республиках Казахстан и Узбекистан.

Но особенное удовольствие доставляли полеты в родной Судай. С высоты птичьего полета можно было наблюдать родные с детства места: и дом, в котором вырос, и родную школу, и старую школу, и старую церковь в центре Судая, куда мальчишкой с удовольствием ходил в кино, а позднее юноше на танцы. В дальнейшем, Александр Александрович был назначен командиром авиационного звена. Не хотелось останавливаться на достигнутом, у Александра появилось желание продолжать обучение в престижном во всем мире высшем учебном заведении – Академии гражданской авиации.

В августе тысяча девятьсот семьдесят седьмого года Александр Александрович успешно преодолел и этот рубеж. Приказом министра гражданской авиации был зачислен слушателем командного факультета Ордена Ленина Академии гражданской авиации в городе Ленинграде. Многообразие выполняемых авиационных работ требовали много сил и времени. Авиапредприятие динамично развивалось, работало без авиационных происшествий, в этом была и, заслуга заместителя командира летного отряда Волкова Александра Александровича. За отличную организацию работы.

Александр Александрович был награжден нагрудным знаком «Отличник Аэрофлота».

Вскоре в Ямало-Немецком автономном округе была создана авиакомпания «Ямал», куда Александр Александрович был приглашен на работу в качестве Летного директора.

За большой вклад в развитие гражданской авиации России, указом Президента Российской Федерации было присвоено почетное звание «Заслуженный пилот России». Среди пилотов эта награда считается наивысшей.

В последующем Александр Александрович перешел на работу коммерческим директором авиакомпании, и больше занимался вопросами, экономического роста авиакомпании, не теряя при этом связи с авиационным учебным центром.

С уходом на пенсию и переездом в город Кострому, появилось больше свободного времени, и Александр Александрович с удовольствием приезжает в родной Судай, не забывая при этом обязательно навестить свою родную школу. И, конечно же, с радостью встречается с нами, учениками Судайской средней школы и со всем педагогическим коллективом.

Уже сорок два года прошло с выпускных экзаменов в школе. Родительский дом, верные друзья, село Судан, родное незабываемое... И множество новых событий, новых замечательных людей на жизненном пути этого прекрасного человека. Но зерна порядочности, активной жизненной позиции, нравственности, верности долгу, патриотизм, стремление стать настоящим человеком были заложены в нашей родной Судайской средней школе.

И мы, поколение первого десятилетия двадцать первого века гордимся выпускником нашей школы, почетным гостем, Заслуженным пилотом России Александром Александровичем Волковым.

Екатерина Горбунова, 9 класс,
с.Судай, Чухломской район

ДВОЕ ИЗ ВОЙНЫ

Осень... Медленно падают листья ... По дороге идет пожилая пара. Он, Борис Тимофеевич, бережно придерживает за руку ее, Александру Ивановну. Ему 80 лет, ей – 78. Оба ветераны труда, позади военное детство, а затем тяжелая трудовая жизнь со всеми ее заботами и лишениями. Клепцовы вместе уже 54 года.

Александра Ивановна родилась 13 октября 1933 года в Орловской области Димитровского района в селе Малобобровка. Война началась, когда ей было 11 лет. В семье 5 человек, отец умер еще до войны. Мать одна поднимала их. Со слезами на глазах Александра Ивановна вспоминает, как наши солдаты проходили мимо села и предупредили, что будут бомбить, чтобы люди прятались в подвале. Их семья и еще три семьи спрятались в подвале, двери заложили мешками. Мать сказала : «Что уж будет». Только успели укрыться, как неподалеку взорвалась бомба, мешки разлетелись в разные стороны. Вышли из подвала и увидели одну печку, а в деревне было 190 домов. Вся деревня горит. А в соседней деревне спрятались в подвале человек 100, и туда попала бомба. Много людей погибло в эту первую бомбежку. Жить негде, пошли в соседнюю деревню за 3 километра. Добрались только к вечеру. По дороге в деревню услышали опять гул – самолеты летели очень низко, немцы стреляли из автоматов. Люди прижались к земле, плакали и просили помощи у Господа Бога.

Приняла семью Александры Ивановны другая семья, дали жилье в сарае, а сараи – плетеные. В этом сарае разместилось четыре семьи, в каждом углу по семье, пол – земляной. Кушать было нечего, приходилось ходить по деревне, просить продукты. Ближе к зиме в сарае стало жить холодно, их пустили в подвал, где было много крыс. Ночью крысы грызли людей, очень сильно пугая детей. В октябре пошли работать в колхоз, но на поле невозможно было находиться, так как мешали постоянные налеты немецких бомбардировщиков. Мама плачет, детей кормить нечем, продуктов нет. Из одежды носить было нечего, обуви никакой. В апреле месяце в лаптях ходили. Ноги мерзли, а взрослым помогать

надо. Зимой обвязывали ноги тряпьем и шли собирать дрова. Так день за днем наравне со взрослыми от зари до зари сеяли, боронили, летом косили, сушили сено, копны стаскивали на себе. Летом с едой стало немного легче. Собирали щавель, траву, листья с липы, все перемалывали, добавляли немного муки, и мама выпекала лепешки. Все, что вырастили в колхозе, отдавали фронту. Ночью в деревню приходили партизаны и просили продукты, а днем немцы все отбирали.

Прожили в подвале три года. Потом колхоз помог отремонтировать дом. В то время в колхозе стали давать по одному килограмму ржи, за лето сушили крапиву и другие травы. Стали ходить в школу. Война закончилась, а лучше не стало. Мать, ослабевшая за эти годы, сильно заболела. Пришлось идти работать детям. Александра Ивановна попала в няньки. Хозяйка уезжала надолго, а она, сама-то небольшая, носила на себе ее ребятишек. С одним из них связь поддерживает и сейчас. В прошлом году случилось съездить на родину, встретились, вспомнили послевоенные годы. Война снится Александре Ивановне до сих пор.

В 1949 году юная Саша уехала в Донбасс, где и познакомилась со своим будущим мужем.

Клепцов Борис Тимофеевич родился в 1928 году в семье крестьянина. Когда началась война, ему было тринадцать лет. Вместе со своими сверстниками также помогал взрослым: работал в лесу и на сплаве.

После войны работал в Донецкой области в шахтах.

В 1948 году взяли в армию, прослужил 4 года, а затем уехал в Донбасс. В 1954 году Клепцовы сыграли свадьбу. Затем у них родились сын и дочь. А в 1960 году молодая семья переезжает в Чухломский район в поселок Ново-Панкратово. Александра Ивановна и Борис Тимофеевич проработали в Панкратовском лесопункте более 30 лет. За свой многолетний труд они имеют заслуженные награды и уважение односельчан.

В 2004 году супруги Клепцовы отметили золотую свадьбу. Спустя полвека, они остаются верны своей любви, достойно прожив жизнь и сохранив, пройдя через все испытания, тепло души и сердец.

... Осень. Продолжают падать листья. Я смотрю вслед уходящей паре пожилых людей. Мужчина, одной рукой опираясь на трость, другой бережно поддерживает за руку свою спутницу. Невидимые нити нежности, заботы друг о друге, внимания и сострадания связывают их. ...Молчу. Но в душе – трепет и восхищение. Я благоговею перед мужеством, мудростью, силой духа и жизненной стойкостью этих людей, вынесших на своих плечах тяжелое бремя войны. Мы должны гордиться тем, что живем рядом с такими людьми. Так будем достойны их!

Оксана Хазова, 10 класс,
с.Судай, Чухломской район

СЕМЕЙНЫЕ ТРЕВОГИ

Представляем автора

Барышева Ольга Александровна, родилась 29 июля 1984 года в городе Макарьеве Костромской области. Мать – учитель русского языка и литературы, отец – водитель. Окончила Макарьевскую среднюю школу №1, а затем филологический факультет Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. По окончании университета поступила в аспирантуру.

Ольга Барышева

КРИЗИС СЕМЕЙНЫХ УСТОЕВ В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ»

Жизнь человека издревле была связана с понятием семьи и рода, в основе взаимоотношений между поколениями лежало уважение к старшим – к родителям, дедам и прадедам. Еще с дохристианских времен в народном сознании русских людей сохранилось глубокое почитание предков, своего

рода их культ, вера в то, что они участвуют в повседневной жизни живущих. Вечная память о предках, постоянная оглядка на их опыт придавала обществу устойчивость, а их особое почитание приурочивалось к православным праздникам, приобретая чисто христианский смысл…[1]. В.С. Соловьев писал о том, что между умершими предками и их живущими потомками «устанавливается духовное взаимодействие в молитвах и таинстве»[2].

«… Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, *национальную* и отечественную традицию, *– отмечал И.А. Ильин. – Из этой семейной традиции и благодаря ей возникла вся наша индоевропейская и христианская культура – культура* священного очага семьи*: с ее благоговейным почитанием предков; с ее идеей священной межи, огораживающей родовые могилы; с ее исторически слагающимися национальными обычаями и обрядами. Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея «родины», лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков, – возникла из недр семьи, как телесного и духовного единства…»*[3].

Почитание предков В.С. Соловьев связывал с почитанием Отца Небесного: «как умственные представления о родителях и внешние, практические отношения к ним изменяются сообразно возрасту детей, но сыновняя любовь должна пребывать неизменно, так и теологические представления и способы почитания Небесного Отца многообразно видоизменяются по мере духовного роста человечества, но религиозно-нравственное отношение – свободное подчинение своей воли требованиям высшего начала – должно оставаться всегда и везде безусловно одинаковым»[4].

Дарья, самая «древняя» из материнских старух, одна из тех, «под защиту которых стягиваются слабые и страдальные»[5], старуха, утвердившаяся своим строгим и справедливым характером, наиболее остро чувствует связь с предшествующими поколениями, давшими ей жизнь, чувствует ответственность перед теми, кто жил до нее на этой земле, ответственность перед родом, перед всей материнской

ратью. Духовное понимание «прощания с Матерой» раскрывается в главном вопросе Дарьи: «…Что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения?» В душе Дарьи зерно памяти, посеянное этой ратью, нашло добрую почву, она тоже есть зерно от материнского колоса: «Оно, может, по нам маленько и видать, какие в ранешнее время были люди, дак никто назадь себя не смотрит … У нас мужики извеку, почитай все свои были, материнские.. Ишо и пощас видать породу, кто с Матеры».

Она понимает, что прощание с Матерой неизбежно, но для нее это не просто сел на катер, помахал рукой и уехал, любуясь сиянием пламени родного жилья, отряхивая с ног прах земли, данной самим Богом для жизни, земли, в которую вложил труд всей жизни и где похоронил столько родных людей. Дарья живет между двух «деревень» – той, что догорала у нее на глазах, и той, большой и безмолвной, отцов и дедов, что лежала поодаль, пугающе оголенная. И для Дарьи это прощание не может быть бездумным, не может пройти бесследно, не просветлив душу высокой мудростью страдания. Прощаться для нее – значит просить прощения у старших, что не защитила родовые корни, родовую землю: «Седни думаю: а ить оне с меня спросют. Спросют: как допустила такое хальство, куды смотрела? На тебя, скажут, понадеялись, а ты? А мне и ответ держать нечем. Я тут была, на мне лежало доглядывать… Не помереть мне в спокое, что я от вас отказалась, что это на моем, ни на чьем веку отрубит наш род и унесет. Ой, унесет, унесет…».

Понимание Дарьей слова «род» – понимание истинно духовное, основанное на чувстве ответственности, совестливости и благодарности. «Одним из первых, а может быть, самых первых заветов, оставленных праславянами и донесенным до нас этнической памятью, был завет: знай свой род»[6] . Однажды представляется Дарье, как сойдет она в свой род и «соберется на суд много-много людей – там будут и отец с матерью, и деды, и прадеды – все, кто прошел свой черед до нее. Ей казалось, что она хорошо видит их, стоящих огромным, клином расходящимся строем, которому нет конца, – все с угрюмыми, строгими и вопрошающими лицами. А на острие этого многовекового клина, чуть отступив,

чтобы лучше ее было видно, лицом к нему одна она. Она слышит голоса и понимает, о чем они, хоть слова звучат и неразборчиво, но самой ей сказать в ответ нечего. В растерянности, тревоге и страхе смотрит она на отца с матерью, стоящих прямо перед ней, думая, что они помогут, вступятся за нее перед всеми остальными, но они виновато молчат. А голоса все громче, все нетерпеливей и яростней… Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего…». Понимает Дарья, что именно на ее долю выпало держать ответ перед всем родом, давшим ей жизнь, перед всей материнской ратью, вскормившей и взрастившей ее, что должна она чтить память предков, ибо Бог заповедовал: «почитай отца и мать»[7]. Нет у материнской рати «надежды», потому что оборвалась преемственность и связь поколений, нет надежды на потомков, что память о них, предках, «отдавших все свое для них», будет хранима.

«Полнота жизни предков, – писал В.С. Соловьев, – обусловлена действием потомков, создающих те земные условия, при которых может наступить конец мирового процесса, а, следовательно, и телесное воскресение отошедших, причем каждый отошедший естественно связывается с будущим окончательным человечеством посредством преемственной линии кровного родства. Действуя на свою телесность и на внешнюю вещественную природу в смысле ее действительного одухотворения, каждый исполняет обязанность по отношению к своим предкам, платит им свой нравственный долг: получив от них физическое существование и все наследие предыдущей истории, новое поколение ведет дальше работу, в конце которой создаются условия жизненной полноты и для отошедших…». О потере этого будущего, о потере стремления к откровению Божию «говорит» материнская рать, потере в силу того, что слишком сильны в душе человеческой равнодушие и безразличие. Человек, ради которого жили поколения, «ничего не чувствует. Ничего не понимает. И ведет он себя так, будто с него первого и началась жизнь и им она навсегда закончится»[8].

Сердце Дарьи болит от понимания всей духовной глубины утраты, которая происходит на ее глазах: «Спи, Дарьюш-

ка, и ты. Не об чем, люди говорят, твоему сердцу болеть. Только пошто оно так болит? Хорошо, ежли об чем одном болит – поправить можно, а ежли не об чем, обо всем вместе? Как на огне оно, христовенькое, горит и горит, ноет и ноет… Никакого спасу. Сильно, выходит, виноватая. Что виноватая, я знаю, что виноватая, а сказал бы кто, в чем виноватая, в чем каяться мне, многогрешливой? Рази можно без покаяния?». Болит ее сердце не только от понимания своей греховности, но от понимания греховности всего рода людского, в гордыне от видимой силы своей забывшего заповеди Господа и не думающего о покаянии, в котором его надежда на спасение.

Перед лицом прощания с родной землей в повести предстают три поколения: поколение старых материнцев, твердо хранящих духовную память, «детей», в сознание которых уже проникла философия беспутья, беспамятства, и, наконец, внуков, стремящихся к жизни «налегке», без «груза» памяти. Сын Дарьи Павел – среднее звено в цепочке поколений, он находится на перепутье: родившись и прожив половину своей жизни в Матере, предстоит ему остальную ее половину прожить в другом «мире» – мире облегченном. Внутреннее состояние усталости и потерянности ясно прочитывается в портретной характеристике, данной ему автором: «Павел, не спрашивая и не торопя, ждал. И когда, чуть успокоившись, рассказала мать о вчерашнем, особенно напирая на слова Воронцова и Жука, что то и положено делать, что сделали с кладбищем, он и тогда не словом не отозвался, но еще заметней устал и отяжелел, низко склонившись с опущенными меж колен постариковски руками, застыв на трудной, непроходящей думе». Нет в Павле той духовной твердости, что есть в старом поколении материнцев, но нет в нем и равнодушия молодых. «Мать живет в одной уверенности, молодые в другой, а тут и уверенности никакой нету. Ни туда, ни сюда, меж теми и другими». Он корнями своими, душой своей все же принадлежит Матере, он – «тутошний»: «Приезжая в Матеру, он всякий раз поражался тому, с какой готовностью смыкается вслед за ним время: будто не было никакого нового поселка, откуда он только что приплыл, будто никуда он из Матеры не отлучался. Поселок этот стоит там, на том берегу, но к нему,

Павлу, никакого отношения не имеет… Дом у него здесь, а дома, как известно, лучше». И потому чувствует себя Павел в этом новом поселке жизни «налегке» «квартирантом», случайно забредшим сюда.

Остро и глубоко переживает Павел, осознавая потерю собой и молодым поколением нравственных, духовных основ, дающих твердость вере и памяти его матери: «Павел курил, слушал и все больше, не понимая и ненавидя себя, терялся: говорила мать – он соглашался с ней, сказал сейчас Афанасий – он и с ним согласился, не найдя, чем можно возразить. "Что же это такое? – спрашивал себя Павел. – Своя-то голова где? Есть она? Или песок в ней, который, что ни скажи, все без разбору впитывает внутрь?... При этой облегченности и себя чувствуешь как-то не во весь свой вес, без твердости и надежности, будто любому дурному ветру ничего не стоит подхватить тебя и сорвать, – ищи потом, где ты есть; какая-то противная неуверенность точит и точит: ты это или не ты? А если ты, как ты здесь оказался?"«. «Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, *то не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к* целостной очевидности. *Если истина вступила в его сознание, то чувство молчит и не отзывается на нее и он отвертывается от нее… Увидев Свет, он знает, что это "свет", но он не созерцает радостную светлость этого света и остается к нему безразличным… Вот почему расколотый и нецельный человек оказывается духовно обессиленным человеком…»*[9] *– писал И.А. Ильин.*

Порывая со своими материнскими корнями, теряет себя Павел, слишком слаба в нем духовная память, дающая надежность и твердость, потому и уносит его, добровольно принявшего законы новой жизни, «дурной» ветер. Павел своим душевным состоянием похож на тот сорвавшийся с дерева листок, что подхватило ветром и унесло: «Слетел с осины напротив красный лист и застыл в воздухе, высматривая, куда править, но оно, движение, подхватило его и вынесло на дорогу, продернуло еще чуть по земле. Павел без памяти и без мысли чему-то кивнул: так и должно быть». Верно замечает Дарья

внутреннюю несвободу своего сына: «Дарья… долго смотрела на его сгорбленную в лодке, неподвижную фигуру, отлетающую словно от какой-то посторонней пущенности, и тяжело, устало размышляла: нет, не хозяин себе Павел… просто подхватило всех и несет, несет куда-то, не давая оглянуться… своим шагом мало кто ходит». «…Свобода состоит в том, чтобы всюду… располагать внутренней силой и способностью – самостоятельно и ответственно стоять перед лицом Божиим и служить делу Божию на земле. Свобода есть как бы духовное самобытие *или самостоятельнее духовное пение»*[10]*. Нет этой внутренней силы у Павла и он теряет свой путь, подчиняется воле других людей, «на все ждет указаний», потому тоже «беспутен» – то есть без верного пути, духовного пути, и глубоко несчастен в этом беспутье.*

Духовные искания Павла – это искания «потерянного поколения», опаленного войной, чья жизнь разделилась на «до» и «после», поколения, увидевшего смерть раньше, чем вступило во взрослую, осознанную жизнь, поколения, которое не успев осознать всю красоту мира и жизни, вынуждено было стрелять по ним: «Точно оправдывая в чем себя, Павел подумал, что ему вообще нередко приходится вспоминать, что он живет, и подталкивать себя к жизни: после войны за долгие годы он так и не пришел в себя, и мало кто из воевавших, казалось ему, пришел. Все, что требуется, они делают…, но все как бы после своей смерти или, напротив, во второй раз, все с натугой, привычностью и терпеливой покорностью». Он не находит места в жизни, места не материального, но духовного, и душа его мечется и страдает от этой неприкаянности.

Но есть среди этого поколения «детей» те, кто не страдает от обрыва связей с прошлым, от утраты духовного пути. «Обсевками» точно называет их Дарья. В этом слове слышны отголоски библейской притчи о сеятеле: «…Вот, вышел сеятель сеять и когда он сеял… иное упало в терние и выросло терние и заглушило его»[11]*, – сказано в евангельской притче. Такими бесплодными в духовном смысле являются и Клавка Стригунова, и Петруха, и Соня. Слышат они верные, несущие духовную*

правду слова Дарьи, но «сокровища на земле» уводят их в сторону от пути истинного. «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно»[12]*. Ничто не держит их на этой, казалось бы, родной для каждого из них, земле, на Матере, им только бы поскорее сорваться, убежать, «стригануть», даже не посмотрев в сторону той, что вскормила и взрастила их. А некоторые из них не просто равнодушно уезжают, но и активно участвуют в уничтожении родного дома, родной земли. Петруха, сын Катерины, ради «сокровищ земных», ради денег, обещанных за «очистку территории», своими руками поджигает избу, в стенах которой родился на свет. Нет ему дела до тех страданий, что причиняет он этим матери, ни до кого ему нет дела. И дело не в том, что он по натуре своей злой человек, не злой он, но беспутный, тоже потерявший свой истинный путь. Как имя, данное ему при рождении, Петруха не вспоминает, обходясь почти что кличкой, так и жизнь свою настоящую он меняет на «приставление», притворство, как верно замечает старуха Дарья. Петруху «сдул» «дурной ветер» идей жизни «налегке» и вернуться на верный путь уже трудно, потому что все общество нацелено на новую жизнь. Но за эту новую жизнь заплачена слишком большая цена – жизнь старая, жизнь с заповедями Божьими, с правдой Божьей в сердцах. «Мы теперь бедны духовностью как никогда, нам более чем христианам других времен, подходят слова псалма:* Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих *(Пс. 11).*

Поколение «внуков» наиболее ярко представлено в повести в образе Андрея, внука Дарьи. Распутин заглядывает в самую сердцевину духовного мира современного ему молодого человека. Юношеские, самоуверенные слова Андрея будто бы ему и не принадлежат, за ними слышатся чужие голоса тех, кто стремится внушить всем, что надо без сожаления проститься с «хламьем» и устремиться навстречу новой жизни без груза прошлого. Эти «неродные» слова составляют резкий контраст с речью Дарьи – вдумчивой,

самобытной, идущей из самой глубины народной души. «Пока молодой, надо, бабушка, все посмотреть, везде побывать… Надо не поддаваться судьбе, самому распоряжаться над ней… Человек столько может, что и сказать нельзя, что он может. Что захочет, то и сделает. Мне охота, где молодые, как я сам, где все по-другому, по-новому. ГЭС отгрохают, она тыщу лет стоять будет. Электричество, бабушка, требуется, электричество…», – поучает он Дарью.

Андреем движет тщеславное желание «чтоб видно было мою работу», желание «быть под вниманием». И это стремление точно угадывают Павел и Дарья: «Закончат – снимут внимание. Потом как? Другое место искать, которое под вниманием? Привыкните ведь на виду, избалуетесь, одного солнца мало покажется». Эта возможность «избаловаться», имея «сокровища на земле» – славу, внимание к своей личности – и привлекает молодое поколение. Стремление жить без памяти движет им, именно памятью попрекает Андрей старых людей: «…Памятью больше думаете, памяти у вас много накопилось». Конечно, жить без памяти, «налегке», проще: ни о чем не заботишься, ни о чем не страдаешь, ни о чем не мучаешься.

Старое поколение «отстрадовало» свою жизнь. В словаре В.Даля слово «страда», кроме всех прочих, имеет значение: «тяжелая, ломовая работа, натужные труды и всякого рода лишения»[13]. Именно потому это поколение понимает, что жизнь сложна, много в ней горя и радости, много испытаний послано Господом на долю человека, чтобы уберечь душу его. Жизнь истинно духовного человека не может быть легкой, а потому не желает Дарья своему внуку легкой жизни: «Не дай Господь, чтобы жизнь твоя показалась тебе легкой». «… В действительности человек с его природой, его влечениями, способностями и заданиями устроен так, что легче всего ему дается удовлетворение потребностей и наслаждение; и труднее всего ему дается воля к духовному совершенству, усилия, возводящие к нему, и достижение его. Человека всегда тянет вниз, к наслаждениям, и особенно к чувственным наслаждениям; и редко влечет его наверх, к совершенному, его увидению и созданию. Путь вверх открывается человеку и дается ему, но дается только в страдании

и только благодаря страданиям…»[14], – (И. А. Ильин). Своим напутствием Дарья пытается уберечь внука от бездуховного существования. Умудренная жизнью, она понимает, что Андрей так безогляден и потому, что молод, и потому, что он – дитя своего времени, где соблазняют материальные ценности и правят ложные ориентиры.

В суете переезда люди бросают родовые могилы, оставляют их под затопление и великим грехом видит это Дарья – грехом равнодушия к роду, за который расплата – утрата духовной памяти будущими поколениями: «“Ежели мы кинули, нас с тобой не задумаются кинуть”, – предрекла она». Примечательно, как Андрей реагирует на просьбу Дарьи о переносе могил: «Андрей удивленно и недоверчиво переводил глаза с отца на бабушку и с бабушки на отца: неужто правда, как они говорят, придется отрывать могилы и выгребать то, что осталось от покойников, похороненных давным-давно, когда еще и его не было на свете? Зачем? Предстоящая работа казалась жуткой, недоброй, но и подманивала, дразнила: интересно…». В отличие от Павла, который, как и Дарья, думает о переносе могил как о деле необходимом и страдает от своего бессилия и неспособности противостоять суете и совершить это святое по отношению к роду своему дело, Андрею оно кажется чем-то странным, жутким, но притягивающим. Примечательно, что думая о переносе могил, он с юношеским эгоизмом смотрит на это с точки зрения себя: как ему *будет в этот момент, какие впечатления* он *получит, увидев, что осталось от людей, живших, когда и* его *еще не было.*

Андрей оторвался от той земли, что вскормила и взрастила его: «От земли он отошел и, похоже, никогда к ней не вернется», оторвался так, что и не жаль ему расстаться с ней, не мучают его душевные переживания. Более того, он сам хочет участвовать в затоплении Матеры. Откуда же берется в молодом поколении это равнодушие к земле, завещанной предками, равнодушие ко всему своему роду? Отвечая на этот вопрос, важно вспомнить то, как мать Андрея, Соня, радуется переезду в новый поселок: «Павел удивлялся, глядя на Соню, на жену свою: она как вошла в дом…–

будто тут всегда и была. В день освоилась… носилась разгоряченная, суматошная, предовольная и готова была, кажется, приковать себя к этой квартире…» и на вопрос Дарьи: «Как там, ндравится? – Соня отвечает с какой-то злостью: «Да уж не здесь».

«Именно семья дарит человеку два священных первообраза*, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух:* первообраз чистой матери*, несущей любовь, милость и защиту; и* первообраз благого отца*, дарующего питание, справедливость и разумение»*[15]*. Но если мать не хранит память и уважение к родным корням, а отец мечется между «новым» и «старым», то можно ли обвинять их ребенка в слишком легком прощании с родной землей? Андрей, по сути своей, тоже несчастный человек, несчастный в силу своей «нецельности». Он лишен родителями духовной основы – семьи, семьи в ее духовном значении, которая «есть для ребенка первое родное* место на земле*; сначала – место-жилище, источник тепла и питания; потом место осознанной любви и духовного понимания»* [16].

«Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят… Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человечеством духовного кризиса» [17].

На первый взгляд создается впечатление, что и к разговору с Дарьей о человеке Андрей относится с некоторой насмешкой. Но необходимо обратить внимание на то, что он вспоминает *недосказанные ею слова, и, чувствуя их глубинный, неведомый ему смысл, настаивает,*

чтобы она открыла его: «Андрей, смущенный и подталкиваемый какими-то своими мыслями, вспомнил разговор, который состоялся в день его приезда:

«– Бабушка, ты сказала тогда, что жалко человека. Всех жалко. Помнишь, ты говорила?... Почему тебе его жалко?

Дарья убиралась по дому… она не приняла для серьезного ответа эти слова:

– По то и жалко, что жалко. Как его, христовенького, не пожалеть? Не чужой, поди-ка.

– Да почему жалко-то, я спрашиваю. Ты говорила, маленький он, человек. Слабый значит, бессильный, или что?

– Ну, приспичило. Сказала и сказала. Я, может, так сказала, спроста.

– Не так ты сказала».

В этой недосказанности Андрей смутно ощущает, что каким-то важным знанием он обделен. И Дарья с горечью открывает ему, что за быстротой той жизни, к которой он так стремится, скрывается утрата человеком души: «Я про тебя, про вас толкую тебе, как щас. Пуп вы щас не надрываете – че говорить! Его-то вы берегете. А что душу свою потратили – вам и дела нет. Ты хошь слыхал, что у его, у человека-то, душа есть?... В ком душа, в том и Бог, парень. И хошь не верь – изневерься ты, а Он в тебе же и есть. Не в небе. А более того – человека в тебе держит. Чтоб человеком ты родился и человеком остался. Благость в себе имел».

В пророческих словах Дарьи о человеке открывается то, к чему приведет «жизнь без сердца» – к утрате человеком своей духовности, а, значит, и к утрате духовности в культуре, им созданной. Примечателен эпизод в повести, рассказывающий о смене одной материнской семьей фамилии: «Афанасий всю жизнь был Кошкиным, а стали переезжать в совхоз, всей семьей поменяли фамилию на Коткины:

«– Да мне-то что?! Мне што Кошкин, што Мышкин…Это все молодежь. Невестки, заразы, сомустили… Им што – она им, фамиль-то, неродная, она им што платок на голову – седни одна, завтрева другую одевай. Пристали: давай да давай. А в тот раз подпоили меня … я и задумался… Задумался и грю: “Поллитру ишо дадите, дак берите”.

– За поллитру, значит, фамиль продал?

– Дак выходит, так».

Фамилия, которая носит в себе память о всем роде, память и благодарность, в этой новой жизни тоже становится предметом купли-продажи. Прельщенные видимой, поверхностной красотой этой жизни, люди идут на все, чтобы и самим быть похожими на нее, стать, как им кажется, «красивыми», но на самом деле поверхностными, беспамятными и неукорененными.

Вместе с родовыми связями, с чувством духовной принадлежности *роду, молодым поколением утеряна и народная цельность, хранящая святое отношение к земле-матушке, к тому, что она дает человеку. В одном из небольших эпизодов повести автор рисует картину того, как школьники, играя, разбрасывают картошку. (Но старое поколение хранит «святое, как к Богу, отношение к хлебу и картошке). В невинной игре школьников есть то начало, которое, если ему не противостоять, может привести к тому же беспутью, в ней есть первые ростки бездуховности, которые потом становятся не игрой, а кощунством.*

В спешном стремлении к прогрессу материальному духовное человек отбрасывает как нечто лишнее, мешающее, «затормаживающее». Не замечая при этом не только невосполнимости этой потери, но и того, что по сути своей все его стремления призрачны. В судорогах бесплодного и разъедающего сомнения блуждает современный человек, пытаясь отвергнуть веру, свободу, совесть, не останавливается и перед драгоценным началом семьи и рода. Но это не проходит для него бесследно: вместе с утратой связи с предками, вместе с легким прощанием с родной землей человек теряет истинный путь…

---

1 См.: *Платонов О.А.* Русская цивилизация. – М., 1995. – С. 30
2 *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 487
3 *Ильин И.А.* Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 205
4 *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С.288
5 *Распутин В.Г.* Живи и помни. М.: Эксмо, 2002. Здесь и далее произведения В. Г. Распутина цитируются по этому изданию.
6 *Распутин В.Г.* Светлое слово // Советская Россия, 1992, 28 мая. – С.5
7 Евангелие от Матфея, гл. 15, ст. 4

8 *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. – С. 489
9 *Ильин И.А.* Путь к очевидности …– С.313
10 Там же. – С. 175
11 Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 3-7
12 Там же. – гл. 13, ст. 22
13 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 589
14 *Ильин И.А.* Путь к очевидности … – С.57
15 Там же. – С.214
16 Там же. – С.201
17 Там же. – С. 298

ТРЕВОГИ ОСТАЮТСЯ

К тебе обращаюсь, молодежь!

Моему поколению досталось особое время: и вторая мировая, и стройки молодежные. Работа тяжелая, на стройплощадках грязь по уши. И темпы высоченные. В полупустыне у Волгограда в 50-м году прошлого века забили первый колышек, и за 50 лет вырос Волжский-город с 300-ми тысячами жителей.

Не понаслышке знаю новостройки Волжского, Белой Церкви на Украине, Красноярска, Саранска. Тяжело, но мы молодые, все нипочем. И работали дружно и жили весело.

Да, время было другое. В Волжском-городе, в то время еще стотысячном, в сорокоградусную жару ночью двери домов открывали настеж – дышать нечем. И никто чужой не заходил. По Ярославлю ночью после танцев одна ходила через весь город – маленькая девчонка (154см. на 44кг.) и никто ни разу не обидел. Никто!

Ну чем вы хуже нас? Лучше! И росточком взяли, и грамотней, и талантливей. В 2000-м году я писала в «Нерехтской правде»:»Откуда в Нерехте столько талантов?

Заштатный, как говаривали раньше, городок, каких на Руси немало. Средней руки природа: полянки, перелески, а лес давно убежал от ее околицы. Парками-скверами не избалована, и речки тиной затянуло, и карман у нерехтчан «тощой». А хоромы новоселов растут. Значит, есть в Нерехте притягательность. Есть!»

Ловко легла она на перепутье. Ей бы столицей быть. От княжеских иных стольных градов лишь имя звонкое осталось, а Нерехта – средь холмов в добрый час строилась, в недобрый – затаивалась. И выжила. Честь и хвала! Выжила, потому, что корни свои хранила: говорок ни на кого не похожий, культуру свою самобытную. Где в России чуть ли не каждый пишет стихи? Лелеют в Нерехте таланты, потому и не стесняются люди самое сокровенное нести на суд земляков».

Да, Нерехта талантами богата, не зря нерехтчане побеждали и побеждают в стольких олимпиадах, конкурсах, спортивных состязаниях и всероссийского и даже мирового масштаба.

Ладный Нерехта городок! Все-то у него есть: и купола золоченые, и звон колоколов разливанный, и дома старинные с резными наличниками, и новостройки, конечно. Не город – музей! А какие девоньки по улицам ходят – глаз не отвести!

Но ... у иной красы несказанной изо рта дым вонючий, «мать-перемать» пивом смоченная. Хорохорится, королевой себя мнит! А глаза б на нее не глядели, уши б слово ее не слышали! Грязь в душах, на языках – и грязь на улицах: обертки, окурки, бутылки ...

Почему так больше о девице пекусь? Она – будущая мать, воспитатель нашего будущего. Ее дитя либо жизнь создаст прекрасную на своей земле, либо утопит ее в зловонии.

Неужто допустим такое?

Вся надежда на вас, молодых, талантливых, задорных. Объединимся, всем миром навалимся и начнем творить сказ волшебный, имя которому: «Чаровница-лебедушка Нерехта».

И всю Русь за собой позовем:

– Матушка, очнись! Не дай поколению новому дикарем стать ученым, божьи заповеди поправшим! И тебе, родимая, к лицу Чаровницы имя!

Алевтина Алферова

Валерий Секованов

ЭКЗАМЕН

рассказ

Студент первого курса политеха Петр Козолин с дрожью в коленках пришел на экзамен по программированию. Этот предмет казался ему настолько закрученным и непонятным, что он при одной мысли о неминуемой сдаче экзамена морщился и становился похожим на знак вопроса. Программирование Козолин не понимал напрочь, поэтому никогда не садился выполнять домашнее задание, а на занятиях сидел с широко раскрытыми, полными ужаса глазами, наблюдая за построением закрученных алгоритмов.

Неприязнь к программированию пошла у Козолина с школьной скамьи. Его учитель информатики, бывший начальник расформированного транспортного цеха, перешел в учительский корпус, воспользовавшись тем, что в школе не велась информатика. Учитель информатики знал предмет понаслышке и не больно утруждал себя: вместо изучения языков программирования предлагал ученикам игровые программы или редакторы текстов, а сам садился за учительский стол и, закинув нога за ногу, занимался чтением, как он сам говорил, прессы. При таком обучении Козолин научился кой-как с помощью текстового редактора создавать простенький отчет, а с помощью электронной таблицы производить несложные математические расчеты, а вот программировал с трудом. Тяжело ему давались даже линейные алгоритмы, а потому каждый вечер перед тем, как лечь спать, он молил Бога быть к нему на экзамене благосклонным, клялся крестясь, что не будет больше пропускать занятия и усердно примется осваивать так ненавистный ему предмет.

Однако заниматься программированием у Козолина не хватало времени. Дело в том, что Петр подрабатывал в фирме «Орион», где набирал на компьютере тексты, чертил таблички и рисовал схемы.

К экзамену по программированию Козолин готовился сутки, тяжело сопя, пытался выучить схему построения циклов и обработки массивов. Уже, когда стало рассветать, Петр

завел будильник и прикорнул на диване. После бессоной ночи в голове шумело, словно по ней стучали сотни молоточков. «Только бы сдать», – по дороге мучительно размышлял Козолин.

Экзаменатор доцент Петр Кондратьевич Полусапов был сегодня не в духе. Его возмутило, что экзамен пришелся на субботу, пришлось отложить поездку на дачу, где он любил истопить баньку, попариться березовым веничком. Полусапов страдал бессонницей, а потому плохо спал ночь и пришел на экзамен с красными глазами. Утром случилась еще одна неприятность: как назло он не смог найти очки и вынужден был одеть очки сына, которые до боли сдавливали душками голову.

Полусапов зашел в аудиторию, разложил на столе экзаменационные билеты и предложил студентам их тащить. Когда очередь дошла до Козолина, он на ципочках приблизился к столу, зажмурив глаза, вытащил билет и долго не решался сдвинуться с места.

– Назовите номер билета, – сухо спросил доцент.

Козулин не отвечал. Когда экзаменатор повторил вопрос, Петр приоткрыл один глаз, с ужасом промямлил:

– Массивы.

– Что? – удивленно глянув на студента, спросил экзаменатор.

– Билет №5, – растерянно мигая глазами и озираясь по сторонам, словно прося о помощи, пролепетал Козолин.

– Готовьте ответ, – ласково сказал Петр Кондратьевич.

С массивами у Козолина дела были особенно плохи. Как назло, когда проходили эту тему руководство фирмы послало его в командировку. А когда он попытался сослаться на занятость, директор фирмы пригрозил увольнением и показал на дверь. Вспомнив нищенское существование до устройства на работу, Петр извинился перед директором, побежал оформлять в бухгалтерию командировку. Пока мыкался в разъездах, его однокашники штудировали массивы. «Как жаль, что я тогда уехал», – идя готовить ответ на вытащенный билет, подумал Козолин.

Петр в глубине души наделся на шпагалку. Он дома научился быстро вытаскивать спасительную бумажку. Улучив

момент, когда экзаменатор подошел к двери, чтобы впустить в аудиторию очередного экзаменующегося, Козолин сунул руку в карман и уже отсчитал номер интересующей его шпаргалки. Словно предвидя обман, Полусапов резко обернулся и уставился немигающиими глазами на Козолина. У Петра покраснели кончики ушей, на лбу обозначились горошины пота. Он трясущейся рукой вытащил из кармана носовой платок, который предусмотительно дома сунул в карман, где находились шпаргалки, вытер со лба пот и стал сморкаться. Экзаменатор подошел вплотную к Козолину придирчиво его оглядел, не заметив ничего подозрительного, стал пятиться к двери, одновременно наблюдая за экзаменующимися. «Пасет!» – мелькнула тревожная мысль в голове Козолина.

Вскоре экзаменатор пригласил Козолина отвечать по билету. Петр нехотя встал, чувствуя, что по спине пошла мелкая дрожь, взгляд его был туманен и туп. Прежде, чем отвечать, Козолин глянул на преподавателя. Петр Кондратьевич, зевая, сидел напротив, безразлично поглядывая по сторонам. Однако Козолин знал по рассказам старшекурсников, что экзаменатор следит за каждым словом экзаменующегося, а поэтому старался не высказывать о массивах категорических суждений, ограничиваясь общими рассуждениями, как говорится, вокруг да около.

Вскоре невнятный ответ Козолина порядком надоел Петру Игнатьевичу, он поморщился, словно от зубной боли, не спеша пригладил волосы, достал из кармана ручку, написал на листочке два элемента массива a(1) и a(2), громко спросил:

– Как поменять местами значения элементов массива, находящиеся в ячейках памяти a(1) и a(2)?

– Надо записать a(1) = a(2), – выпалил Козолин.

– Вы потеряете значение ячейки a(1), – поправив очки, возразил Полусапов.

Петр, напрягая слух, засопел в надежде на спасительную подсказку. В классе послышался разрозненный шепот. Экзаменатор постучал костяшками пальцев по столу, грозно оглядел класс. Когда все угомонились, сказал:

– Вы пропустили у меня половину занятий.

– Я болел, – промямлил Козолин.

– Почему не отчитались за пропуски после болезни?

– Не хотел Вас лишний раз беспокоить.

Полусапов удивленно глянул на собеседника, ухмыльнувшись, сказал:

– Надо же. Какой жалостливый студент.

Сняв, надоевшие очки, Полусапов спросил:

– Вы можете рассуждать?

Козолин, засопев, чуть заметно кивнул.

– Тогда слушайте: имеется два стакана в одном из которых находится вода, а в другом – сок. Как поменять содержимое стаканов?

Петр молчал. Он обвел взглядом класс, пытаясь уловить спасительную подсказку. Полусапов, не спуская глаз с собеседника, опять застучал костяшками пальцев правой руки по столу, а левой указал жестом на дверь.

– Возьмите третий пустой стакан, перелейте в него сок, в освободившийся стакан из под сока перелейте воду и, наконец, в стакан где была вода перелейте сок. Вот и все. Ясно?

– А причем тут массив? – спросил Козолин. Рот его был открыт, глаза удивленно моргали.

– Подумайте. Этот пример был приведен на лекции при изучении темы массивы. Вы присутствовали на ней?

– Я болел, – краснея, опять соврал Козолин.

– Выходит, что Вы болели полсеместра, перелистывая страницы журнала учета посещаемости, сказал Полусапов.

– Я больше не буду, – промямлил Козолин.

Опять наступила тишина. Козолин обхватил голову руками, зажмурил припухшие от недосыпания и красные от напряжения глаза. Полусапов прошелестел страничками журнала посещаемости и, глянув на Козолина, болезненно скривив губы, словно от удара радикулита, сказал:

– Ставлю Вам неудовлетворительно.

– Я же готовился к экзамену целые сутки, ночь не спал.

– И всего-то?

– А разве этого мало?

– Почему же тогда Вы не можете поменять местами элементы массива?

– Я, я… забыл. Объясните пожалуйста.

– Берете третью ячейку, скажем, k и момещаете в нее значение a(1), потом в ячейку a(1) помещаете значение a(2) и, наконец, в ячейку a(2) помещаете содержимое ячейки k. Мы фактически проделали то же самое, что и в случае смены содержимого стаканов. Вы не можете даже рассуждать по аналогии. Извольте получить заслуженный неуд.

– Полусапов старательно вывел в экзаменационной ведомости «неудовлетворительно», взял со стола зачетную книжку Козолина, сухо сказал:

– Приходите в следующий раз.

– Поставьте троечку, я исправлюсь.

– Не могу.

– Можно придти завтра? Я подготовлюсь!..

– Завтра воскресенье.

– Тогда послезавтра!

Полусапов грозно глянул на Козолина, громко, чеканя каждое слово, сказал:

– Не раньше, чем через неделю!

Экзаменатор резко встал со стула молча показал Козолину жестом руки на дверь.

По дороге домой Козолин рассуждал: «Зачем я устроился в эту фирму?! Придется теперь неделю информатику учить».

Но когда Петр вспомнил, что после экзамена его ждет составление отчета, остановился, почесав за ухом, нерешительной походкой направился к зданию, арендованному фирмой «Орион».

И СМЕШНО, И ПЕЧАЛЬНО, И ГОРЬКО

Почти документальный сказ

Алексей Акишин

ПОДЖИГАТЕЛИ

1. Жаркое лето

Прошлым летом было дело
Сколь домов тогда сгорело.
И жилых и нежилых
Полночь грянет – сразу пых!

От чего горит – загадка?
Чуть не каждый день подряд.
Люди делают догадки
Меж собою говорят. –

Мол, не так мы видно жили –
Позабыв про всех святых.
Знать во всех домах грешили
И в жилых и в нежилых.

А пожарники иначе –
Пишут так в своих отчетах:
От проводки это, значит,
Мол, замкнуло, где-то что-то.

За рекою – ночью летней
Дом горел – сгорело два.
День пожарные ходили –
Разбирались, прояснили:
Мол, сгорели от розетки
Неисправная была.

Все согласны – это дело!
Нет домов и нет хлопот.
Ну, подумаешь, сгорели
В них никто ведь не живет.

А в деревне дед бывалый –
Не согласен с ними он:
Там проводки не бывало
С перестроечных времен.

Чешут плешь и в райотделе,
Беспокоятся ребята.
Неужели в самом деле
Появился поджигатель?

И гурьбой пошли в засаду –
Райотдел под выгреб весь,
Мол, поймать злодея надо.
Всем тогда хвала и честь!

Результаты есть, конечно,
Вот ведут под удила
То заблудшую овечку,
То заблудшего козла.

То любовник попадется –
Где грешил – не там же спать!
Он тайком домой крадется
С думой той: чего соврать.

Хвать его милиционеры –
Что, мол, бродишь по ночам.
Ему на слово не верят
Покажи, мол, кралю нам.

И любовник виновато
Их повел опять во тьму.
Покажу вам все ребята,
Но ни слова никому.

И гуськом, довольно ходко
К той любовнице-красотке.
Покажи такая мать
Нам помятую кровать?

Как, мол, он? И сколько раз
Нынче летом был у вас?
А любовница мила
Только руки развела.

У меня, мол, нету слов
Сколько сразу мужиков!
И хлебнув стакан «Мадеры»
Говорит милиционерам:
Извините, мол, ребята,
Вовсе он не поджигатель.
Было жарко, мол, в постели,
Но вот искры не летели.

Так что вы приперлись даром,
Зря порог мой обивали.
Не от нас идут пожары
Мы, увы, не поджигали.

И сидит нога на ножку
Ну, поддатая немножко
И красива, и юна
И стройнее, чем жена.

На губах огнем помада
Серебро в ушах блестит.
Вот бы место для засады –
Вот бы где посторожить.

– Я останусь здесь, ребята! –
Говорит один своим.
– Я ж сегодня неженатый,
Ну а завтра поглядим.

И остался между прочим.
До полудня был. Устал.
Будто он остаток ночи
Бревна толстые катал.

Что ни ночь везде засады –
На машинах есть отряд.
Жить б спокойно надо
Но беда – дома горят.

Погорело очень много –
Даже больше десяти.
Всем понятно – тут поджоги
Даже к бабке не ходи.

Тут общественность решила
С предложением к властям.
Чтоб в селе спокойно было
Надо шляться по ночам.

И скупиться, мол, не надо –
То, что стопчем сапоги.
До полночи бродят бабы –
А потом уж мужики.

Чтоб сильней была дружина,
Чтобы дух был боевой.
Каждый должен быть с дубиной
Можно даже и с косой.

И лупить всех темной ночью,
Как Мамая в старину.
Тех, кто ходит в одиночку.
Тех, кто прячется во тьму.

С челобитною к Боброву –
Мол, прими, послушай нас.
Подпиши, хоть и суровый
Небывалый сей указ.

Словно дом они по бревнам –
Раскатали перед ним.
Свои мысли так подробно
Дайте власть – посторожим!

У Боброва взгляд серьезный
Как корову продает:
Если надо – это можно,
Как не выручить народ.

Говорит еще такое,
Недоволен очень сам.
Днем работаю главою
И пожарным по ночам.

Только вдруг в прокуратуре –
Кто-то это не поймет.
И напишут это, дурень,
Нарушение свобод.

Сколько же у нас в районе
Этих фактов знаем мы.
Хлоп! – блюстители закона
И отменят хоть бы хны.

Согрешили все же малость,
От закона отступили.
Чтобы ночью не мотались,
Их свободы сократили.

И на каждом перекрестке –
Толпы верных сторожей.
Встретишь здесь не только взрослых
Но и даже малышей.

И стоят толпою, значит,
Смотрят все: кого б поймать.
За спиной дубины прячут
И веревки, чтоб связать.

2. Антон

На беду наш дед Антон,
Шел – старуха послала.
В общем, шел за молоком
А кругом такая мгла.

Ну и мысль его хватила:
Может стоит повидать
Ту, которая любила
Лет полста тому назад.

Дед Антон туда направил
Свои ноги – костыли.
Посидел он там на славу –
Трали-вали, ай-люли.

Приняла его подружка
Очень нежно и тепло.
Он – старик, она – старушка,
Но как в юности пошло.

Шуры-муры, трали-вали
Не без стопочки вина.
Обо всем повспоминали
Засиделись дотемна.

Вот часы пробьют двенадцать,
Спохватился тут Антон.
Все, мол, надо собираться
И отвесил ей поклон.

На прощание клянется
Он любить еще сильней.
Обещает, что вернется
Были б ночи потемней.

Напоследок обмуслякал –
Очень жарко целовал.
И пошел – на брови шляпу,
Будто с каторги сбежал.

Чтоб соседи не узнали –
И особенно жена.
Чтобы не было скандала,
Что шатался дотемна.

Так крадется дед Антон
Там, где тьма погуще.
И в руках несет бидон
Молока полнущий.

Вышел он за поворот
Ну, совсем как в марте кот.
Он любовью прежней тронут.
И в истоме нежной тонет.

Ну и тут вдруг из засады
Налетают роем бабы.
И визжат они, орут:
Бейте девки! Вон он тут!

Ах, попался. Вот же где ты.
Сколько бед уж натворил!
Дали скалкою по репе –
Наш Антон как щи пролил.

Распластался на дороге,
Широко раскинув ноги.

Бабы пчелами летают.
И никак не улетят.
Ребра палками считают
И вообще убить хотят.

Скалкой, палкой, колотушкой
Лупят. Бедный старичок –
Скачет, скачет он лягушкой
Пряча голову в песок.

Отдубасили как надо.
В общем, наш Антон притих.
Разбежались мигом бабы.
Не бывало будто их.

Еле-еле оклемался,
Рад, что жив, что обошлось.
Только на ноги поднялся
Все по новой началось!

Кто-то в морду как замочит –
Дед увидеть не успел.
Он как сизый голубочек
За канаву улетел.

Палкой острой тычут в спину –
И кричат из мата в мат.
Убивай его вражину!
Чтобы знал, как поджигать.

Мужики так отходили,
Так натыкали в бока.
Бабы так не колотили
Бабы гладили слегка.

Видит дед – его мутосят,
Изо всех мужичьих сил.
Он уткнулся в землю носом
Будто дух уже пустил.
И оставили Антона –
Он живуч, очнулся вновь.
Шарил-шарил – нет бидона.
Также нету и зубов.

Отыскал бидон в канаве.
Молока – коту на раз.
И домой Антон наш правит –
Мол, старуха заждалась.

Он идет, кряхтит и стонет.
Дома сразу: «Где ты был?»
Молока принес в бидоне –
Как козлуху подоил.

Тут она взялась за дело –
Но с мутовкою пока.
Только косточки хрустели
У Антона-старика.

У него уж нету духа
Шепелявя говорит:
– Я куплю козу, старуха,
Чтобы больше не ходить.

Чтобы больше не влетело
Не попало по мозгам.
Не мужское это дело,
Но доить я буду сам.

Говорит своей старухе,
Как с козою будем жить –
Может, место ей на кухне,
Чтоб далеко не ходить.

А не то опять засада,
Из которой не уйти.
Вновь толпой отлупят бабы,
А потом и мужики.

Видно дали ему крепко –
Толь дубиной, толь колом.
Крыша съехала, как кепка
Или вовсе унесло.

То, что было этой ночью,
Крепко-накрепко забыл.
Что в любви он клялся вечной
Той, которую любил.

Шепчет он жене на ухо
– Не сочти, увы, за труд.
Но скажи, ответь старуха
Кто ты есть и как зовут?

Утром слух разносят бабы
И молва та говорит.
Дед Антон попал в засаду
И до одури избит.

3. Иван

Расскажу еще такое,
Это знает весь народ.
Может чуточку смешное,
Может быть наоборот.

Там героем стал Иван
Часто он бывал таким.
Чисто выбрит, в меру пьян,
Но бывал когда и в дым.

Выпил летом он однажды –
Где и с кем? Другой вопрос.
Шел походкою неважной,
Но за пазухою нес.

Толь чекушку, поллитровку,
Иль фанфурики – не суть!
Но домой идти неловко,
Как найдут так отберут.

И жалеть его не станут,
Обстановочка плоха.
Не нальет жена ни грамма
и тем более сноха.

И решил Иван иначе –
Похитрее с ними быть.
И придумал он заначить –
Где-то спрятать, затаить.

Улыбается счастливый.
До чего же он умен!
Прячет смело в куст крапивы
У соседа под окном.

Толь чекушку, поллитровку
Иль фанфурики - не суть.
Но пошел другой походкой –
Колесом Ивана грудь.

В дом заходит наш Иван –
Извините, что мол пьян.
На диван он сразу – хряп!
По избе понесся храп.

Он поспал до полуночи,
Ну не спать же до утра.
Коль нутро горит и просит –
Опохмелиться пора.

От снохи и от жены
Он утек за хоть бы хны.
За калитку выбегает
И крапиву раздвигает.

А соседка глянь в окошко
Обомлела: – Эко диво.
Кто-то шарится в крапиве –
Не собака и не кошка.

Кто явился перед ней –
И все больше удивляет.
Уж не он ли тот злодей,
Что ночами поджигает.

И решает так: пора проверить
Кто не спит ночной порой.
Тихой кошкой шмыг за двери
И, конечно же, с клюкой.

А Иван в крапиве шарит
И печалится, что даром:
Нет того, что он заначил,
Подсмотрели бабы, значит.

Чтобы лучше поискать
Стал он спичкой освещать.
Чиркнул раз, потом другой
И упал, как неживой.
Охнул только. Слышен хруст.
То хрустел крапивы куст.

То, конечно же, соседка,
Оказалась очень меткой.
Лихо дернула клюкой –
Изогнулась та дугой.

А Иван от водки хлипкий
Тут и рухнул у калитки.
Не достиг своей задачи, –
Не найдя, чего заначил.

Тут соседка заорала!
И к Ивану в дом стучит.
Поджигателя поймала!
Помогите же добить!

И жена в одной сорочке –
Выбегает темной ночью.

Слово вымолвить не смея,
Чтобы глянуть на злодея.

Подбегает. Где он? Где?
Дайте стукнуть по балде.
Присмотрелась и упала –
Мужа родного узнала.

С кулаками на соседку,
Мол, тебя за это в клетку.
Лет на двадцать посадить
Иль живую схоронить.

А соседка: – Эко диво!
Пусть не лазит по крапиве.
Что попало по мозгам –
Пусть не бродит по ночам.

А помрет – так не тужите!
Свой давно не нужен стал.
Приведу так привяжите,
Чтоб домой не убегал.

Также пьет без всякой меры,
Что горит и не горит.
Не угадывает в двери –
Он такой же паразит.

Он одежд не любит модных,
Что грязнее, то милей.
Забирай, хоть и сегодня,
Если можно, поскорей.

Тут Ивана молвит баба,
От волнения дрожит.
Я, конечно, увела бы
Да ведь точно убежит.

А соседка: – Как ты смеешь!
Мне такое говорить.
Коль накормишь посытнее
Никуда не убежит.

Не заметит он же сразу
С кем теперь придется жить.
Плохо видит правым глазом
Левым вовсе не глядит.

И воспрянула соседка –
Не узнает вовсе, нет.
У меня ж он как наседка
Днем чуть видит, ночью нет.

На рога ему веревку,
Стопку водки впереди.
Без усилий и сноровки
Хоть куда козлом веди.

Но потребоваться может
Вам еще одна кровать.
Спит он крепко, не тревожит.
Может день и ночь проспать.

Я тогда, конечно, тоже –
Не останусь вдовой.
Приведу, кто помоложе
И, конечно, не кривой.

Тут Иван пооклемался
Видит: где-то здесь!
Бедолага догадался –
Вот заначка! Есть!

Он лежит – почти не дышит,
Держит ушки на макушке.
Потихоньку будто мышка
Подбирается к чекушке.

Подобрался, пробку сбросил –
Чуть отпил и говорит:
– Это что там за вопросы
Я ведь вовсе не погиб.

Бабы в бег, не до усмешек.
Он горланит строго: – Стой!
И таких собак навешал
И соседке, и своей.

4. В бане

То представить невозможно –
Так никто вам не соврет.
Было то на Молодежной
Там, где Строгалев живет.

То, конечно, видеть надо
А не то понять не смочь.
Раз пошли дежурить бабы.
Вечер. Тихо. Скоро ночь.

Вот прошли они по кругу.
Уж до центра добрели.
Зинка встретила подругу
И в сторонку отошли.

Тары-бары, растабары
Говорит подружка: – Зин!
Может быть, дойдем до бара
Иль заглянем в магазин.

Зинка баба заводная
Что, мол, вечер зря терять.
Я – согласна. Но не знаю
Сколько водки будем брать.

Улыбается подружка
Если пить так значит пить.
Литры две да к ним чекушку,
Чтобы утром не ходить.

Нету денег на закуску –
Ничего не пропадем.
Ну, сорвем кочан капусты,
Как козлухи зажуем.

Не теряя время даром,
Бабы шмыг – и в магазин.
Взяли водки литров пару
И нищеночек один.

Сели было на крылечко
Дружно крякнули чуток.
Но прохладно. Все же вечер
И к тому же ветерок.

Ну, а если кто нагрянет
То зачем им лишний рот.
И решили бабы в бане
Провести тот вечерок.

Зойка – прыткая, как конь,
Потерявший удила,
Дров охапку принесла
Развели они огонь.

Только брякает стакан –
О мужчинах речь идет.
Этот пьян, а этот плох,
Этот полный идиот.

И трещит, рокочет печка.
В бане жарко, как в аду.
За окошком поздний вечер.
Люди, значит, на посту.

А над баней дым клубится,
В небо тянется вьюном.
А подружки, как синицы,
Чивиркают о своем.

Водка булькает в стаканы,
Хороши у баб дела.
Жарко бабам, бабы пьяны…
И разделись догола.

Тут Степан из дома вышел
Вдоль по улице идет.
Вдруг увидел он под крышей
Сизый стелется дымок.

Так не может быть, ребята!
Знать не зря пошел стеречь.
Это только поджигатель
Где-то вновь решил поджечь.

И Степан уже быстрее,
Шагом шел, а тут бежит.
По мобильнику скорее
На бегу давай звонить.

Сообщил, как стражу надо,
Позвонил везде-везде.
И в пожарную бригаду,
И, конечно, в РОВД.

Знать ребята там не сони –
Сразу приняли сигнал.
Всяк из них, кто был на стреме,
По тревоге всех поднял.

И летит отряд пожарных
И наряд из РОВД.
Чуют близко дым угарный,
Где горит, мол, где?

И рукав пожарный тянут
Через клумбы прямо к бане.
И дивятся – дверь открыли,
Не видали сколько жили.

У пожарных главный...
Даже тот не устоял.
Хоть и молод, и отважен –
Тихо охнул и упал.

В бане пар ядреный, стойкий.
А в печи дрова горят.
На полке подруга с Зойкой
Как голубушки сидят.

Нагишом, конечно, бабы.
Очень нежно обнялись.
Вся одежда тут же рядом
Между ног капустный лист.

Тут пожарных набежало
И других людей немало.
И не знают, как тут быть –
Как такое расценить?

То ли здесь они по пьянке –
То ли мыться собрались,
То ли это лесбиянки
К нам в район перебрались.

Баб, конечно же, под руки –
Приодели, как могли.
Чтобы им не стало скучно,
Вместе с водкой увели.

Печку значит потушили –
Нету дыма под трубой.
И обратно укатили –
И тревоге всей – отбой.

Лишь Степан не убегает.
Видно, мало посмотрел.
Локти он свои кусает:
– Эх, как глупо пролетел.

Ну, зачем ему звонить –
Всех тревожить ночью.
Сам бы мог огонь залить
Даже в одиночку.

И решил: умнее станет
И мудрее может быть.
Он теперь за этой баней
Будет пристально следить.

Смотрит как-то: дым столбом.
Говорит жене: возможно,
Что-то чувствую нутром,
Будет ночь тревожной.

Мол, проверю за углом,
Может, легче станет.
Вышел. Дверью хлопнул и бегом –
Он к дымящей бане.

И в предбанник прибегает,
Будто кот блудливый он.
С ходу все с себя снимает
Остается в чем рожден.

Не бывало так ни разу
Ведь Степан был очень дюж.
Но вернулся гол, синяк под глазом…
Так помылся Зойкин муж.

5. Тамаркина оборона

Завертелось, закрутилось –
Там горит и тут горит.
Тут Тамара всполошилась
За владения свои.

Сетку-рабица купила
На бюджетные рубли.
Стадион отгородила,
Чтобы ночью не сожгли.

Тут, кричит, капкан поставлю.
И не спорьте вы со мной.
Я в райцентре, значит, правлю,
Но ни кто-нибудь иной.

Только так и не иначе –
Я во всем всегда права.
Я – Тамара – это значит
Поглавнее, чем глава.

И проход загородила –
Стал теперь как западня.
В магазин за час ходили,
А теперь вот за полдня.

Как ходить? Она: гадайте!
Разве выход не найти.
Хоть воронами летайте,
Но не каркайте в пути.

Чтобы жить вам и без риска.
Не летайте слишком низко.
А то я и мой Фролов
Жахнем вас из двух стволов.

Не моргнем и глазом даже –
Что ворона нам, что гусь.
Если Ваня мой промажет –
Точно я не промахнусь.

Вот картина – всех затронет,
Всех, конечно, удивит.
Кто-то щипаной вороной
В управление летит.

А внизу – ружье с патроном
И Тамарки зоркий взгляд.
Если каркнет вдруг ворона –
Только перья полетят.

Дед стоит. Он в ахи, в стоны,
Свят, мол, свят! Весь побелел.
Ведь над ним глава района
Как архангел пролетел.

Есть и те. И очень много.
Что пошли ее дорогой.

Стук пошел довольно гулкий.
Даже ночью не заснешь.
Все забили переулки
Где ходили – не пройдешь.

Все кругом загородили,
И устроили завал.
Так райцентр наш изменили,
Что никто не узнавал.

А один: ничто получше
Он не мог сообразить.
Предложил: село колючкой
Раза в три бы обложить.

И тогда, сказал он людям,
Никаких забот не будет.
И злодею путь короткий,
Скажем точно: заверяем,
Как барана в загородке –
За два дня его поймаем.

6. Шашлыки

А еще однажды случай
Был в деревне вот какой.
Загуляли целой кучей –
Пиво, водка – все рекой.

Пили так – не от безделья.
День тогда рабочий был.
Собралися на веселье
Всяк, кто мимо проходил.

Толь хозяин скуповатый,
Иль жена его без рук.
Но с закуской бедновато:
Черствый хлеб, зеленый лук.

Тут же гость один кудрявый
Сам решил без лишних слов.
Обстановку ту исправить
И нажарить шашлыков.

И не стал тянуть резину –
Ох, шустер видать пострел.
В деревенском магазине
Все купил, чего хотел.

Не нашлось барана туши –
Труден с бабками вопрос
Но набрал он ножек буша
Сумку целую принес.

Выпил стопку за удачу,
Луком свежим закусил.
И огонь разводит, значит,
Курьи ноги разрубил.

И поверьте, то не сплетни –
И не выдумки кота.
Дым увидел дед столетний
И смекнул: то неспроста.

Дед скорей на телефон
И с порога: «Трубка где?»
Набирает номер он
Гневно звонит в РОВД.

Приезжайте к нам, ребята,
Представляете, что ждет.
Объявился поджигатель,
И уже чего-то жжет.

Глаз с него я не спускаю,
И вас нет пока нигде.
Я за ним понаблюдаю
Может, дернуть по балде?

Нет! – ответил телефон,
Мер не надо никаких.
Будем брать его живьем.
Дед все понял. Не затих.

Приезжайте? – звонит с матом,
Голосок его дрожит.
– Вдруг услышит поджигатель –
В морду даст и убежит.

По дороге мчат машины –
И мигалки – пых да пых!
И у всех в руках дубины
И наручники при них.

Приезжают. И за дело,
Дело наше, мол, секрет.
Где мужик кудрявый, белый?
Где звонивший древний дед?

И дивятся тут ребята:
Это что ли поджигатель,
Весь пропахший шашлыком?
Он же им давно знаком.

Знают только в коммунальном
Он работает теперь.
Там он если не начальник,
То уж точно инженер.

Но скажу я честно вам:
Это был не Гена Хлам.
Это был совсем другой
Пошустрей и молодой.

Все, конечно, извинились.
Это дед, мол, позвонил.
То ли башня накренилась,
То ли водки много пил.

Дед глухой: «Чего? Чего?»
Да о чем тут может речь.
Видишь, спички у него...
Значит, может, и поджечь.

И кудрявого забрали,
Но совсем не за поджог.
И наверно, наказали –
В день рабочий водку пьет.

Рассказали это сами
Или так до всех дошло .
Про Антона и Ивана
В миг узнало все село.

От старушек что ли древних,
Может быть, от молодух.
И про случай тот в деревне
Разлетелся пулей слух.

Кто-то тут замолвил слово –
Точно на ухо шептал.
Ни кому-нибудь – Боброву,
Все про это рассказал.

Настучал! Но это точно –
Не решим проблему мы.
А в селе, мол, нашем ночью
Очень улицы темны.

Потому-то в наши сети
Попадаются не те.
Мол, пускай электросети
Светят лучше в темноте.

7. Да будет свет!

Честь воздать Боброву надо,
Понял сразу, в чем укор.
И электриков бригаду
Вызывает на ковер.

Предисловий он не делал –
По столешнице рукой:
– Вот даю я вам неделю
Чтоб покончить с темнотой.

В кабинете голос гулко
Будто колокол гремел,
Чтобы в каждом переулке
И в деревне свет горел.

И работайте, ребята,
От зари и до зари.
Коль столбов у вас не хватит
Ставь на рожах фонари.

И особо не робейте –
Такова задача дня.
Без разбору в морду бейте –
Чур, конечно, не меня.

Почему, чтоб ваши знали,
Чтобы помнили о том.
Моя рожа без фингала
Так и светится огнем.

Все дошли уже до двери –
Им Бобров бросает вслед.
Обещаю, я проверю
Все – везде горит ли свет.

Энергетики и сами:
– Что? Мы разве подведем.
Кто-то ходит там с когтями,
Кто со сжатым кулаком.

И работа закипела
Своей честью дорожа.
Все электрики при деле,
Вместе с ними сторожа.

Даже хмурая техничка,
Что хила-то не смотри.
День-другой – вошло в привычку –
Смело ставит фонари.

А глава наш специально –
Ездил часто проверял.
Пусть не выдал премиальных,
Хоть взашей не надавал.

Люди чествуют Боброва –
Вот, мужик, мол, не бахвал.
Если дал народу слово,
То смотрите как сдержал.

Стал райцентр наш очень светел,
Ночью видно будто днем.
На столбе светильник светит,
Каждый встречный с фонарем.

Двое в центре у базара
Место встречи их – базар.
Что ни глаз – под каждым фара
И на лбу еще фонарь.

В деревнях – как будто днем
Ночью. Даже и светлей
Где стоит всего лишь дом
Светит сорок фонарей.

И районный наш простор
Очень ярко засиял…
Но злодей был так хитер!
Свое дело продолжал.

Вновь нанес он свой удар –
Ну никто не ожидал.
На Строителей пожар
Ровно в полночь запылал.

Были бдительные люди,
Кто-то видел и сказал.
Тут недавно Лешка Губин
Как-то странно пробегал.

И к нему милиционеры
Сразу бросились скорей.
Только шмыг к нему за двери
Вот, мол, кто ты есть, злодей!

Признавайся сразу лучше.
Мол, давно по следу шли.
И ведут его под ручки, –
И в кутузку увели.

Он, конечно, виноватый –
И трясется даже весь.
Признаюсь во всем, ребята,
Что меня попутал бес.

Говорит, все лето правил,
Не давал ночами сна
То ли леший, то ли дьявол
Или может сатана.

И уже машина мчится –
Поджигателя везут.
И в Никольскую больницу –
Что за бесы в нем живут.

Месяц-два его смотрели
Нигде беса не найдут.
Передали его дело
Прямо в наш районный суд.

Суд у нас такой гуманный.
А к нему особо был.
Мы тебя садить не станем –
Ты же пользу приносил.

Ведь сейчас стоит вопрос,
Все ветшалое под снос.

Кабы больше ты поджег
Получить награду мог.

Ведь у нас почти кругом
Всем домам пора на слом.

Кто же будет их ломать?
Значит – надо поджигать.

Так что с богом уходи –
Мол, держать не смеем.

Скоро лето впереди
Действуй посмелее.

И теперь весь наш народ
С опасением лета ждет.

Ни к чему тепло,
Ни к чему цветочки.

Лишь бы только пронесло.
Все. На этом точка.

Село Павино, Жаркое лето 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Шапошников. Твои века, Кострома 3
Павел Румянцев. Встреча 19
От составителя. Что имеем... 23
Объяснительная записка к программе по литературе 26
Через пятьдесят лет 31

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ

Николай Алешин. Золотой пирог. Рассказ 33
Михаил Базанков. Из Мюнхена в Кострому на Родину . 42
Станислав Михайлов. *Стихи* 45
Борис Гусев. Историческая ценность 48
Константин Абатуров. Корни 50
Анатолий Беляев. *Стихи* 55
Николай Муренин. *Стихи* 58
Евгений Разумов. *Стихи* 62

ЗНАМЕНИТЫЕ ЗЕМЛЯКИ

Виталий Пашин. Хранители истории 66
Михаил Базанков. На добрую историческую память ... 72
Сергей Марков. Крепкое звено 80
Представляем автора. Леонид Фролов 81
Леонид Фролов. Грузди-рыжики 82
Николай Колотилов. Строгие вопросы 94
Николай Коротков. Слагаемые творческого поиска 96
Виктор Хохлов. Всем смертям назло 99
Олег Куваев. *Рассказы* 110
Евгений Степаненко. «Я счастливо жил в Костроме...» 115

КОНКУРС «РУССКИЙ ДОМ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Михаил Базанков. Конкурс 119
Юлия Торцева, Камила Седых,
Екатерина Ершова, Арина Лазарева. Земляки 122
Юлия Смирнова. Сигнал бедствия 130
Виктория Забалуева. Шигорины 134
К**сения Грибова, Наталия Трусова**. Сын своей земли 139
Юрий Шабаров. Любимая песня Сперанского 143
Екатерина Горбунова. Заслуженный пилот России 149
Оксана Хазова. Двое из войны 153
Ольга Барышева. Семейные тревоги 155
Алевтина Алферова. Тревоги остаются 168
Валерий Секованов. Экзамен. *Рассказ* 170

И СМЕШНО, И ПЕЧАЛЬНО, И ГОРЬКО

Алексей Акишин. Поджигатели. *Сказ* 176

1. Жаркое лето 176
2. Антон 181
3. Иван 185
4. В бане 190
5. Тамаркина оборона 195
6. Шашлыки 197
7. Да будет свет 200

Содержание 205

Оформление сборника по графике:

Л.Алексеевой
М.Базанкова
А.Мариева
Б.Полянского
А.Тамбовкина
В.Чистова

Тематический литературный сборник подготовлен по материалам известных писателей и поэтов при участии членов литературных объединений и публикуемых впервые новых авторов – участников областного творческого конкурса.

НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Литературно-художественный сборник

Общеее и художественное редактирование — М.Ф.Базанков
Дизайн, компьютерный набор и оригинал-макет — А.М.Базанков
Корректоры —

Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 16, Усл.п.л. 13. Заказ .
Тираж 600 экз.

Отпечатано в ГП «Областная типография им. М.Горького»
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.